

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрин
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 28.06.2019 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 11,2. Тираж 500 экз.

Заказ № 209/300.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ**Орехов Андрей Михайлович**

«Когнитивный стиль»
российской социально-гуманитарной
науки: обгон невозможен,
но возможно опережение?..... 7

**Осипов Олег Викторович,
Аверьянова Дарья Валерьевна**

Православная церковь
современной России
в системе гражданского общества..... 15

**Коротышев Александр Павлович,
Рыхтик Павел Павлович**

Игровые онлайн-сообщества —
ресурс формирования
гражданской идентичности
российской молодежи 30

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- С. В. Борисов* — доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Е. В. Грунт* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Ю. Г. Ершов* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Филип Иванович* — Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
- Виктория Лезьер* — доктор философских наук, профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- В. Г. Ледаев* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. Н. Медушевский* — доктор философских наук,
профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Павлов* — доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В. Д. Попов* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- Г. Л. Тульчинский* — доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. С. Чупров* — доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* — доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. В. Павроз* — доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. В. Понделков* — доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О. Ф. Русякова* — доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* — доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А. Ю. Сунгуров* — доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* — доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* — доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* — доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Ковбан* — кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С. В. Кодан* — доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А. Б. Сергеев* — доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л. М. Байтенова* — доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л. М. Муталиева* — кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И. В. Лаврентьева* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т. Ю. Савченко* — кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. Н. Лукин* — кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* — кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С. С. Смирнов* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д. В. Тимофеев* — доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ

**Лапыгин Юрий Николаевич,
Сивякова Милана Викторовна**
Проектный подход к разработке
стратегии региона 40

Кулай Светлана Владимировна
Анализ критериев отнесения
муниципальных образований
к моногородам 50

**Морошкина Марина Валерьевна,
Мурашкина Лидия Викторовна**
Социальное предпринимательство —
форма экономической активности 63

КУЛЬТУРА

Эзри Григорий Константинович
Персонализм и проблема
межличностной коммуникации
(историко-философский контекст)..... 76

Богданова Вероника Олеговна
Практики самопознания в античной
и средневековой философии 86

**Дядык Наталья Геннадьевна,
Конфедерат Ольга Владимировна**
Концептуальный фильм
как форма философствования
(экзистенциальная проблематика
фильмов В. Вендерса)..... 95

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ**

**Научный журнал
«Социум и власть»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

09.00.01 — Онтология и теория познания.
09.00.03 — История философии.
09.00.04 — Эстетика.
09.00.05 — Этика.
09.00.07 — Логика.
09.00.08 — Философия науки и техники.
09.00.11 — Социальная философия.
09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 128.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

**Тиллманнс Мария да Венза
(Tillmanns Maria daVenza),
Креспо Вильфредо (Вилли)
(Crespo Wilfredo (Willy))**

Философская практика
и апория в тюрьме 107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Борисов Сергей Валентинович

Как нужно понимать философию?
Как нужно понимать философию?
(по материалам семинара Лидии Амир
«Принимая философию всерьез»,
23—27 мая 2019 г., Челябинск —
санаторий-курорт «Кисегач») 120

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration
 Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012

Issued by Russian Surveillance Service

for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 28.06.2019 r.

Format 70×108 1/16

Reference sheet area 11,2. Issues — 500.

Order № 209/300.

Designed and printed at

454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Andrey M. Orekhov

“Cognitive style” of Russian
 social-humanitarian science:
 overtaking is impossible,
 but is outstrippng possible? 7

Oleg V. Osipov,

Darya V. Averyanova

Institution of the Church
 as a subject of civil society
 in modern Russia..... 15

Alexander P. Korotyshev,

Pavel P. Rykhtik

Online gaming communities
 as a resource for forming
 the civic identity of Russian youth..... 30

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Filip Ivanovic — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St.Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

- Yury N. Lapygin,
Milana V. Sivyakova**
Developing a region's strategy
as a project.....40

- Svetlana V. Kulay**
Analyzing criteria for classifying
municipalities as single-industry
(single-industry cities)50

- Marina V. Moroshkina,
Lidiya V. Murashkina**
Social entrepreneurship
as a form of economic activity63

CULTURE

- Grigoriy K. Ezri**
Personalism and the problem
of interpersonal communication
(historical and philosophical context)76

- Veronika O. Bogdanova**
Practices of self-knowledge
in ancient and medieval philosophy86

- Natalya G. Dyadyk,
Olga V. Confederat**
Conceptual film as a form
of philosophizing (existential perspective
of W. Wenders's films)95

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 128.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

**Tillmanns Maria daVenza,
Crespo Wilfredo (Willy)**

Philosophical practice
and aporia in prison..... 107

SCIENTIFIC LIFE

Sergey V. Borisov

How should we interpret philosophy?
(as exemplified by the materials
of Lydia Amir's seminar
"Taking philosophy seriously",
May, 23—27, 2019, Chelyabinsk,
"Kisegach" resort) 120

Для цитирования: Орехов А. М. «Когнитивный стиль» российской социально-гуманитарной науки: обгон невозможен, но возможно опережение? // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 7—14.

УДК 140.8

«КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ» РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ: ОБГОН НЕВОЗМОЖЕН, НО ВОЗМОЖНО ОПЕРЕЖЕНИЕ?¹

Орехов Андрей Михайлович,

Российский университет дружбы народов,
доцент кафедры социальной философии,
доктор философских наук, доцент,
Российская Федерация,
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу когнитивных стилей в современных социально-гуманитарных науках. «Когнитивный стиль науки» — это совокупность правил и норм выбора способов объяснения и описания, построения и организации, доказательности и обоснования той или иной системы научного знания. Всего существует три когнитивных стиля: НПА-стиль («неопозитивистско-аналитический»), КГМ-стиль («Кант — Гегель — Маркс»), ФББ-стиль («Фуко — Бодрийяр — Бурдьё»). У каждого из этих стилей есть свои достоинства и свои «проблемные точки». Российская социально-гуманитарная наука исповедует КГМ-стиль, а западная наука в основном придерживается НПА-стиля. Для того чтобы догнать и опередить западную науку, российским ученым надо не подражать НПА-стилю, а развивать и углублять свою собственную КГМ-методологию. Стратегия российской социально-гуманитарной науки в современном научном пространстве — это не обгон, а опережение с использованием всего когнитивного потенциала КГМ-стиля.

Ключевые понятия:

социально-гуманитарные науки,
когнитивный стиль науки,
социология науки,
философия науки,
социальный реализм.

Введение

В последние пять — семь лет правительство Российской Федерации и Министерство образования и науки наконец ясно и точно сформулировали свою позицию в отношении перспектив и тенденции развития российской науки. Эта позиция выразилась в следующем: российская наука (включая социально-гуманитарную) должна предпринять усилия для того, чтобы войти в мировую научную элиту, а основным мерилем для ее возможного прогресса должны стать общепринятые наукометрические показатели (количество международных премий, число публикаций и число цитирований в международных базах цитирования Web of Science/Scopus, индекс Хирша в его международном измерении и др.).

Говоря слоганом советской эпохи, «откликаясь на данный призыв», российские ученые оказались в весьма щекотливом положении.

В-первых, непонятно, почему он прозвучал так поздно, и почему ему было непрозвучать раньше, например, на рубеже девяностых и нулевых годов? Во-вторых, почему он не сопровождается радикальным увеличением инвестиций в науку, — как это случилось, к примеру, в Китае? В-третьих, почему при этом международные научные фонды (фонд «Открытое общество», Фонд Маккартуров и др.), оказавшие неопределимую помощь российской науке в «лихие» девяностые годы, оказались объявлены «иностранными агентами» и не мытьем, так катаньем выдворены из страны? Чем они, собственно, помешали прогрессу российской науки?

Конечно, задача этой статьи не сводится к тому, чтобы объяснять всю *иррациональность* поступков российской бюрократии и нашей отечественной политической элиты. Надо признать иное: *разумная подоплека* в этом призыве имеется. Другое дело, что представители разных научных дисциплин оказались явно в неравном положении. Одно дело — российские математики, физики, химики, — которые *и без того* являются частью мировой научной элиты. Другое дело — российские социальные ученые и ученые-гуманитарии: они, наоборот, находятся в аутсайдерах мировой научной мысли, или, если выразиться совсем ясно, являются представителями «слабой» социальной науки, в то время, как, к примеру, западную социальную науку (в первую очередь, англо-американская) следует расценивать как «сильную» социальную науку².

Не существует дефицита в попытках объяснить указанную «отсталость» российской ² О понятиях «сильная» и «слабая» социальная наука см. [7].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РУДН; инициативная НИР № 100114-0-000 «Человек и общество в контексте современности».

социально-гуманитарной науки — как *общую отсталость*, так и *ту, что можно измерить наукометрическими показателями*. Например, согласно С. А. Кугелю, слабость российской науки (в первую очередь, социально-гуманитарной) следует объяснять следующими факторами: 1) низкий уровень финансирования, непрозрачность финансирования, неразвитость грантовой системы; 2) невовлеченность ученых в управление наукой; 3) кадровая проблема, «утечка мозгов»; 4) отсутствие поддержки наиболее конкурентоспособной группы ученых; 5) несформированность системы научных коммуникаций в России [5, с. 52]. Подробный анализ *особенностей применения наукометрических показателей* к социально-гуманитарному знанию можно найти у А. И. Иванчика [3].

В частности, он отмечает:

«Необходимо осознать неприменимость наукометрических подходов для гуманитарных наук в нынешних условиях, что связано, прежде всего, с несовершенством имеющихся баз данных, и отказаться от их использования. Если в будущем удастся создать международные базы данных и индексы цитирования, в которых гуманитарные публикации будут отражаться с той же полнотой, с какой сейчас отражаются публикации по естественным наукам (не только по числу публикаций, но и по их объему), то к этому вопросу надо будет вернуться. В этом случае библиометрические данные, вероятно, смогут играть в гуманитарных науках ту же роль, что и в естественных, то есть роль удобного вспомогательного инструмента в руках квалифицированного эксперта. В нынешних условиях эксперт этого инструмента лишен» [3, с. 991].

Но и здесь мы встаем на *принципиальную позицию*, проблему «отсталости» российской социально-гуманитарной науки вряд ли стоит сводить исключительно к причинам *институционального характера* (финансирование и т. п.), — хотя, конечно, они также имеют значение¹. Весьма существенным источни-

¹ На второстепенное значение «институционального фактора» может указывать следующий пример из истории науки: на рубеже XVIII—XIX вв. Германия была слабым, раздробленным и отсталым государством на фоне куда более передовых Франции и Англии. Оклады и пенсии немецких профессоров ведущих германских университетов тоже были явно ниже, к примеру, окладов и пенсий профессоров Оксфорда, Кембриджа и Сорбонны. Но это не помешало немецким философам создать передовую для их эпохи «немецкую классическую философию». Разве этот не нравоучительный пример нынешним российским ученым, без конца сетующим на свое бедственное материальное положение и приводящим в качестве единственной причины собственной «исследова-

ком, продуцирующим данное отставание, является, с нашей точки зрения, *различие в когнитивных стилях*, используемых, с одной стороны, представителями западной науки, а с другой, российской, а также отсутствие у российских социальных ученых *грамотной научной стратегии, позволяющий им максимально использовать потенциал своего когнитивного стиля* в своих исследованиях, — об этом и пойдет речь в данной статье.

«Когнитивные стили науки» в социально-гуманитарном знании

Под понятием «когнитивный стиль науки» мы подразумеваем следующее: это совокупность правил и норм выбора способов объяснения и описания, построения и организации, доказательности и обоснования той или иной системы научного знания.

Схожие определения «когнитивного стиля науки» есть и у других авторов — например, у С. А. Лебедева:

«Когнитивный стиль науки — операциональная характеристика процесса научного познания, делающая акцент на специфике языка науки, его общих категорий, методов получения и обоснования знания, способов принятия когнитивных решений и их утверждений. ... Независимо от степени общности когнитивного стиля и особенностей различных конкретно-научных стилей мышления, они мало зависят от отдельных ученых, ибо принимаются ими в целом в силу профессиональной принадлежности и в этом смысле имеют объективный характер в отличие от индивидуального когнитивного стиля» [6, с. 403].

Анализ современной западной научной периодики (особенно англоязычных журналов первой и второй четверти Scopus — а там сплошь одни англо-американские издания) наводит на грустные мысли в отношении возможностей публикаций в них российских авторов: нас, российских социальных ученых, могут там просто *не понять* (в буквальном смысле этого слова) и *не принять* именно по причине иного «когнитивного стиля», несмотря на бесспорное наличие интересных и более чем инновационных идей. Эта потенциальная отечественная инновационность находится как бы за пределами «парадигмы инновационности» современной западной (особенно англо-американской) социально-гуманитарной науки, и кардинально отличается от нее «когнитивным стилем» поиска философской и научной истины.

На наш взгляд, в социально-гуманитарном знании начала XXI в. сложились три *когнитивных стиля* научного дискурса, которые *тепловой отсталости* низкий уровень финансирования образования и науки?

можно условно обозначить как НПА-стиль, КГМ-стиль и ФББ-стиль.

НПА-стиль («неолозитивистско-аналитический») — когнитивный стиль, базирующийся на логическом (логико-аналитическом) анализе научных проблем, со строгими правилами логического вывода, формализованный и частично математизированный, исключающий (или почти исключающий) спекулятивный метафизический дискурс, эмпирически заостренный (в том числе и посредством методологии «кейс-стади»).

Данный стиль является доминирующим в современных англо-американских журналах, а поскольку именно они составляют базу периодики Web of Science/Scopus, — то его следует считать доминирующим в самих Web of Science/Scopus.

КГМ-стиль («Кант — Гегель — Маркс») — когнитивный стиль, основанный на категориально-предметном анализе, с использованием абстрактных, метафизических категорий, с относительно свободным дискурсом, с нежестким применением правил логического вывода, при этом во многих случаях — социально-критичный (социально-заостренный) относительно существующей социальной реальности.

Применение в аббревиатуре имен трех великих мыслителей (Канта, Гегеля и Маркса) объясняется очень просто: Кант и Гегель фактически заложили основы категориального анализа и современной метафизики, а Маркс во многом сформировал критическое отношение (или скажем так: желание реализовать *критический анализ* или *критический дискурс*) касательно окружающего нас социального мира.

В каком научном регионе доминирует этот когнитивный стиль? Конечно же, это, в первую очередь, Россия и страны СНГ, частично — восточная Европа и Германия, а также Франция и Италия (неомарксизм и неогегельянство)

ФББ-стиль («Фуко — Бодрийяр — Бурдье»¹) — когнитивный стиль, основанный на постструктуралистско-постмодернистском анализе социальной реальности, где главными инструментами исследования выступают методы социального конструирования реальности, деконструкции, шизоанализа, «археологии знания» и т. п. Такой стиль отличается сверхсложностью и логической запутанностью доказательств (или даже полным их отсутствием), склонностью к парадоксам и неожиданными оппозициям, превращениям философских текстов в литературные эссе и т. п.

¹ Здесь с равным успехом на место Бурдье или Бодрийяра поставить, к примеру, Ж. Батая.

Две классических методологии, которые проповедуют стиль ФББ, как уже было сказано, рождены французской школой социально-гуманитарной мысли — это постструктурализм и постмодернизм, хотя их поклонников и подражателей можно отыскать во многих странах, включая, естественно, и Россию.

Проблемные точки в использовании основных «когнитивных стилей»

Каждый из этих когнитивных стилей по своему эвристичен и эффективен в достижении исследовательского результата. Однако вместе с тем у каждого есть свои методологические недостатки, или, лучше сказать, «проблемные точки», — хотя опять же следует заметить, что все они есть своего рода *продолжение* тех достоинств, которыми эти когнитивные стили обладают.

«Проблемные точки» НПА-стиля:

Мы бы указали здесь на четыре таких «точек»: 1) слабое внимание к концептам, концептуальная «неграмотность» и даже «концептуальная неразбериха»; 2) кейс-стади как основной метод доказательства; 3) излишний формализм; 4) излишнее доверие официальным авторитетам, перебор в «ссылочности».

Самое легкое здесь — это пункт третий: «излишний формализм». Для исследователя, исповедующего НПА-стиль, считается само собой разумеющимся максимально *формализовать* и даже *математизировать* свои исследования. Математические и логические формулы здесь стали неотъемлемой частью не только политологических, социологических и экономических, но, и, к примеру, философских статей. Надо сказать, у российского гуманитария, как у представителя КГМ-стиля, такой подход вызывает удивление, и он выглядит даже слегка *одиозным* и *слабодознательным* в его глазах. Надо сказать, к тому есть основания. Любые формализации и математизации, всякое использование количественных подходов должны знать свою меру в социально-гуманитарных науках. Чрезмерное, неразборчивое увлечение ими, так характерное для НПА-стиля, наносит серьезный вред восприятию идей автора, в том числе представителями ФББ и КГМ-стилей.

Применение метода «кейс-стади» у представителей НПА-стиля в большинстве случаев подразумевает *приведение элементарных эмпирических примеров* для иллюстрации собственных теоретических (и порой даже спекулятивных, весьма абстрактных) положений. Поразительно, насколько порой такие случаи демонстрируют *невежественность* автора от-

носителем того, сколь *сложная корреляция существует между эмпирическим и теоретическим уровнем в социально-гуманитарном познании*, и как мало значит здесь теоретическая верификация через *простое приведение примера*. Причем этот недостаток можно считать столь *привычным* для представителя НПА-стиля, что эта «привычка» приводит их к классическому промаху для любого ученого: он начинает двигаться *от модели реальности к реальности модели*, а экзамен на соответствие модели реальности попросту *фиктивен* — ответ всегда будет «правильный» — поскольку любые «правильные примеры» здесь подобрать не составит никаких проблем.

Даже для таких современных и популярных методологических программ, как, например, программа «критического реализма», эта проблема — игнорирование сложной взаимосвязи между эмпирическим и теоретическим уровнем — встает со всей остротой, что и отмечает Дж. Ходжсон, критикуя реализм Т. Лоусона:

«Критические реалисты с полным правом делают акцент на важности причинно-следственных механизмов и глубинных социальных структур, однако это не решает поставленной задачи. Мне могут возразить, что критико-реалистическая теория существует не для этого: философия не может подменять собой науку. Но если так, то какой же смысл в *том единственном приведенном Лоусоном примере казуального объяснения промышленного спада* в Великобритании как «иллюстрации» критического реализма? Значение и даже сама возможность подобных иллюстраций подвергаются, таким образом, сомнению» [9. с. 47].

Перебор в «ссылочности», также, на наш взгляд, составляет серьезную проблему для представителей НПА-стиля (в этом аспекте стиль российских социально-гуманитарных публикаций нам представляется гораздо более свободным). При анализе публикаций практически всех англо-американских и европейских журналов может возникнуть ощущение «советского» *марксистско-ленинского* периода: здесь ссылка, там ссылка, и здесь ссылка, и там еще ссылка, — а где же ваше, *авторское, оригинальное, самобытное*? Зачем без конца ссылаться там, где можно обойтись без этого? Но формализация и ужесточение копирайта в западных странах фактически привело журналы *Web of Science/Scopus* к абсолютному «беспределу» ссылочности — такому, что в этом «беспределе» зачастую тонет даже самая оригинальная авторская мысль.

Но все это, опять же, грех малый. Самый серьезный упрек, который можно сделать представителям НПА-стиля — концептуальная «неграмотность», неумение работать с

концептами. Это то, что на наш взгляд, серьезно сдерживает прогресс англо-американской социально-гуманитарной науки, — и то, на чем, опираясь на авторитет Канта и Гегеля, — могла бы делать себе имя на Западе российская социально-гуманитарная наука...

Приведем соответствующие примеры.

Как, к примеру, можно говорить о «бегстве от реальности» в *гуманитарных науках*, на деле подразумевая науки исключительно *социальные*? [10]. Как экономисты, представители НПА-стиля могут бесконечно рассуждать о «социальной онтологии», когда их вотчина — только лишь *экономическая онтология*? [13]. Когда нами и всеми глубокоуважаемый патриарх «методологического цеха» израильский философ Джозеф Агасси вслед за Александром Розенбергом утверждает, что «социальная философия [всего лишь!! — А. О.] — метафизические предпосылки социальных наук» [11, р. 537], то от удивления остается просто разводиться руками: если *патриарх* так говорит, то, что же взять с остальных представителей НПА-стиля?

Следует также указать на «социологический империализм», когда «методы социологического исследования» изящно и просто *подменяются* «методами социальных исследований», «социологическая теория» также легко меняется на «социальную теорию», а «социологические институты» (которыми — исключительно! — только и может по своему статусу заниматься социология) легко меняются на «институты социальные», чем вносится, на наш взгляд, очень серьезная концептуальная неразбериха во весь понятийный аппарат социально-гуманитарного познания¹.

От всего этого «концептуального кошмара» (мы привели лишь малую часть возможных примеров) возникает известный вопрос: «*quo vadis?*» — *куда идешь*, западная социально-гуманитарная наука? Стоит ли нам идти вслед за ней?

Ответ он (здесь мы опережаем концовку этой статьи), — *идти надо, но делать это надо своей дорогой*, — на которой, впрочем, рифов и «идолов» (в том смысле, как их понимал Ф. Бэкон) и того больше...

«Проблемные точки» КГМ-стиля:

С нашей точки зрения, этот стиль имеет следующие проблемы: 1) спекулятивность; 2) «схоластичность», излишнее внимание к определениям, понятиям, концептам; 3) отсутствие того, что можно условно назвать *критической школой* «современного аналитического мышления».

¹ Этому, к сожалению, подражают и российские социологи. Критика «социологического империализма» в социальных науках: см. нашу работу [7].

«Спекулятивность» или, скажем так, отрыв от эмпирической реальности в пользу наращивания «категориальных» или «концептуальных мышц» — это, конечно же, весьма серьезная проблема КГМ-стиля. Погоня за сложным категориальным анализом ведет к излишней абстрактности и спекулятивности, — такого высокого уровня, что с трудом поддается любой верификации и фальсификации. Представитель НПА-стиля, анализируя, к примеру, публикации российских философов, задаст резонный вопрос: а почему у вас в ваших философских статьях так мало логических и математических формул? Где апелляция к практике, в том числе и посредством «кейс-стади»? Где живые примеры — «из жизни»? Где реальная социальная практика, которой проверяются ваши философские высказывания? Никакие доводы в пользу того, что философия — это самая изощренная в своих абстракциях научная дисциплина, тут не подействуют...

Вторая «проблемная точка» КГМ-стиля — это «схоластичность», когда многие положения и суждения представителей этого стиля тонут в бесконечном потоке определений, концептов, категорий и т. п. Потому сторонники НПА-стиля и ФББ-стиля могут сформулировать здесь следующее замечание представителям КГМ-стиля: *ваше мышление не только спекулятивно, но еще и схоластично. Вы не свободны от своих категорий, ваши категории управляют вами, а не вы — ими*, — с этим замечанием можно согласиться, хотя, вероятно, не в его полном формате...

Третий недостаток — отсутствие того, что можно условно назвать *школой* «современного аналитического и критического мышления». Этот недостаток скорее не следует из когнитивной природы стиля, а происходит из дефицита эвристических возможностей его применения. Проблема в том, что КГМ-стиль как бы *застыл* на эпохе Канта — Гегеля — Маркса (это XIX и, может быть, отчасти XX в.) и с тех практически не разрабатывается как *современный* (или, лучше сказать, *постсовременный аналитический стиль*). Он не разрабатывается, не развивается, не превращается в аналитический и критический инструмент исследования нашей эпохи постиндустриализма, постмодерна, «информационности» и т. п. Его эвристический, когнитивный потенциал задействован максимум на 5—10 %, — это в отличие от НПА-стиля, который работает, так сказать, на полную мощность. Мы после Канта — Гегеля — Маркса не создали почти ничего, что продвигало наше категориальное канто-гегелевское мышление в направлении современности. У нас нет *аналитической школы* (или, если

угодно, *школ*), которые могли продуцировать оригинальные и инновационные идеи *такого же эвристического уровня*, как имеются в НПА-стиле¹. Более того, мы еще к тому же утратили (и, судя по всему, надолго, если не навсегда) тот *дерзкий* критический настрой, что был, к примеру, задан великим критиком своей эпохи Карлом Марксом!

Пока это *самая серьезная проблема*, и как ее решить, мы пока не знаем².

¹ Приведем рассуждения нашего ведущего социального эпистемолога, член-корр. РАН И. Т. Касавина, который, побывав на стажировке в Оксфорде, оставил следующий отзыв об Оксфордском университете, о британской философии, и как мы полагаем, в целом об аналитических возможностях НПА-стиля: «Чему же нам учиться у мировой философии [в консервативном Оксфорде]?.. Однако, при всей внешней схожести ситуаций, надо признать, что консерватизм консерватизму рознь. Одно дело, когда он вытекает из государственной идеологии, а другое — из культурной традиции. В первом случае социальная система стремится тиражировать универсальное мировоззрение в отдельных головах, а в другом — студент под руководством тьютора осваивает узкую область знания, а на ее основе — начала философского метода, чтобы в дальнейшем иметь возможность изучать все, что потребуется, — от трансцендентальной апперцепции до маркетинга. Оказывается, что органически сформированная философская традиция — даже уверенная в своей национальной самодостаточности, лишенная выраженной самокритики отчетливых стремлений синтезировать все достижения мировой культуры, есть значимый элемент этой самой культуры. Социально-культурная обусловленность, национальное своеобразие и «островные несовершенства» британской философии не только не мешают культивировать ей свободную и мыслящую личность и наводить прочные мосты между философией и наукой, философией и религией, философией и другими сферами культуры, но, напротив, являются существенными условиями выполнения ею этих функций» [4, с. 465]. Нотабене: скажите, а где подобное есть у нас в России?

² Конечно, нам могут возразить, — например, относительно философии: а как же Мамардашвили? Ильенков? Щедровицкий? Да, это фигуры, и фигуры серьезные, но реального толчка развитию КГМ-методологии они так и не дали. Любопытный случай: недавно мой коллега, сторонник системного подхода и ММК-методологии с восторгом рассказывал, как они, наконец, установили контакты с такими же «системщиками» с Запада и теперь ездят к ним на конференции, заимствуют их идеи, обмениваются опытом и т. п. Мне захотелось спросить: а почему же мы к ним, а не они к нам? Неужели западным «системщикам» нечего взять из Щедровицкого и вообще идей ММК-школы? Почему они нам диктуют идеи, а не мы им? Это показательный пример того, насколько низко пала современная КГМ-методология в сравнении с НПА-методологией.

«Проблемные точки» ФББ-стиля:

Несмотря на свои достоинства, этот когнитивный стиль также подвержен определенным изъянам: 1) «заумность», погоня за оригинальностью в ущерб простоте и доступности; 2) релятивизм — особенно в отношении проблемы истины; 3) ориентация этого стиля, в первую очередь, на гуманитарные, и в последнюю очередь, на социальные науки.

Первый изъян ФББ-стиля и ФББ-методологии можно иллюстрировать классическим примером [8]. В один из французских журналов была послана абсолютно псевдонаучная статья. И эта *псевдостатья* была принята к публикации! И только потому, что в своей «зауми» она оказалась соответствующей той постмодернистско-постструктуралистской методологии, которая доминирует во многих научных журналах, исповедующих ФББ-стиль.

Релятивистская интерпретация проблемы истины также создает серьезную проблему для ФББ-стиля — особенно это касается постмодернизма:

«В постмодернистской социокультурной ситуации и познавательная деятельность часто трактуется как открытое пространство бесконечных трансформаций и интерпретаций. В свете этого социальное познание понимается как действия индивидов по конструированию различных миров из множества элементов, включенных в различные виды практики, эти действия не регламентируются ничем, кроме коммуникативных связей. Интерес к универсальным законам вытесняется интересом к отдельному и особенному. Так как постмодернистское мировоззрение иначе определяет место человека в мире, оно обладает более слабыми предсказательными возможностями, чем каузальное, и оно не нацелено на поиск общих безусловных исторических законов, а дает лишь контуры объяснений, которые тоже историчны и случайны. Постмодернист не спрашивает: «Истинно ли это?», он задает вопрос: «Какое это имеет значение?» [2. с. 47].

Наконец, третья «проблемная точка»: ориентация ФББ-стиля в первую очередь на гуманитарные науки и гуманитарные междисциплинарные науки, такие, как филология, языкознание, культурология, философия. Социальное знание, выраженное экономикой, социологией, правом, политологией, остается как бы на обочине у исследователей, исповедующих ФББ-стиль. Особняком здесь, пожалуй, стоит лишь Пьер Бурдьё с его глобальной конструктивистской социальной теорией, а вот, например, попытка Ж. Бодрийяра создать «политическую экономию знака» [1] (да еще с марксистским вектором!), с нашей точки зрения, могут лишь сочтены успешны-

ми лишь в некоторых частностях (например, идея «симулякра»), а в целом их влияние на развитие современной экономической науки оказалось незначительным...

Заключение: «к первоочередным задачам российской социально-гуманитарной науки»

Как можно определить задачи российской социально-гуманитарной науки в отношении использования как своего собственного научного потенциала, так и эвристического потенциала КГМ-стиля?

Все просто — надо аналитически продвигать и развивать свой собственный КГМ-стиль, вывести его наконец из *стоячего болота*, в котором он пребывает последние десятилетия. Надо продвигать его в мировую науку, доказывать его состоятельность, в том числе, в контексте критики тех «проблемных точек», что есть у НПА-стиля и ФББ-стиля. Наша стратегия — *это не обгон, а опережение* (см. ниже).

Легко сказать, трудно сделать. Ибо тут начинается самое интересное: прежде чем *научиться* критиковать представителей НПА-стиля и ФББ-стиля, надо *знать их работы* (в том числе и самые свежие), ибо критика без знания оных есть не что иное, чем проявление *невежества* (ученого или не-ученого, пусть читатель решает сам).

Но многие ли из современных российских социальных ученых и ученых гуманитариев способны на это? Способны хотя (до того, как начать *критиковать*) к диалогу с современной западной социально-гуманитарной наукой?

Увы, только немногие. *Именно в этом* (а вовсе не в недостатке финансирования, как может показаться) заключается *самая большая точка* нашей социально-гуманитарной науки.

Здесь вспоминается пушкинское: «*мы ленивы и нелюбопытны*»...

Да, именно это и это, в первую очередь — *ленивы и нелюбопытны!* Потому вовсе не недостаток финансирования и недостаток внимания к российской социально-гуманитарной науке являются главными причинами ее «слабости» и «отставания» от мировой социально-гуманитарной, а, как не печально это будет сказано, совсем другое: нежелание российских ученых *учиться всю свою жизнь*, их невосприимчивость к мировым научным достижениям, закоснелость в собственной «провинциальности», а также неумение грамотно выстроить личную исследовательскую стратегию, используя весь необъятный эври-

стический потенциал КГМ-стиля, — все это, вместе взятое, имеет *гораздо большее значение*, чем недостатки в финансировании и бюрократически дефектное управление наукой.

Надо помнить следующее: что доказать, что мы что-то стоим в плане научных идей, *надо нам прийти к ним (представителям НПА-стиля)*, а не ждать, пока *они придут к нам*. Потому надо (и в этом мы полностью согласны с последними установками правительства Российской Федерации и Министерства образования и науки) — надо публиковаться в журналах Web of Science/Scopus, надо их *завоевывать*, и даже (!!!) надо их *отвоевывать* у представителей НПА-стиля. Конечно, надо продвигать свои российские журналы, чтобы они также числились в первых квартилях Web of Science/Scopus, делая их (хотя бы частично) англоязычными.

Снова зададимся вопросом: может ли современная пока «отсталая» российская социально-гуманитарная наука *обогнать* западную (в первую очередь, англо-американскую и французскую, исповедующие стили НПА и ФББ) социально-гуманитарную науку?

Ответим категорически: *нет, не может!* Для этого нет никаких абсолютно никаких перспектив на ближайшие десятилетия. *Обгон* невозможен особенно в том случае, если мы будем пытаться *подстраиваться под них, подражать им*, увязать в тех же «проблемных точках», что есть у когнитивных стилей НПА и ФББ.

Однако если, к примеру, вспомнить «Правила дорожного движения», помимо понятия «обгон» там есть еще и понятие «опережение». Обгон — это когда транспортное средство покидает свою полосу, обходит по другой полосе иное транспортное средство, а затем возвращается на свою полосу. Опережение — это когда транспортное средство обходит другое транспортное средство *по своей полосе*. Именно в этом и должна заключаться стратегия современной социально-гуманитарной науки в России — в *опережении* — и в это *опережение* должен быть вовлечен весь *необъятный критический и аналитический потенциал* КГМ-стиля. *Обгон невозможен, но возможно опережение* — вот каким должен быть лозунг, девиз дня для современных российских социальных ученых и ученых-гуманитариев.

Примеры же, когда российские ученые уже *диктовали* свои правила западной социально-гуманитарной науке, используя весь креатив КГМ-методологии, имеются: С. Н. Булгаков — «философия хозяйства» как новый взгляд на проблематику экономической науки и экономического знания, М. М. Бахтин — оригинальная концепция генезиса и развития гумани-

тарного знания в контексте *автора и героя*, русский космизм (Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский). С определенными оговорками сюда можно отнести цивилизационные концепции Н. Я. Данилевского и Л. Н. Гумилева, тектологию А. А. Богданова, софиологию В. С. Соловьева.

Но, к сожалению, опять же: мы пока не видим сегодня в России *сильных теоретиков и философов, способных на такой подвиг*, — даже с указанием на уважаемых членов и член-корреспондентов РАН¹. Однако надежда, что они появятся в будущем, хотя и бы далеко, остается всегда — на то она и надежда.

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономики знака. М. : Библион, 2003. 272 с.

2. Зыкова Г. Н. Постмодернистская культура и социальное познание // Философия и общество, 2001. № 4. С. 156—175.

3. Иванчик А. И. Особенности оценки исследователей и исследовательских программ в гуманитарных науках // Вестник РАН. 2018. № 11. С. 985—991.

4. Касавин И. Т. Оксфордские доны: опыт микросоциологии // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М. : Канон+, 2010. С. 449—465.

5. Кугель С. А. Человеческий фактор новых научных направлений: пути становления, роль научной элиты // Социология науки и технологий. 2013. № 2. С. 49—57.

6. Лебедев С. А. Философия науки : кр. энцикл. М. : Академический проект, 2008. 698 с.

7. Орехов А. М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. М. : Инфра-М, 2014. 172 с.

8. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки: критика современной философии постмодернизма. М. : Дом интеллектуальной книги, 2002. 248 с.

9. Ходжсон Дж. Критический реализм и экономическая наука // Вопросы экономики. 2006. № 7. С. 40—51.

10. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М. : Территория будущего, 2011. 386 с.

11. Agassi J. Introduction Philosophy of Social Science. Review: Rosenberg, Alexander. "Philosophy of Social Science", fourth edition. Boulder : Westview Press, 2012 // Philosophy of Social Sciences. 2014. № 44 (4). P. 536—550.

12. Hayden F. An evaluation of institutional matrices. Theory which designed to illustrate differences between Russian and Western political economies // Journal of Economic Issues. 2017. Vol. 51. № 2. P. 467—475.

¹ Исключения возможны: укажем, в частности, на статью С. Г. Кирдиной-Чандлер [11] в журнале «Journal of Economic Issues» (Scopus Q1) и обсуждение ее теории «институциональных матриц» на страницах этого журнала [напр., 12].

13. Kirdina-Chandler S.G. Institutional matrices theory, or X- and Y-theory. A response to F. Hayden // *Journal of Economic Issues*. 2017. Vol. 51. № 2. P. 476—485.

14. Symposium on Explanations and Social Ontology: Introduction // *Economics and Philosophy*. 2002. No. 18. P. 209—210.

References

1. Baudrillard J. (2003) K kritike politicheskaoji ekonomii znaka. Moscow, Bibliion Publ., 272 p. [in Rus].

2. Zykova G.N. (2001) *Filosofija I obschestvo*, no. 4, pp. 156—175 [in Rus].

3. Ivanchik A.I. (2018) *Vestnik RAN*, no. 11, pp. 985—991 [in Rus].

4. Kasavin I.T. (2010) Oxfodskie dony: opyt mikrosotsilogii // *Sotsial'naja epistemologija: idei, metody, programmy*. Moscow, Kanon+ Publ., pp. 449—465 [in Rus].

5. Kugel' S.A. (2013) *Sotsilogija nauki i tehniki*, no. 2, pp. 49—57 [in Rus].

6. Lebedev S.A. (2008) *Filosofija nauki*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 698 p. [in Rus].

7. Orekhov A.M. (2014) *Sotsial'nye nauki kak predmet filosofskogo i sotsiologicheskogo diskursa*, Moscow, Infra-M Publ., 172 p. [in Rus].

8. Sokal A., Brikmon J. (2002) *Intellektual'nye ulovki: kritika sovremenij filosofii postmodernisma*. Moscow, Dom intellektual'noji knigi Publ., 248 p. [in Rus].

9. Hodgson G. (2006) *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 40—51 [in Rus].

10. Shapiro I. (2011) *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh*, Moscow, Territorija Buduschhego Publ., 386 p. [in Rus].

11. Agassi J. (2014) *Philosophy of Social Sciences*, no. 44 (4), pp. 536—550 [in Eng].

12. Hayden F. (2017) *Journal of Economic Issues*, vol. 51, no. 2, pp. 467—475 [in Eng].

13. Kirdina-Chandler S.G. (2017) *Journal of Economic Issues*, vol. 51, no. 2, pp. 476—485 [in Eng].

14. Symposium on Explanations and Social Ontology: Introduction (2002). *Economics and Philosophy*, no. 18, pp. 209—210 [in Eng].

For citing: Orekhov A.M.

“Cognitive style” of Russian social-humanitarian science: overtaking is impossible,

but is outstrippnig possible? //

Socium i vlast' 2019. № 3 (77). P. 7—14.

UDC 140.8

“COGNITIVE STYLE” OF RUSSIAN SOCIAL-HUMANITARIAN SCIENCE: OVERTAKING IS IMPOSSIBLE, BUT IS OUTSTRIPPNIG POSSIBLE?

Andrey M. Orekhov,

Peoples' Friendship University of Russia,
Associate Professor of the Department Chair
of Social Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
The Russian Federation,
117198, Moscow, ulitsa Miklukho-Maklaya, 6.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Abstract

The paper is devoted to analyzing cognitive styles in contemporary social-humanitarian sciences. «Cognitive style of science» is a complex of rules and norms of choosing the ways to explain and describe, construct and organize, prove and ground some system of scientific knowledge or other. There are three cognitive styles: the NPA (“neopositivist-analytical”)-style, the KHM (“Kant-Hegel-Marx”)-style, and the FBB (“Foucault-Baudrillard-Bourdieu”)-style. Every style has its own virtues and «problem points”. Russian social-humanitarian science admits the KHM-style, but western science is mainly grounded on the NPA-style. In order to catch up and outstrip western science, Russian scholars should not imitate the NPA-style, but develop and deepen their own KHM-methodology. The strategy of Russian social-humanitarian sciences in contemporary scientific context should not be considered as overtaking, but outstripping with applying all cognitive potential of the KHM-style.

Key concepts:

social-humanitarian sciences,
“cognitive style of science”,
sociology of science,
philosophy of science,
social realism.

Для цитирования: Осипов О. В.,
Аверьянова Д. В. Православная церковь
современной России
в системе гражданского общества//
Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 15—29.

УДК 316.42

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Осипов Олег Викторович,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заместитель директора филиала,
доцент кафедры политологии,
истории и философии,
кандидат исторических наук,
Российская Федерация,
454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: osipov@chel.ranepa.ru

Аверьянова Дарья Валерьевна,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
аналитик, научный сотрудник лаборатории
прикладной политологии и социологии.
Российская Федерация,
454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: bdv@chel.ranepa.ru

Аннотация

Введение. Происходящие социокультурные трансформации обуславливают тот факт, что в настоящее время проблема развития взаимоотношений российского государства и традиционных религиозных объединений превращается в один из наиболее актуальных трендов для российского социума. Именно поэтому в статье поднимается вопрос, связанный с ролью и местом Церкви в жизни российского общества и сам институт Церкви (приоритет рассмотрения — Русская Православная Церковь Московского патриархата — далее РПЦ) рассматривается и анализируется как субъект гражданского общества. Рассматриваются ключевые тренды взаимоотношений государства и традиционных религиозных объединений, представленных в России.

Научная новизна исследования. Научная новизна обусловлена комбинированным изучением роли и места Церкви в структуре гражданского общества, изменения степени участия церкви в различных сферах государственной и общественной жизни. Феноменологический анализ позволяет рассмотреть, насколько корректно отнесение Церкви к субъектам гражданского общества, на материалах социологических исследований демонстрируется роль и место Церкви в структуре гражданского общества, в общественном сознании фиксируется доминирование точки зрения о наличии влияния Церкви на общественную жизнь и политику российского государства.

Цель статьи — на основе анализа законодательства, данных социологических исследований раскрыть роль Церкви в структуре российского гражданского общества, показать что «роднит» Церковь с гражданским обществом и что делает их чуждыми друг другу, что между ними общего, кроме того, что они являются социальными институтами, и каковы их системные различия. Продемонстрировать, как выстраиваются отношения государства и традиционных религиозных объединений в условиях современности.

Методы: феноменологический анализ, сущностный и системный анализ, обобщение независимых характеристик, социологическое исследование.

Результаты. Проведенный анализ фиксирует роль и место института Церкви в субъектности гражданского общества, анализ данных социологических исследований демонстрирует преобладание в общественном сознании мнения о том, что Церковь в той или иной мере влияет не только на общественную жизнь, но и на политику российского государства. Анализ тенденций развития российского социума и государства зафиксировал преобладание влияния Русской Православной Церкви среди иных Церквей в общественной жизни.

Ключевые понятия:

институт Церкви,
Русская Православная Церковь (РПЦ),
гражданское общество,
субъект гражданского общества,
социальный институт,
традиционные религиозные объединения.

В последние годы мы наблюдаем серьезную актуализацию вопроса, связанного с ролью и местом Церкви в жизни российского социума. События минувшего года, к оценке которых в обществе сформировались полярные точки зрения, заставили по-новому взглянуть и на вопрос, какое место в настоящее время занимает церковь в российском гражданском обществе, а также то, насколько церковь как его субъект и социальный институт самостоятельна и независима от государства, де-факто и де-юре.

Церковь является одним из самых популярных субъектов гражданского общества и, вместе с тем, наиболее обсуждаемым и полемичным, поскольку зачастую ее называют не ее элементом, а связующим звеном между государством и гражданском обществом. В контексте изучения субъектов и институтов гражданского общества наиболее дискуссионным является как раз вопрос о Церкви как субъекте гражданского общества, ее влиянии на процесс формирования гражданского общества, на развитие гражданской активности населения. Тезис о том, что для понимания трансформаций базовых социальных институтов необходимо анализировать роль религиозных организаций кажется вполне логичным.

В настоящее время ни у кого из исследователей не вызывает сомнений тот факт, что проблема развития взаимоотношений российского государства и традиционных религиозных объединений, а особенно РПЦ превращается в один из актуальных трендов для российского социума.

Во многих научных работах, посвященных этому сегменту общественных отношений, отмечается чрезвычайная актуальность проблематики: «Отношения с ней (с церковью — *прим. авт.*) политической власти, государственного аппарата — существенная часть отношений с развивающимся гражданским обществом. От характера этих отношений во многом зависит, установится или не установится диалог между обществом и властью, а, следовательно, гражданский мир и согласие. Оптимальная модель государственной политики в сфере отношений с конфессиями позволит новой российской государственности расширить свою социальную базу за счет верующих граждан» [15, с. 17].

Российский политолог Н. А. Рудыка выделяет три слоя гражданского общества, первый из которых включает в себя отношения, связанные с обеспечением жизнедеятельности общества, второй — социокультурные отношения, а третий, верхний слой гра-

жданского общества образуют отношения, связанные с индивидуальным выбором, политическими и культурными предпочтениями, ценностными ориентациями [9, с. 68]. Именно этот слой гражданского общества, по мнению автора, включает в себя наиболее социально активные институты, среди которых значительное место занимает РПЦ. И этот институт на современном этапе развития, нельзя характеризовать как систему внеполитических общественных отношений, поскольку по своей сути он представляет собой систему социально-политических, религиозных, духовно-нравственных, семейных и других отношений, которые выражают волю граждан общества.

Основываясь на заявлении патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, отметившего, что «смысл всей деятельности Церкви, в том числе диалога с обществом, — это желание утвердить в жизни людей традиционные духовно-нравственные ценности, без которых немислим гражданский мир и развитие»¹, религиовед, доцент НИУ ВШЭ Б. К. Кнорре делает вывод, что РПЦ представляет собой самостоятельную силу, ориентированную по большей части на свою внутреннюю независимую мотивацию от государственных инструкций, то есть, по сути, является частью гражданского общества.

Институциональные признаки субъектов гражданского общества носят амбивалентный характер. Аккумулируя все имеющиеся на сегодняшний день взгляды признанных специалистов, исследователей феномена гражданского общества (как отечественных, так и зарубежных), отметим наиболее часто встречающиеся: независимость от государства, но легальная основа деятельности, соответствие нормам прав, законодательства государства; социальность, «направленность на общественное благо», социальное партнерство с государством; горизонтальный характер связей; гражданственность, солидарность, доверие, «уважение к иному»; самореализация, активность, инициативность.

Существуют разные позиции в вопросе институционализации гражданского общества в современной России. Одни исследователи отмечают позитивные характеристики и последствия этого процесса, другие называют негативные моменты. Так, например, Л.И. Якобсон, видит возможные негативные последствия этого процесса. Парадоксаль-

¹ Сегодня, как и 400 лет назад, идеи солидарности и заботы об общем могут и призваны стать скрепой нашего общества : интервью ИТАР_ТАСС. URL: <https://vrns.ru/history/707>.

но, но факт, утверждает он, что субъекты гражданского общества, будучи по сути организациями, выстраивают иерархию, в том числе должностную, разделяют сферы ответственности, вводят документооборот, ищут пути финансирования своей деятельности за рамками пожертвований и добровольных взносов («гражданские менеджеры неизбежно становятся коммерческими менеджерами по целям и мотивации»). Во всех этих случаях организации гражданского общества утрачивают свою «гражданскую невинность», особенно принимая во внимание российский государственно-патерналистский менталитет, постоянное смешение понятий и практик «свободы» и «воли».

Не все просто и однозначно и с пониманием структуры гражданского общества, его элементов. Интересную точку зрения высказывают С. Г. Зырянов и А. Н. Лукин, отмечая, что «одна и та же организация может либо входить в гражданское общество в качестве его элемента, либо нет, в зависимости от характера ее связей с другими социальными институтами» [6, с. 8].

В современной России религиозные организации, особенно отнесенные к категории «традиционных», играют все более важную роль, проникая в различные сферы жизни, предлагая свои потенциалы для решения проблем и вопросов, считающимися традиционными для субъектов гражданского общества.

Чего только стоят последние инициативы власти по введению духовно-нравственного воспитания в школах, института военного и морского духовенства в Вооруженных Силах РФ, введение теологии в высшем образовании. И здесь вполне уместным является вопрос о том, не приведет ли такого рода политика к обмирщению Церкви и клерикализации государства?

При анализе имеющейся социологической информации возникает вопрос: является ли в настоящее время институт Церкви институтом гражданского общества? Исследователи отвечают на него по-разному, достаточно амбивалентно.

Что «роднит» Церковь с гражданским обществом и что делает их чуждыми друг другу, что между ними общего, кроме того, что они являются социальными институтами, и каковы их системные различия?

Первый институт — один из самых древних, если не самый древний, во всяком случае, на дорелигиозном, мифологическом уровне он древнее института государства. Второй, в современном его понимании, как третий сектор, один из самых молодых.

Оба — «не государство», и эта их системная черта позволяет ряду исследователей относить Церковь к институтам гражданского общества. Оба взаимодействуют с государством, для которого институт Церкви значительно более прогнозируем в своем функционировании, нежели институт гражданского общества. Оба в самом общем виде решают задачу совершенствования общества негосударственными средствами и методами.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», как и в «Основных положениях социальной программы российских мусульман», «Социальной позиции протестантских церквей в России», «Основах социального учения Церкви Христиан — Адвентистов Седьмого дня» и др., можно найти попытки взаимодействия с гражданским обществом: «Духовной и культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией, необходимо противопоставить совместные усилия Церкви, государственных структур, гражданского общества и международных организаций ради утверждения в мире подлинно равноправного взаимообразного культурного и информационного обмена, соединенного с защитой самобытности наций и других человеческих сообществ»¹. Однако эта декларация не может служить твердым основанием для безоговорочного причисления института Церкви к системе гражданского общества.

Разрабатываются пути сотрудничества Церкви и гражданского общества: «Очевидно, что западноевропейский идеал гражданского общества во многом чужд православному мировоззрению, чужд русской традиции. Замалчивать это было бы лукавством. Но это не значит, что между современным российским обществом, претендующим на звание общества гражданского, и Православной Церковью неизбежен антагонизм. Отнюдь нет!»². Как считает православный Епископ Читинский и Забайкальский Евстафий: «Жесткого антагонизма между строящимся гражданским обществом и Православной Церковью можно и должно избежать... Но возможно это благополучное решение будет лишь в том случае, если при построении современного российского

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Московская патриархия. URL: <http://www.mospat.ru/ru/documents/social-concepts/xvi>.

² Епископ Читинский и Забайкальский Евстафий. Современное гражданское общество и православие: компромисс или антагонизм. URL: <http://kazan.eparhia.ru/zhurnal/?ID=7223>.

гражданского общества мы в первую очередь будем опираться на свои традиционные ценности, основой и стержнем которых является Православие, заимствуя из западноевропейского и американского опыта лишь то, что не размывает их»¹ Звучит как программное положение, однако при такой формулировке есть риск стирания грани между светским гражданским обществом и религиозным сообществом.

Существует и прямо противоположная точка зрения, которую отстаивает в большинстве своих работ Л. Ю. Грудцына: «Церковь получила от государства независимость... она стала полноценным институтом гражданского общества, который рассматривает себя как частное явление в обществе и не может претендовать на всеобщность, зато получает полную независимость для отправления задач, возложенных на Церковь Богом» [4]. В другой работе автора можно прочесть: «Среди духовно-нравственной сферы общественных отношений в гражданском обществе важную роль играет такой социальный институт, как церковь. Церкви, религия формируют систему человеческих норм и ценностей, регулирует социальное поведение человека, его отношение к обществу, семье, другим людям. Церковь часто является хранителем национальных традиций, самобытности народа, основ морали, нравственности, культуры» [3]. Подобной точки зрения придерживается и К. Н. Костюк, докторант Католического университета г. Айхштетт (ФРГ): «Она (Церковь — *прим. авт.*) стала полноценным институтом гражданского общества, который рассматривает себя как частное явление в обществе и не может претендовать на всеобщность, зато получает полную независимость для отправления задач, возложенных на Церковь Христом»².

Очень реалистичной и одновременно конструктивной выглядит позиция В. С. Пудова, главы представительства немецкой евангелическо-лютеранской Церкви в Москве «...Церковь должна помнить о том, что заботиться о слабых можно не только путем личной или организованной благотворительности, но и путем принятия соответствующих законов. И здесь Церковь должна высказать свою общественную позицию. Необходимо понимание не только благотворительной, но и законотворческой

¹ Епископ Читинский и Забайкальский Евстафий. Современное гражданское общество и православие: компромисс или антагонизм...

² Костюк К. Н. Русская Православная Церковь в гражданском обществе. URL: <http://www.xserver.ru/user/ruszo>.

деятельности, как формы христианского служения, как любви, выраженной на уровне общества»³. Это одно из общих для Церкви и гражданского общества пространств, в котором они, выполняя свои функции, могут взаимодействовать с властью. И в этой связи, как считает А. В. Третьяков: «Со стороны государства ключевой задачей, требующей безотлагательного решения, является урегулирование правового статуса РПЦ, соответствующего ее положению, месту в обществе, позволяющего Церкви развиваться в качестве института гражданского общества, создание условий для ее общественно-полезной деятельности, конструктивного сотрудничества с государственными органами власти и управления в различных сферах жизни общества» [15, с. 3]. Хотя с этим утверждением можно поспорить в части иллюзии о том, что государство, кроме как в заявлениях с высоких трибун, будет «безотлагательно» обеспечивать условия для развития тех или иных институтов гражданского общества. В последнее время не раз отмечалось, что процесс становления гражданского общества в значительной степени объективен, интенсифицируется и благодаря, и вопреки государственной системе «сдержек и противовесов» в этом сегменте управления жизнью социума.

В настоящее время религиозная политика нашего светского государства претерпевает заметный дрейф от преимущественно атеизма и конституционно закрепленной свободы совести к публичной демонстрации приязни, особенной значимости традиционных конфессий (высших иерархов этих конфессий). Как правило, подобная политика проводится государством в интересах властных групп и характеризуется попытками использования авторитета религии в качестве инструмента насаждения необходимой общественной психологии.

Это приводит к нарушению не только прав верующих религиозных меньшинств (так называемых «нетрадиционных конфессий»), но и к игнорированию прав неверующих, атеистов. Как закономерное продолжение — подавляется свобода мировоззренческого выбора, становятся размытыми демократические принципы, являющиеся основой конституционного строя нашей страны. Правящие элиты заручаются политической поддержкой крупных религиозных организаций, и это приводит к проявлению и укоренению фактов системной

³ Пудов В. Роль верующих и церкви в построении гражданского общества. URL: <http://www.baznica.info/pagesid-917.html>.

коррупции, охватывающей жизненно важные сферы жизни общества — образования, науки и законотворчества.

А методы наряду с практикой подспудной клерикализации государственных структур и системы образования предполагают использование разветвленной сети религиозных организаций в политических интересах власти. На практике получается противоречивая картина: для так называемых «традиционных религиозных организаций» существует множество льгот и фиксируются случаи финансирования, а в отношении прочих религиозных акторов можно увидеть внеправовые ограничения их деятельности и даже преследования «нетрадиционных конфессий».

Религиозная политика, проводимая в настоящее время властями, отличается попытками научнообразного ее обоснования, а в Государственную Думу РФ для ее законодательного закрепления регулярно вносятся соответствующие законопроекты и поправки. Кроме того, средствами массовой информации внедряются в общественное сознание идеи конфессионального превосходства традиционных и наиболее распространенных религий. В то же время, на остальные «навязывается» социальный ярлык — «секта».

Не согласующееся с ныне действующими конституционными нормами разделение на «традиционные» и «нетрадиционные» религии грозит разжиганием ксенофобии и нетерпимости, так как фактически подразделяет граждан многонациональной России на «наших» и «чужих».

Такого рода практика ставит под сомнение статус «традиционных» Церквей как институтов гражданского общества современной России, и как следствие, появляются протестные декларации оппозиционных, правозащитных организаций, позиционирующих себя как «третий сектор». «Всероссийский гражданский конгресс осуждает религиозную политику власти, коррумпированные государственно-конфессиональные отношения и их последствия: несоблюдение принципа правового равенства религиозных объединений; нарушения законных прав неверующей части общества; неправомерное воспрепятствование (или ограничение) деятельности религиозных организаций; рост насильственных акций со стороны «силовых» структур государства, направленных против членов религиозных объединений; рост насилия и актов вандализма на почве нетерпимости и ксенофобии; распространение в СМИ недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных

объединений. Особую озабоченность вызывают преследования мусульман и массовые нарушения прав родителей и детей на воспитание, образование и обучение, которое соответствует их религиозным и философским убеждениям»¹. Эта резолюция в защиту свободы совести 2006 г. Принцип отделения религиозных объединений от государства и запрет на установление какой-либо религии «в качестве государственной или обязательной», декларируемый ст. 14 Конституции РФ, остается на данный момент единственной гарантией от реинкарнации симфонии государственно-церковного альянса в его «дореволюционном» виде.

В. Куренной в своих исследованиях отмечает, что «к настоящему времени сложилась ситуация, конкретизирующаяся как эксклюзивное отношение государственной власти к одной православной организации — Русской Православной Церкви (она же Московская патриархия). Степень эксклюзивности этого отношения на сегодняшний день такова, что социальная идеология РПЦ допускает возможность (но не цель, которая при существующем положении дел формально была бы антиконституционной) возрождения «православного государства» [7].

Исследователи отмечают, что на сегодняшний день РПЦ стремится к сохранению такого положения, при котором она, не допуская вмешательства государства во внутренние дела, получает в то же время, хоть и не юридически, но фактически особый статус, с помощью властей решая собственные задачи, получая преференции и в сфере экономической деятельности, и даже в сфере формирования мировоззренческих ценностей и норм. Существуют достаточно радикальные воззрения, разделяемые частью наших сограждан и исследователей, которые нельзя не учитывать. Так, например, А. П. Назаретян пишет: «Пора осознать, что религиозные (и казирелигиозные — национальные, классовые) идеологии всегда служили механизмом объединения людей в большие группы за счет противопоставления другим людям. Поэтому их неизменным спутником оставалась реальная или потенциальная война. В ментальной матрице «они-мы» единственный прием для пресечения конкретной войны — перенос агрессии на общего врага. <...> «Религиозно-идеологический ренессанс», возврат к давно изжитым мировоззрениям — смертельная угроза для современного мира, и многоконфессиональная Россия рискует пасть одной

¹ Документы Всероссийской гражданской сети. URL: <http://www.civitas.ru/docs.php?part=68&code=46>.

из его жертв, если ученые, художники, журналисты и педагоги не смогут эффективно противостоять засилью идеологов клерикального толка...» [11, с. 142].

Процесс клерикализации светских институтов государства проявлялся первоначально, в 90-е гг. XX в., с «невинных» и незаконных предпочтений, культовых, зрелищных ритуалов РПЦ, которые власть выделяла из ряда других религиозных конфессий. Чуть позже — та же практика в отношении мусульманских общин, особенно в республиках, где превалирует число их сторонников — Татарстан, Башкирия, республики Северного Кавказа.

Власть продолжила политику благосклонных публичных предпочтений конкретными экономическими шагами навстречу РПЦ. В собственность РПЦ были переданы особо ценные памятники истории и культуры, объекты недвижимости, земли, произведения искусства, являющиеся достоянием мировой и отечественной культуры, то есть де-факто происходила необъявленная реституция церковного имущества. «Сегодня ситуация с экономической деятельностью РПЦ такова, что к ней, как к влиятельной в политическом отношении структуре, налоговые и правоохранительные органы проявляют «уважение», фактически отказываясь рассматривать ее денежные потоки как источник пополнения государственной казны. Более того, в России, как и в странах СНГ, Церковь и другие зарегистрированные религиозные организации пользуются большим количеством налоговых льгот. Понятно, что для изменения такой ситуации на самом вершине «пирамиды» власти должно быть принято политическое решение, что в нынешней ситуации вряд ли возможно» [14, с. 166], — констатирует Ж. Т. Тощенко, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», в своем исследовании, посвященном анализу экономической деятельности «традиционных» религиозных организаций современной России.

В сентябре 2004 г. Государственная Дума РФ приняла поправки к Земельному кодексу, согласно которому теперь уже все религиозные организации, собственники зданий и сооружений религиозного и благотворительного назначения, получали земельные участки бесплатно¹. Если же религиозные организации не собственники тех зданий, которые они занимают, то земельные участки предоставляются в безвозмездное пользова-

ние на время использования зданий. Более того, продолжается деятельное материальное участие государства в восстановлении храмов и других религиозных учреждений. Не отрицая необходимости участвовать в реставрации храмов, такие шаги не всегда объективно соотносятся с существующими социальными потребностями населения, поскольку при достаточно серьезных затратах на их восстановление не реализуются базовые социальные потребности паствы Церковей — не ремонтируются своевременно школы, закрываются нерентабельные больницы, ликвидируются дорожные маршруты, не обустроивается городская инфраструктура.

В ноябре 2010 г. Президент Российской Федерации подписал закон о возвращении имущества религиозного назначения религиозным организациям². В российской прессе этот процесс был назван термином «реституция», хотя многие эксперты ставили под сомнение его корректность.

Интересную статистику передачи в собственность религиозным организациям дает журналист Антон Мухин (табл. 1)³.

Как можно увидеть, наибольшее количество объектов религиозным организациям было передано в 2012 и 2016 гг. Обращаясь к наиболее резонансным случаям передачи имущества, стоит вспомнить историю с Исаакиевским собором, в которой до сих пор не поставлена точка. Петербургская епархия обратилась к властям Санкт-Петербурга с просьбой передать Исаакиевский собор церкви в безвозмездное пользование еще в 2015 г. Однако в 2017 г., после начавшихся протестных акций, городские власти переиграли ситуацию и долгое время она оставалась подвешенной. В январе 2019 г. распоряжение городских властей, предусматривающее возможность передачи объекта РПЦ, утратило силу. Планы строительства православного храма в центре Екатеринбурга так же вызвали непонимание и неприятие жителей этого мегаполиса.

Под знаком возрождения позитивных религиозных морально-нравственных ценностей церковные иерархи добились ощутимых уступок со стороны государства. Как утверждает исследователь экономической деятельности РПЦ Н. Митрохин, «церковь

² О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности : Федер. закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ // Российская газета. 2010. № 5353. 3 дек.

³ Мухин А. Страсти имущественные. Сколько недвижимости получила церковь. URL: https://www.dp.ru/a/2018/12/05/Strasti_imushhestvennie.

Таблица 1

Количество объектов, переданных религиозным организациям

Год	Количество объектов, переданных религиозным организациям
2011	3
2012	19
2013	5
2014	3
2015	14
2016	19
2017	6
2018	7

(РПЦ — *прим. авт.*) фактически превратилась в грандиозный экстерриториальный оффшор, осуществляющий самостоятельную финансовую, производственную деятельность и располагающий огромными возможностями для оказания услуг по отмыванию денег теневого и криминального секторов экономики. Сейчас в России, на Украине и в Белоруссии правоохранительные органы, публично подписывая с иерархами договоры о взаимодействии, за глаза обвиняют РПЦ в том, что она стала «крупнейшей сетью сбыта теневого золота» и сотрудничает в экономической сфере с сомнительными бизнесменами» [9]. Его вывод базируется на обширном фактологическом материале, изложенном в монографии «Экономическая деятельность Русской Православной Церкви и ее теневая составляющая».

Несколько по-иному эти процессы происходят в экономике, называемой исламской. Еще в 70-х гг. прошлого века появился исламский банковский бизнес, который претендует на то, что он «строится на принципах шариата». К началу XXI в. в 40 странах мира (в том числе и в России) функционировали около 200 исламских банков, активы которых росли на 15 % в год, т. е. основные активы мусульманских общин функционировали посредством банковской среды.

В разговоре об экономических притязаниях религии, стоит привести выдержку из статьи, опубликованной в «Независимой газете», где было отмечено, что «в период советской власти, государство СССР через финансовую инспекцию и контролируемые местными властями приходские советы Церквей владело ситуацией и способствовало поддержанию налоговой «пирамиды»: «приход — епархия — патриархия»; если основные деньги Церкви хранились в госбанке, то их перечисление вверх по «пирамиде» шло проще и «прозрачнее»¹.

¹ Экономические притязания религии. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/07/06/42244-ekonomicheskie-prityazaniya-religii>.

В начале 90-х гг. XX в. приход, епархия и патриархия РПЦ вышли из подчинения жесткой финансовой вертикали и приобрели самостоятельные источники дохода. Каждый приход (монастырь), епископ (епархия), не говоря о патриархии, разрабатывают собственные коммерческие проекты, имеет устойчивый круг спонсоров (благотворителей), оптимизация налогов. Кроме того, российский законодательство освобождает религиозные организации от установки кассовых аппаратов в церковных лавках и храмах, а также разрешается не выписывать чеки при проведении религиозных церемоний, подлежащих оплате, которые проводятся вне стен храма.

Экономические реформы в России, именуемые «рыночными», повлияли в том числе и на повседневную деятельность церкви. Выступая на Епархиальном собрании Москвы в декабре 2004 г., патриарх Алексий II говорил: «Тревожным признаком обмирщения православного сознания, умаления церковности, духовного ослепления является все усиливающаяся коммерциализация многих сторон приходской жизни. Материальная заинтересованность все чаще выходит на первое место, заслоняя и убивая собой все живое и духовное. Нередко храмы, подобно коммерческим фирмам, торгуют «церковными услугами». По его мнению, причина в следующем: «Духовенство — это люди, которые были воспитаны в нашей стране и нашем обществе. И, к сожалению, негативные черты и веяния времени присущи и им. Некоторые священники просто поражают негативными примерами, которые подают вокруг. И иногда не вполне подходящим для церкви образом пытаются находить нужные им, пусть и на благое дело, средства»².

Пытаются усилить экономические притязания и служители ислама. Так, под их

² Петров А. Как противостоять мамоне? // НГ-религия. 2005. № 1. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2005-01-19/2_golovkov.html.

давлением, в 2008 г. Государственный совет Татарстана выступил с инициативой по введению в федеральное законодательство понятие «вакуф». Под вакуфом понимаются все неотчуждаемые средства и имущество, принадлежащие мусульманской общине, вся прибыль от них идет исключительно на религиозные нужды. Ключевая особенность вакуфа в том, что он не облагается налогом и в это имущество будут входить не только культовые сооружения и земли, но и квартиры, дома и производство, подаренные бывшими владельцами мусульманской общине¹.

Данная инициатива была оценена экспертным сообществом довольно неоднозначно, многие говорили о том, что введение данного понятия в федеральное законодательство излишним, поскольку федеральный Закон регулирует вопросы владения недвижимостью объединенными объединениями, которые могут заниматься коммерческой и иной экономической деятельностью, не запрещенной законом, и прибыль от которой обращается на уставные цели.

Известный востоковед РАН Р. Беккин отмечал, что в России мусульмане и мусульманские духовные лидеры не всегда ясно понимают назначение вакфа, забывая о том, что вакуфное имущество не передается в собственность религиозных организаций и лишь доход от него может быть использован в их интересах [2, с. 292—299]. Кроме того, по его мнению, нередко вакф воспринимается как фонд для финансирования различного рода текущих расходов мечети и мусульманского духовенства. Вместе с тем, он признает наличие перспектив для возрождения института вакуфа. А постановку вопроса о необходимости введения в федеральное законодательство понятия «вакуф» считает важной в контексте проблемы возвращения мусульманам изъятой после Октябрьской революции вакуфной собственности. Но, наряду с этим он отмечает: «даже если предположить, что понятие «вакуф» будет введено в федеральное законодательство, это не дает гарантии возвращения мусульманам изъятой после революции вакуфной собственности — большинство документов об учреждении вакфов не сохранилось» [1, с. 105].

В итоге Министерство финансов Российской Федерации констатировало факт того, что вопрос неотчуждаемого имущества ре-

лигиозных организаций законодательно не урегулирован. Реакции со стороны федеральных властей не последовало.

Н. Митрохин отмечает, что «в экономическом отношении Русская Православная Церковь представляет собой гигантскую корпорацию, объединяющую под единым названием десятки тысяч самостоятельных или полусамостоятельных экономических агентов. Точное число этих агентов определить невозможно, но только по официальным данным РПЦ имеет не менее 19 тысяч приходов, каждый из которых зарегистрирован как самостоятельное юридическое лицо, и примерно такое же число священников. Кроме того, есть еще приблизительно 500 монастырей, около 130 епархиальных управлений, а также неизвестное число коммерческих структур, действующих при храмах или контролируемых отдельными священниками» [8].

Обобщая, стоит отметить, что для всех уровней церковной иерархии характерны три ключевые группы источников дохода: реализация товаров и услуг религиозного характера, благотворительность, коммерческая деятельность. Как правило, первые вопросы две не вызывают. А вот коммерческая деятельность обычно служит предметом полемики и трактуется в российском обществе весьма неоднозначно. Тем более, в контексте субъектности Церквей как элементов гражданского общества.

Согласно российскому закону «О свободе совести и религиозных объединениях», религиозные организации вправе осуществлять экономическую деятельность. И по закону прибыль от этой деятельности должна направляться на решение уставных задач организации, то есть на отправление богослужений, благотворительную и миссионерскую деятельность, а не на распределение среди участников этой деятельности².

В последнее время в религиозной жизни страны явно доминирует Русская Православная Церковь благодаря активности Патриарха Кирилла, затеняющего на информационном поле прочих духовных лидеров. Глава РПЦ гораздо заметнее других глав конфессий по всему спектру политического, социального, духовного поля, периодически выступает с речами, дает оценки, которые потом активно комментируют политологи, журналисты. Дошло до того, что лидера российского православия начали называть

¹ Госсовет Татарстана намерен внести понятие «вакуф» в законодательство РФ // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/regions/2008-06-23/8_kazan.html.

² О свободе совести и о религиозных объединениях : Федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ // Российская газета. № 6644 (73).

третьим в стране политиком. Интересно, что в рейтинге 100 наиболее влиятельных политиков России, который ежемесячно публикует Агентство политических и экономических коммуникаций Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл по итогам марта 2019 г. занимает 27 строчку, с баллом влияния 4,75 и находится в разделе «Сильное влияние»¹. Отметим, что экспертам задается вопрос в формулировке: «Как бы вы оценили по шкале от 1 до 10 влияние в администрации президента РФ, правительстве РФ, Федеральном собрании РФ следующих российских политиков?». Итоговый рейтинг — консолидированная оценка лидерами российского экспертного сообщества влияния 100 российских политиков.

В рейтинге доверия общественным институтам, который в мониторинговом режиме замеряется Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), РПЦ занимает второе место после российской армии, а по уровню неодобрения находится на предпоследнем месте².

Политическая партия «Единая Россия», являющаяся лидером по уровню доверия и электоральной поддержки, что подтверждается рейтингами ВЦИОМ³, неоднократно делала заявления о предварительных консультациях с РПЦ по ряду вносимых законопроектов, которые выходят далеко за рамки свободы совести и вероисповедания. Возникает вполне справедливый вопрос: неужели РПЦ более компетентна, авторитетна, представительна нежели, предположим, Общественная палата РФ. Оживляются острые дискуссии о первенстве во вселенском православии Московского патриархата, на фоне получения автокефалии части Украинской Православной Церкви.

Вполне симфонично активизируется деятельность другой, достаточно многочисленной исламской «традиционной конфессии». Глава совета муфтиев России шейх Равиль Гайнутдин напомнил о миллионах российских мусульман. «Тех, кто считает, что Россия — только православное государство и должны жить в России только русские, я считаю врагами нашего государства!» — сказал глава СМР на пресс-конференции, посвященной международной конференции

«Россия и исламский мир: партнерство во имя стабильности»⁴

Иногда создается впечатление, что муфтии стремятся догнать Русскую Православную Церковь, своими действиями и заявлениями пытаются оспорить претензии православия на определенные преференции перед государством. Так, например, планы РПЦ строить храмы в каждом районе Москвы вызвали немедленную реакцию мусульманской общины. Как отмечает Андрей Мельников, «этот аргумент обращается в руках их мусульманских оппонентов в грозное оружие. Некоторые спальные районы столицы, прежде всего на востоке, стали подобием этнических кварталов выходцев из исламских республик России и стран СНГ. Уровень религиозности мусульман, как считается, гораздо выше, чем православных верующих. Мечети и впрямь переполнены, особенно на празники»⁵. И вот, выступая на конференции «Россия и исламский мир: партнерство во имя стабильности», мэр Москвы высказывался за строительство мечетей в каждом округе столице. Стоит Патриарху Кириллу заговорить об «общем духовном пространстве» восточнославянских стран, как муфтий Равиль Гайнутдин выдвигает версию о том, что нынешняя Россия обязана своей государственностью Золотой Орде. Патриарх говорит о славянском единстве, муфтий — о тюркском. Патриарх собирает у себя послов арабских стран и готовится к визиту в Египет, речам муфтия на международной исламской конференции аплодируют представители этих же самых стран»⁶.

Обращаясь к социологическим инструментам, возможно выявить, насколько религиозность, фактор вероисповедания, отношение к церкви влияют на гражданское самосознание граждан, и, опираясь на эмпирический материал, выяснить, насколько правомерно причислять Церковь к институтам гражданского общества. Кроме того, выяснить, влияют ли, по мнению населения, традиционные религиозные объединения на политику российской власти. В качестве эмпирической базы мы использовали данные социологических исследований различных социологических центров с разной географией опросов.

Начиная разговор о факторе вероисповедания как катализаторе гражданской

¹ Рейтинг влияния 100 ведущих политиков России в марте 2019 года. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=100&ELEMENT_ID=5282.

² Деятельность общественных институтов. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov.

³ Рейтинг политических партий. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=171>.

⁴ Выступление председателя Совета муфтиев России. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=authority&id=1247>.

⁵ Мельников А. Кремлевские звезды и Полумесяц // НГ-религия. 2009. № 17. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2009-10-07/1_muslims.html.

⁶ Там же.

активности (пассивности) россиян и представителей регионального сообщества, как призму, через которую респонденты оценивают состояние гражданского общества, нельзя не подчеркнуть, что, отвечая на вопрос о вероисповедании, одни это делали продуманно и прочувствованно, особенно те, кто принимал крещение самостоятельно в сознательном возрасте, другие, потому что были крещены при рождении, в том числе — по семейной традиции, третьи позиционировали себя сиюминутно, частично по национальному признаку (например, раз русский, значит, православный, если татарин, то ислам, а если еврей, значит, иудаизм и пр.), а частично — по прихотливости вкуса, настроения. Кто-то, как С. Капица, ощущал себя «православным атеистом»¹. Впрочем, это предмет интереса иной отрасли научного знания — психологии веры. А для понимания и интерпретации социологических данных это означает, что в принципе к ним не следует относиться как к точному слепку действительного положения вещей, а в вопросах веры — особенно. Этот тезис подтверждают общероссийские данные социологических исследований уровня религиозности различных конфессий.

По данным исследования фонда «Общественное мнение», 65 % россиян относят себя к православным, 7 % исповедуют ислам, 1 % — другие христианские конфессии (католики, протестанты, униаты, баптисты и др.) и еще 1 % — другие конфессии. Примечательно, что каждый пятый (21 %) не считает себя верующими, а еще 5 % опрошенных затруднились ответить на вопрос о своем вероисповедании, не смогли назвать определенную конфессию². Отметим, что за 6 лет, прошедших с момента предыдущего замера, сократилось число неверующих (на 4 процентных пункта) и возросло число тех, кто разделяет верования наиболее представленных в России религий — православия и ислама.

В исследовании, проведенном Фондом «Общественное мнение» в 2013 г., социологами был рассчитан и индекс воцерковленности в доминирующей религии — православии³. Респонденты были поделены на группы: воцерковленные (12 % от пра-

вославных), полувоцерковленные (33 %), немного воцерковленные — начинающие (31 %), слабо воцерковленные (16 %), очень слабо воцерковленные (8 %). Таким образом, доминирующей группой является группа полувоцерковленных православных, которая за период проведенными замерами, длиной в 13 лет (с 2000 по 2013 г.) демонстрирует рост на 3 процентных пункта, группа воцерковленных выросла на 1 процентный пункт.

Обращаясь к социально-демографическим характеристикам и территориальным особенностям, отметим, что к православным себя относят в большей степени женщины (+ 6 %⁴ к средним по массиву распределениям данных), респонденты в возрасте 31—45 лет (+ 4 %) и 45—60 лет (+ 4 %), население Москвы (+ 6 %). А среди тех, кто не считает себя верующим человеком, преобладают мужчины (+ 6 % к средним по массиву распределениям данных), респонденты в возрасте 18—30 лет (+ 5 %), население городов-миллионников (+ 5 %) и малых городов (+ 5 %). Однако данное исследование было проведено в 2013 г. и в настоящий момент ситуация может, хоть и некардинально, но измениться.

Однако вопрос вероисповедания — не единственный, волнующий нас. В рассмотрении Церкви как института гражданского общества интересны два момента — доверие институту Церкви и вопрос взаимодействия Церкви и государства.

Рассматривая вопрос доверия россиян к Церкви, обратимся к исследованию Фонда «Общественное мнение». Респондентов спросили о доверии Русской Православной Церкви: «Вы доверяете или не доверяете Русской Православной Церкви?». Отметим, что группа доверяющих РПЦ составляет 66 % от общего числа опрошенных и в ней больше представлены православные (+ 15 +%), респонденты в возрасте 18—30 лет (+ 12 %), имеющие среднее общее образование и ниже (+ 3 %). Тех, кто не доверяет РПЦ, меньше — 20 %, чаще это те, кто не считает себя верующим (+ 20 %), респонденты в возрасте 46—60 лет (+ 10 %), имеющие высшее образование (+ 4 %).

Далее обратимся к анализу вопроса о влиянии РПЦ на общественную жизнь и ее вмешательству в те или иные сферы общественной жизни. Рассмотрев распределения ответов респондентов на вопрос: «По вашему мнению, сегодня РПЦ влияет или не влияет на общественную жизнь стра-

¹ Код да истина // Российская газета. 2007. № 4433. 7 авг.

² Отношение к РПЦ и патриарху. О вероисповедании и динамике отношения к РПЦ // Пресс-выпуск фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/TSennosti/14178>.

³ Воцерковленность православных // Пресс-выпуск фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/TSennosti/11587>.

⁴ Здесь и далее — показывается превышение среднего значения данных в целом по массиву.

ны? И если влияет, то положительно или отрицательно?», отметим, что большинство респондентов отмечает положительное влияние (47 %), более чем каждый пятый (22 %) считают, что РПЦ не влияет на общественную жизнь страны, еще 10 % отмечают ее отрицательное влияние. Интересно, что о положительном влиянии чаще говорят православные (+ 9 %), а неверующие — о негативном влиянии (+ 10 %) и его отсутствии (+ 3 %).

И еще один момент, заслуживающий внимания в рассматриваемом исследовании, — распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вам кажется, бывает или не бывает так, что РПЦ вмешивается в те сферы общественной жизни, в которые вмешиваться не должна? И если такое бывает, то, на ваш взгляд, часто или редко?». Большинство опрошенных (29 %) считают, что такого не бывает. И чаще так говорят респонденты в возрасте 45—60 (+ 7 %) и старше 60 лет (+ 7 %). Следующая по упоминаемости позиция — бывает редко, которую выбрали 27 % опрошенных, больше в этой группе респондентов в возрасте 31—45 лет (+ 7 %), респонденты с высшим образованием (+ 3 %). Считающих, что РПЦ вмешивается в те сферы общественной жизни, в которые вмешиваться не должна, 14 % респондентов. И это, как правило, респонденты в возрасте 18—30 лет (+ 3 %), имеющие высшее образование (+ 4 %). Отметим также, что в качестве примеров вмешательства чаще всего приводится вмешательство в сферу искусства, возражения против выставок, спектаклей, фильмов (6 %), а также вмешательство в политику (2 %).

В контексте полученных данных особый исследовательский интерес представляет исследование, проведенное Челябинским филиалом РАНХиГС, позволившее выявить оценку степени влияния на политику тради-

ционных религиозных объединений, в ходе проведения которого респондентам был задан вопрос: «На Ваш взгляд, оказывают ли влияние на политику российских властей традиционные религиозные объединения России? И если оказывают, то сильное или слабое влияние?». Взяв во внимание профессиональный состав населения региона, для оценки были предложены два наиболее распространенных института — Русская Православная Церковь и Духовное управление мусульман России (табл. 2).

Исследование выявило очень интересные тенденции в общественном сознании. Так, например, оценивая влияние на политику российских властей Русской Православной Церкви, 63 % опрошенных выражают мнение, что она оказывает влияние на политику. Вместе с тем, сильным это влияние считают лишь 30,2 %, еще 32,8 % называют его слабым. Анализируя социальную-демографические характеристики респондентов, стоит отметить, что сильным влияние чаще считают мужчины (+ 4,8 %), респонденты в возрасте до 30 лет (+ 4,1 %), и челябинцы, выбравшие на вопрос о том, верования какой религии они разделяют, позицию «никакой» (+ 5,2 %). О слабом влиянии чаще говорят респонденты с высшим образованием (+ 6,4 %), а также те, кто исповедует православие (+ 4,8 %).

Об отсутствии влияния заявили 20,5 %, то есть это пятая часть респондентов, чаще к ним относятся информанты с общим средним, специальным и неполным высшим образованием (+ 4,9 %) и респонденты, исповедующие православие (+ 5,7 %).

По-иному распределились ответы жителей Челябинска при оценке влияния Духовного управления мусульман России на политику российских властей. При оценке этого религиозного института сильным влияние назвали гораздо меньшее число опрошенных — 16 %, чаще так говорили мужчины

Таблица 2

Оценка респондентами влияния на политику российских властей традиционных религиозных объединений России

Русская Православная Церковь	
Оказывают сильное влияние	30,2
Оказывают слабое влияние	32,8
Не оказывают влияния	20,5
Затрудняюсь ответить	16,5
Духовное управление мусульман России (институты ислама)	
Оказывают сильное влияние	16,0
Оказывают слабое влияние	32,3
Не оказывают влияния	22,0
Затрудняюсь ответить	29,7

(+ 14,6 %), респонденты в возрасте старше 30 лет (+ 12,4 %), по социальному положению — работающие пенсионеры (+ 4,2 %) и респонденты, исповедующие православие (+ 5,8 %). Большинство принявших участие в опросе назвали влияние институтов ислама на политику российских властей слабым (32,3 %). В данной группе респондентов представлены челябинцы с высшим образованием (+ 8,6 %) и респонденты, исповедующие ислам (+ 5,7 %). О том, что религиозные институты ислама не оказывают влияния на политику российских властей, сказали 22 % респондентов. В этой группе — челябинцы в возрасте до 30 лет (+ 6,5 %), информанты с общим средним, специальным и неполным высшим образованием (+ 8,3 %), по социальному положению — индивидуальные предприниматели, руководители организаций (+ 4,1 %).

Для полноты картины стоит привести и данные федеральных исследовательских центров, посвященных вопросам отношений Церкви и государства. Мониторинговое исследование, проведенное «Левада-Центром»¹, фиксирует достаточно интересные тенденции. Так, например, при ответе на вопрос: «Как вы считаете, должна ли церковь оказывать влияние на принятие государственных решений?» мы можем наблюдать последовательное сокращение респондентов, гово-

¹ Церковь и государство // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2016/02/19/tserkov-i-gosudarstvo-2>.

рящих о необходимости такого и влияния и рост тех, кто считает, что церковь не должна оказывать влияние на принятие государственных решений (табл. 3).

Если в 2005 г. респондентов, считающих, что церковь должна оказывать влияние на принятие государственных решений, было 42 % (сумма позиций «определенно да» и «скорее да»), то в 2016 их осталось лишь 24 %. Группа респондентов, полагающих, что церковь не должна оказывать влияние на принятие государственных решений, в 2005 г. было 51 % (сумма позиций «скорее нет» и «определенно нет»), то в 2016 их стало уже 66 %.

Интересны и распределения ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, следует ли российским властям руководствоваться в своих действиях религиозными убеждениями?» (табл. 4).

Если в 2005 г. респонденты делились на две практически равные группы (43 % считающих, что российским властям следует руководствоваться в своих действиях религиозными убеждениями против 46 % информантов, придерживающихся противоположной точки зрения), то в 2016 г. эти группы соотносятся иначе: 31 % против 57 %. Однако максимальное количество тех, кто считает, что российским властям не следует руководствоваться в своих действиях религиозными убеждениями, было зафиксировано в 2007 г.

Еще один вопрос «Левада-Центра» был направлен на выявление степени участия

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как вы считаете, должна ли церковь оказывать влияние
на принятие государственных решений?»**

Ответ	2005	2007	2012	2013	2016
Определенно да	16	7	6	5	6
Скорее да	26	22	20	21	18
Скорее нет	27	33	37	39	38
Определенно нет	24	28	28	26	28
Затруднились ответить	8	10	10	10	9

Таблица 4

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы считаете, следует ли российским властям руководствоваться
в своих действиях религиозными убеждениями?»**

Ответ	2005	2007	2012	2013	2016
Определенно да	13	6	5	4	7
Скорее да	30	23	22	30	24
Скорее нет	26	31	31	32	31
Определенно нет	20	27	26	21	26
Затруднились ответить	11	14	15	13	13

Церкви в общественной жизни. И здесь, в контексте рассматриваемой тематики, нас заинтересовала позиция «Вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь», полученная при ответе на вопрос: «Какую роль, по вашему мнению, должны играть в общественной жизни России церковь, религиозные организации?» (табл. 5).

Как можно увидеть, отмечается волнообразная динамика и показатель, фиксируемый по данной позиции в последнем замере, соответствует картине 2008 г.

Итак, социологические опросы фиксируют факт влияния религиозных институтов как на общественную жизнь, так и на политику российских властей. Причем в разговоре о РПЦ этот фактор видится общественности наиболее выраженным. Кроме того, фиксируются определенные социально-демографические особенности в каждой из групп респондентов, разделяющих ту или иную позицию. И, конечно, самые заметные корреляции связаны с фактором вероисповедания.

В контексте обсуждаемой в статье темы о Церкви как субъекте гражданского общества, логично задать вопросом об оценке факта влияния религиозных институтов на общественную жизнь и политику российских властей. Однако это уже совершенно иная плоскость и дополнительная исследовательская задача, которая в приведенном в качестве эмпирического материала исследовании не ставилась. И если рассматривать полученные результаты с точки зрения того, что Церковь — субъект гражданского общества, то наличие влияния и на различные сферы общественной жизни, и на политику российского государства — несомненно позитивный факт, особенно если принять

во внимание, что религиозные ценности связаны с формированием позитивных моральных устоев и норм. Однако можно взглянуть на этот вопрос с другой стороны и предположить, что влияние заключается в том, что власть использует Церковь для решения своих политических задач, в том числе и для укрепления легитимности, Церковь, по сути, вступает в сговор с властью. И этот посыл уже может быть рассмотрен как весьма тревожная тенденция, ставящая под сомнение корректность отнесения Церкви к субъектам гражданского общества.

Обобщая всю полученную информацию и исходя из заявленных в начале статьи институциональных признаков, мы можем отметить тот факт, что часть из них присутствуют в полной мере, другие — не в полной мере.

Так, например, момент независимости от государства можно оспорить, взяв во внимание и результаты опросов общественного мнения и экономические основы деятельности Церкви. Однако налицо имеющаяся легальная основа деятельности, соответствие нормам прав, законодательства государства. Вопрос социальности, «направленности на общественное благо», социальное партнерство с государством — тоже вопрос весьма дискуссионный, учитывая приведенные в статье факты.

А вот горизонтальный характер связей — это та характеристика, которая, пожалуй, присутствует в полной мере, как и гражданственность, солидарность, доверие, «уважение к иному», самореализация, активность, инициативность. И это именно те характеристики, которые позволяют назвать Церковь полноправным субъектом гражданского общества.

Таблица 5

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какую роль, по вашему мнению, должны играть в общественной жизни
России церковь, религиозные организации?»**

Ответ	1991	1998	2008	2012	2013	2016
Вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь	8	11	15	13	11	15

1. Беккин Р. И. Институт ваффа в социально-экономической и политической жизни мусульманских стран // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2008. Вып. 3.

2. Беккин Р. И. Исламская экономическая модель и современность. М. : Марджани, 2010. 352 с.

3. Грудцына Л. Ю. Церковь как институт гражданского общества и ее роль в реализации конституционных прав и свобод человека // Право и жизнь. 2007. № 113 (7).

4. Грудцына Л. Ю. Содержание и классификация институтов гражданского общества в России // Современное право. 2007. № 12 (1).

5. Грудцына Л. Ю. Церковь как связующее звено между гражданским обществом и государством в России // Адвокат. 2007. № 9.

6. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Структурные связи системы гражданского общества и сформированность его институтов // Социум и власть. 2016. № 6.

7. Куренной В. А. Власть и Церковь: мотивы и перспективы сближения // Отечественные записки. 2001. № 1 (1). URL: <http://www.strana-oz.ru/2001/1> (дата обращения: 14.06.2019).

8. Митрохин Н. А. Экономика Русской Православной Церкви // Отечественные записки. 2001. № 1 (1). URL: <http://www.strana-oz.ru/2001/1> (дата обращения: 14.06.2019).

9. Митрохин Н. А. Русская Православная Церковь как субъект экономической деятельности // Вопросы экономики. 2003. № 8.

10. Митрохин Н. А., Эдельштейн М. Ю. Экономическая деятельность Русской Православной Церкви и ее теневая составляющая / отв. ред. и авт. предисл. Л. М. Тимофеев. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000.

11. Назаретян А. П. Терроризм, религия и задачи современного воспитания // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 142.

12. Пудов В. Роль верующих и церкви в построении гражданского общества. URL: <http://www.baznica.info/pagesid-917.html> (дата обращения: 12.05.2019).

13. Рудыка Н. А. Церковь как субъект гражданского общества и объект государства // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 2 (49). С. 68.

14. Тощенко Ж. Т. Экономические притязания религии // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 166.

15. Третьяков А. В. Политико-правовые отношения Российского государства и Русской Православной Церкви : дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С. 17.

16. Третьяков А. В. Политико-правовые отношения российского государства и Русской Православной Церкви. М., 2004. С. 3.

References

1. Bekkin R.I. (2008) *Vestnik SPbGU*, ser. 5, iss. 3 [in Rus].

2. Bekkin R.I. (2010) *Islamskaja jekonomicheskaja model' i sovremennost'*. Moscow, Mardzhani Publ., 352 p. [in Rus].

3. Grudcyna L.Ju. (2007) *Cerkov' kak institut grazhdanskogo obshhestva i ee rol' v realizacii konstitucionnyh prav i svobod cheloveka. Pravo i zhizn'*, no. 113 (7) [in Rus].

4. Grudcyna L.Ju. (2007) *Sovremennoe pravo*, no. 12 (1) [in Rus].

5. Grudcyna L.Ju. (2007) *Advokat*, no. 9 [in Rus].

6. Zyrjanov S.G., Lukin A.N. (2016) *Socium i vlast'*, no. 6 [in Rus].

7. Kurennoj V. A. (2001) *Otechestvennye zapiski*, no. 1 (1). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2001/1>, accessed 14.06.2019 [in Rus].

8. Mitrohin N.A. (2001) *Otechestvennye zapiski*, no. 1 (1). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2001/1>, accessed 14.06.2019 [in Rus].

9. Mitrohin N.A. (200) *Voprosy jekonomiki*, no. 8/

10. Mitrohin N.A., Jedel'shtejn M.Ju. (2000) *Jekonomicheskaja dejatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi i ee tenevaja sostavljajushhaja*. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ. [in Rus].

11. Nazaretjan A.P. (2011) *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 142 [in Rus].

12. Pudov V. Rol' verujushhij i cerkvi v postroenii grazhdanskogo obshhestva. Available at: <http://www.baznica.info/pagesid-917.html>, accessed 12.05.2019 [in Rus].

13. Rudyka N.A. (2015) *Poisk: Politika. Obshhestvovedenie. Iskusstvo. Sociologija. Kul'tura*, no. 2 (49), p. 68 [in Rus].

14. Toshhenko Zh.T. (2009) *Jekonomicheskie pritzazanija religii. Sociologicheskie issledovanija*, no. 1, p. 166 [in Rus].

15. Tret'jakov A.V. (2004) *Politiko-pravovye odnoshenija Rossijskogo gosudarstva i Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. Thesis. Moscow, p. 17 [in Rus].

16. Tret'jakov A.V. (2004) *Politiko-pravovye odnoshenija Rossijskogo gosudarstva i Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. Moscow, p. 3 [in Rus].

For citing: Osipov O.V., Averyanova D.V.
Institution of the Church as a subject
of civil society in modern Russia //
Socium i vlast' 2019. № 3 (77). P. 15—29.

UDC 316.42

INSTITUTION OF THE CHURCH AS A SUBJECT OF CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA

Oleg V. Osipov,

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Deputy Director of the branch,
Associate Professor of the Department Chair
of Political Science, History and Philosophy,
Cand.Sc. (History),
The Russian Federation,
454077, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: osipov@chel.ranepa.ru

Darya V. Averyanova,

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Analyst, Research Fellow of the Laboratory
of Applied Political Science and Sociology
The Russian Federation,
454077, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: bdv@chel.ranepa.ru

Abstract

Introduction. The ongoing sociocultural transformations determine the fact that, at present, the problem of developing relations between the Russian state and traditional religious associations is becoming one of the most relevant trends for Russian society. That is why the article raises the issue of the role and place of the Church in the life of Russian society and the institution of the Church (the priority of consideration is the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate - hereinafter the ROC) is considered and analyzed as a subject of civil society. The authors consider the key trends of relations between the state

and traditional religious associations represented in Russia.

Scientific novelty of the research: The scientific novelty is due to the combined study of the role and place of the Church in the structure of civil society, changes in the degree of church participation in various spheres of state and public life. Phenomenological analysis makes it possible to consider how correctly attributing the Church to the subjects of civil society, as exemplified in sociological researches, the role and place of the Church in the structure of civil society is demonstrated, the dominant point of view about the influence of the Church on public life and the policy of the Russian state is recorded in public consciousness.

The aim of the article is, on the basis of legislation and sociological research data analysis, reveal the role of the Church in the structure of Russian civil society, show what makes the Church related to civil society and what makes them alien to each other, what they have in common, apart from the fact that they are social institutions and their system differences; to demonstrate how the relations of the state and traditional religious associations are built in the conditions of modernity.

Methods: phenomenological analysis, essential and system analysis, generalization of independent characteristics, social study.

Results: The analysis fixes the role and place of the institution of the Church in the subjectivity of civil society; the analysis of sociological research data demonstrates the prevalence in the public consciousness of the opinion that the Church to some extent influences not only public life, but also the policy of the Russian state. The analysis of the trends in the development of Russian society and the state recorded the predominance of the influence of the Russian Orthodox Church among other Churches in public life.

Key concepts:

institution of the Church,
Russian Orthodox Church (ROC),
civil society,
subject of civil society,
social institution
traditional religious associations.

Для цитирования: Коротышев А. П., Рыхтик А. А. Игровые онлайн-сообщества — ресурс формирования гражданской идентичности российской молодежи // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 30—39.

УДК 323.21

ИГРОВЫЕ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА — РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Коротышев Александр Павлович,

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
доцент кафедры социальной безопасности
гуманитарных технологий,
кандидат исторических наук, доцент.
Российская Федерация,
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.
E-mail: aleks_korotyshev@mail.ru

Рыхтик Павел Павлович,

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
ассистент кафедры социальной безопасности
и гуманитарных технологий.
Российская Федерация,
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.
E-mail: rykhtikpavel@fsn.unn.ru

Аннотация

Введение. Статья описывает феномен игровых онлайн-сообществ с точки зрения их коммуникационного потенциала формирования гражданской идентичности. Авторы исходят из предположения, что игровая индустрия оказывает значительное влияние на восприятие современной молодежью образов России, русского народа, национальных культурных ценностей и традиций.

Цель. Цель статьи состоит в оценке возможностей игровых онлайн-сообществ в качестве инструмента формирования гражданской идентичности российской молодежи.

Методы. Авторы привлекают к анализу научные труды российских ученых, маркетинговые исследования западных аналитических центров, а также рассматривают практическую деятельность онлайн-сообществ российских геймеров.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении игровых онлайн-сообществ в качестве социальных групп нового типа, которые не только являются носителями собственных уникальных идей, но и обладают возможностями для их трансляции.

Выводы. Авторы приходят к выводу о необходимости рассматривать феномен онлайн-игр как важный элемент современной цифровой культуры, формирующий гражданскую идентичность. Обосновывается необходимость разработки и внедрения в практику технологий взаимодействия государства и общества с игровыми онлайн-сообществами.

Ключевые понятия:

общественная коммуникация,
компьютерная игра,
игровое сообщество,
гражданская идентичность,
политическая коммуникация,
образ России,
восприятие России.

Компьютерные игры и игровые сообщества в научно-аналитическом дискурсе

Характерной чертой современного социально-политического пространства является формирование в его рамках новых каналов коммуникации, тесно связанных с электронными СМИ и новыми социальными медиа. Таким каналом, обладающим преимущественным влиянием на молодежную аудиторию, выступают игровые онлайн-сообщества. Последние достаточно успешно смещают в себе возможности социальных медиа (профильные группы, форумы, игровые чаты, стримы и др.) и неформальных молодежных объединений (собственная субкультура, слэнг, неформальное общение и пр.).

Игровые, а в отдельных случаях и игровые онлайн-сообщества достаточно часто становятся объектами научно-аналитических исследований. Однако эти аналитические разработки остаются весьма узконаправленными.

В западном аналитическом дискурсе данная тематика представлена главным образом коммерческими исследованиями, объектом которых является преимущественно потребительский игровой рынок. Среди ведущих центров маркетинговых исследований физических и цифровых продаж на игровом рынке можно выделить компанию «SuperData Research» (входящую в структуру глобальной компании рыночной аналитики Nielsen), компанию Newzoo, специализирующуюся на маркетинговых исследованиях игровой индустрии, компанию PwC, работающую в России в сфере бизнес-консультирования. Их аналитические разработки использовались авторами при подготовке настоящей статьи.

Отдельные западные исследователи подходят к феномену игровых и онлайн-сообществ с позиций социальной психологии [22]. Их научные разработки ограниченно применимы к российским условиям и, как ни странно, более известны в среде отечественных геймеров, нежели в российском научном сообществе.

Отечественные исследователи также обращаются к изучению игровых сообществ. Однако единства мнений и подходов к данной тематике не прослеживается. Большинство авторов оценивают феномен игровых сообществ в сугубо негативном ключе, раз-

вивая тезис о деструктивном влиянии их на умы прежде всего подрастающего поколения. Выделяется череда работ дидактического характера, описывающих особенности обращения к компьютерным играм лиц школьного и дошкольного возрастов. Особенно остро поднимается проблема интернет-зависимости и связанной с ней зависимости от компьютерных игр [12; 14; 19; 20].

Отдельно оговаривается проблема игр как особого вида квазидеятельности, которым человек компенсирует недостаток достижений и развития в своей социальной жизни, что имеет следствием, пока лишь частично, торможение развития социума в стране [10; 16]. В играх часто видят опасность искажения в сознании россиян образов России и русского, что выливается в призывы к ужесточению цензурного контроля над ними, вплоть до полного запрета [2; 3; 9; 11; 13].

Тем не менее существует и альтернативная точка зрения, рассматривающая некоторые виды компьютерных игр в качестве инструмента развития когнитивных функций человека. В отдельных работах описывается потенциал компьютерных игр для практической психологии и психотерапии, их возможности как механизма или тренажера, способствующего психологической разрядке человека [5; 15]. Наконец, авторы ряда статей видят в компьютерных играх новый тип произведений современной медиакультуры [4; 18; 21].

В целом, краткий обзор отечественных статей по тематике компьютерных игр позволяет зафиксировать некоторую положительную динамику. Более поздние работы чаще склонны видеть в феномене компьютерной игры разного рода положительные аспекты, что позволяет говорить о некоторой эволюции подходов отечественной науки к данному объекту исследования.

С другой стороны, есть основания утверждать, что российское академическое сообщество, а с ним и представители власти и общественных структур, все еще не до конца осознают роль и потенциал игровых онлайн-сообществ в качестве канала общественной коммуникации. В то же время в интересах общества и государства было бы правильнее видеть в игровых и онлайн-сообществах полезный коммуникационный канал, пригодный в том числе и для трансляции пророссийских и прогосударственных ценностей.

Русские и русское в компьютерной игровой культуре: восприятие, искажение и наследие холодной войны

Компьютерные игры как мощный и доступный для молодого поколения источник образной информации является достаточно заметным фактором формирования государственной идентичности молодежи.

Под влияние данного источника информации попадают прежде всего молодые люди, обычно от двенадцати лет (это минимальный возраст, указанный производителями для игр, рассматриваемых в данной статье). Верхняя планка достаточно трудноопределима, так как фанаты компьютерных игр встречаются и среди людей достаточно зрелого возраста. Компьютерные игры как продукт массовой культуры вовлекают в сферу своего влияния представителей практически всех социальных групп, людей разного достатка и разных политических взглядов.

Для молодого поколения они начинают играть заметную роль в формировании (а иногда — эрозии) гражданской идентичности. Восприятие молодежью русского народа, русской истории и культуры, а также современной российской государственности зачастую конструируется под влиянием компьютерных игр.

С точки зрения формирования и сохранения государственной идентичности большое значение имеет тот факт, что подавляющее большинство компьютерных игр созданы в странах, входящих в западное, евро-атлантическое культурное пространство. Образы русских и русского в этих играх зачастую носят заметные следы стереотипизации или даже мифологизации. В русскоязычном интернет-сообществе даже существует специальный жаргонизм для обозначения столь яркого и широкого злоупотребления стереотипами при описании чего-либо русского — «кляква».

Данное явление во многом является тяжелым наследием холодной войны. Стереотипы, характерные для компьютерных игр, в целом повторяют пропагандистские штампы времен биполярного мира. Приведем несколько примеров.

Первой и наиболее примечательной в этом отношении игровой серией является «Command & Conquer: Red Alert» от американского издателя «Electronic arts». Первая часть серии, разработанная «Westwood Studios», вышла еще в 1996 г., третья и последняя на данный момент от «EA Los Angeles» —

в 2008 г. Это стратегия в реальном времени, где на полях сражений сойдутся американские и советские армии с целью установить превосходство на Земле, подавив один из полюсов силы. В сюжете игры обыгрывается альтернативный ход истории, где гонка вооружений времен холодной войны все же вылилась в открытые боевые столкновения.

Сюжетные видеоролики игры формируют в целом довольно негативный образ русского народа. Играя за СССР, можно наблюдать пьющих водку генералов, отдающих игроку приказы, поднимая стакан и произнося параллельно тосты. В одной сюжетной видеовставке генералом вполне серьезно (в отличие от большинства других моментов) произносится фраза: «Я русский, и я не люблю никого».

В целом, во всей игровой серии образ русских показан саркастично и стереотипно, что, с определенными допущениями, и служит основным фоном игрового процесса. Являясь частью стиля игры, он создан сознательно, с целью подчеркивать негативные черты русских, укорененные в массовом сознании западных обывателей. Игра не столько формирует некий образ, сколько отражает в себе уже существующий. Без этого образа рассматриваемая серия игр не имела бы столь широкого коммерческого успеха в течении более чем десятилетнего периода существования. Из страшного и сильного противника Советский Союз стал противником побежденным и смехотворным.

Другим примером может служить серия игр «Call of duty» от американской студии «Activision», выходящая с 2003 по 2014 г. Ее тип постановки и подачи сюжета вынуждает игрока на достаточно высоком уровне отождествлять себя с главным героем игры и участником происходящих по сюжету событий. Первые части серии посвящены событиям Второй мировой войны, где игрок в лице американского, британского или русского солдата сражается с солдатами Третьего рейха. При определенной схожести сюжета «русской» части игры с двумя остальными имеется ряд черт, отличающих ее в общем ряду и прежде всего из-за отражения здесь различных исторических мифов, распространенных в массовом сознании как в России, так и на Западе. Например, после тяжелой переправы через Волгу в осажденный Сталинград главному герою даже не выдают оружия, которое находящиеся здесь же комиссары советуют подобрать на поле боя. В течение миссии игрок вынужден передвигаться по укрытиям без возможности открыть ответный огонь.

В самом начале следующей миссии игрок видит, как офицер НКВД отдает приказ пулеметчикам расстрелять отступающих советских солдат. Причем один из отступающих несет на своих плечах раненого товарища. В случае если и игрок попытается отступить назад для защиты от огня противника, то расстреляют и его.

Вопрос о том, являются ли упомянутые случаи чистой клеветой или же в некоторой степени отражают реальный опыт прошедшей войны, выходит за рамки задач настоящей статьи. Однако, по мнению авторов, весьма показателен сам факт трансляции такого рода сюжетов в рамках игровой индустрии.

В отношении серии «Call of duty» и образа в ней русских стоит упомянуть вызвавшую большой резонанс в интернет-сообществе миссию «Ни слова по-русски» из части «Call of duty: Modern warfare», где русские террористы и внедренный в их ряды главный герой расстреливают из пулеметов в московском аэропорту (который частично срисован с аэропорта Внуково) мирных людей, не оказывающих сопротивления. В 2009 г., когда игра появилась в продаже, в России она вызвала определенный общественный резонанс¹, лейтмотивом которого было сильное возмущение, в том числе и со стороны властей². В конечном итоге в русских лицензионных версиях игры эту миссию вырезали, однако сам факт такого происшествия настораживает. Излишне говорить, сколь странный и непритязательный образ России и русских при этом рисуется в сознании игрока.

Своеобразным представлением образа России и русских отличается вышедшая в 2013 г. вторая часть стратегии «Company of heroes» американского издателя «Sega» и канадского разработчика «Relic Entertainment». Это стратегия в реальном времени, посвященная периоду Второй мировой войны, и сюжет второй части повествует непосредственно о событиях на советско-германском фронте. Представленные в игре образы и исторические мифы не имеют под собой какой-либо исторической базы, но, в отличие от упоминавшейся «Command & Conquer: Red Alert», не служат юмористиче-

ским целям, а подаются как исторические факты.

Главный герой, от имени которого подается сюжет игры, сидит в ГУЛАГе и рассказывает свою историю следователю НКВД. В первой же миссии, посвященной битве за Сталинград, вновь видна стереотипная картина, когда советские солдаты расстреливают своих же отступающих товарищей. В дальнейшем при обороне Москвы (хронологический порядок повествования в игре нарушен) игроку для приостановки немецкого наступления предложено сжечь деревенские избы с жителями внутри, а затем с той же целью поджечь пшеничное поле, на котором держат оборону другие советские части. В конце миссии перед подходом врага взрывается мост, но при этом на том берегу остаются также и не успевшие отступить подразделения РККА. Демонстративно обыгран момент, что именно командование не дает последним шанса на спасение, притом что времени для этого оставалось еще достаточно. По ходу сюжета всячески подчеркивается, что СССР выиграл войну ценой огромных и часто бессмысленных потерь.

При этом разработчики подчеркивали, что игра была сделана с ориентацией на любителей жанра стратегий из стран СНГ. Однако конечная реакция на игру в России оказалась как минимум холодной. В Интернете опубликованы негативные рецензии и обзоры сюжета «Company of heroes» на фоне положительных (иногда у одного и того же обозревателя) отзывов о составляющих непосредственно игровой механики³.

Приведенные примеры представляют собой лишь отдельные иллюстрации к образу России и русских людей, создаваемому в компьютерных играх. Данный образ зачастую неприятен и жесток и отражает, в первую очередь, стереотипы, сформированные на Западе еще в эпоху холодной войны.

Однако следует отметить, что в последние годы в данной сфере наметились некоторые положительные тенденции.

Согласно сюжету игры «Overwatch», выпущенной компанией «Blizzard Entertainment» в 2016 г., Россия самостоятельно останавливает восстание машин на своей территории. Русский персонаж основной игры сержант Александра Зарянова предстает как крайне сильный и боевой архетип

¹ No Russian. Депутат Госдумы предложил приравнять Call of Duty к экстремизму // Lenta.ru. 14.01.2010. URL: <https://lenta.ru/articles/2010/01/14/codextreme/> (дата обращения: 10.01.2019).

² Ответ компании «1С» на открытое письмо депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ В. С. Селезнева от 22.01.2010 // Компания «1С». URL: <http://1c.ru/news/pressrelise.jsp?id=1196> (дата обращения: 10.01.2019).

³ Волошин К. Company of Heroes 2 : обзор // Игромания. URL: https://www.igromania.ru/article/23429/Company_of_Heroes_2.html (дата обращения: 21.01.2019); Баранов Е. Company of Heroes 2 : обзор // Стоп-игра. URL: https://stopgame.ru/show/49396/company_of_heroes_2_review (дата обращения: 21.01.2019).

с гипертрофированной мускулатурой. Особенно заметно это выделяется на контрасте с другими женскими персонажами игры.

Вышедшая в ноябре 2018 г. документальная (по заверениям ее польских разработчиков из компании «Jujube S.A.») игра «Kursk» повествует о трагической гибели российской атомной подводной лодки «Курск». Единственная версия событий трагедии, представленная в ее сюжете, — официальная версия российских властей. Потенциально способная вызвать недовольство и споры своим сюжетом игра была допущена до релиза в России.

Определенное переосмысление издателями компьютерных игр образа России следует, по всей видимости, связывать с действием двух объективных факторов.

С одной стороны, активные внешнеполитические действия и жесткая риторика российских властей в значительной мере способствовали трансформации образа страны. Современная Россия на Западе все еще воспринимается враждебной и агрессивной, но уже не ослабленной и недееспособной.

С другой — в последние годы произошел значительный рост российского внутреннего игрового рынка. Издатели компьютерных игр, основной целью которых является коммерческих успех их продукта, вынуждены учитывать мнение российских потребителей.

Описанные обстоятельства хорошо иллюстрируют тот факт, что содержание компьютерных игр, по крайней мере в части формирования государственной идентичности, во многом зависит от позиции разработчиков. Осознанно или неосознанно поддерживая те или иные стереотипы, они неизбежно транслируют их потребителям своего продукта.

Современное состояние игрового рынка предоставляет весьма перспективную возможность для преодоления этих стереотипов. Сегодня компьютерные игры массово переходят в онлайн-формат, а рядовые пользователи получают все большие возможности влиять на их содержательную часть. Игроки объединяются в онлайн-сообщества, которые нередко ставят перед разработчиками собственные требования. Представляется, что в ближайшем будущем именно игровые онлайн-сообщества будут существенным образом влиять на отображение в играх тех или иных гражданских, культурных и политических стереотипов.

Игровые онлайн-сообщества как носители национальной и гражданской идентичности

Игровые онлайн-сообщества, несомненно, представляют собой социальные группы нового типа. При этом их специфические особенности и характеристики в значительной мере способствуют ускоренному распространению внутри них идей и установок политической направленности, а также неизбежно формируют определенную идентичность [1; 8; 17]. Обратимся к научным исследованиям, раскрывающим некоторые особенности игровых онлайн-сообществ.

SuperData Research одна из немногих компаний, специализирующихся на маркетинговых исследованиях физических и цифровых продаж на игровом рынке, в настоящее время входит в структуру глобальной компании рыночной аналитики Nielsen. В 2015 г. данная компания подвела итоги масштабного исследования аудитории многопользовательских игр, в рамках которого в течение пяти лет изучались характеристики более чем одного миллиона пользователей¹. Несмотря на то что основной целью исследования было определение оптимальных коммерческих стратегий для он-лайн игр, оно также позволяет сделать определенные выводы о специфике игровых онлайн-сообществ.

В первую очередь следует отметить, что сама структура онлайн-сообществ в значительной мере способствует распространению с их помощью разного рода идей, образов и стереотипов.

Игровые онлайн-сообщества имеют устойчивое «ядро» пользователей — преданных фанатов которые регистрируются в игре в первый месяц после выхода и сохраняют интерес к ней в течении длительного времени. В среднем 6,21 % игроков, зарегистрировавшихся в первый месяц после релиза, зайдут в игру в течение следующего года. Для сравнения, только 0,63 % (т. е. в десять раз меньше) игроков, зарегистрировавшихся в течение двенадцатого месяца после релиза, сохраняют интерес в следующие 360 дней².

¹ Understanding free-to-play MMO retention // SuperData Nielsen Company. URL: https://www.superdataresearch.com/understanding-mmo-retention/?mc_cid=a656805038&mc_eid=a44ee7d120 (дата обращения: 04.01.2019).

² Там же.

Однако основная часть аудитории онлайн-игр достаточно подвижна и постоянно меняет свои предпочтения, регистрируясь и общаясь в рамках новых сообществ. В среднем 83 % игроков, зарегистрировавшихся в первый месяц релиза игры, возвращаются в нее на следующий же день. Но на 30-й день этот показатель уже составляет лишь 20 % игроков¹.

В рамках настоящей статьи сообщества, формирующиеся вокруг онлайн-игр, рассматриваются в качестве носителей определенных идей и стереотипов. С этой точки зрения они имеют значительный потенциал, поскольку образы и интерпретации, формируемые главным образом «ядром» сообщества, быстро распространяются в интернет-пространстве мобильным большинством.

Второй важный момент состоит в том, что российское игровое онлайн-сообщество демонстрирует явные тенденции к росту. Согласно данным SuperData Research, в 2017 г. Россия стала лидером в Европе по объему выручки в сфере киберспорта, продемонстрировав рост данного показателя с 35 млн дол. в 2015 г. до 38 млн дол. в 2017 г. При этом, аналитики SuperData утверждают, что российская аудитория киберспорта, выраженная в количестве уникальных зрителей, продолжит расти, а темпы этого роста составят до 20 % в 2019 г. Таким образом, число уникальных зрителей в России увеличится с 4,1 млн (2017) до 4,9 млн (2019)².

Активно расширяясь и включая в себя главным образом молодых и активных людей, онлайн-сообщества становятся заметным каналом общественной коммуникации в современной России.

Третье заметное свойство игровых онлайн-сообществ состоит в их неизменной политизации. Общаясь в мультиязычной, мультикультурной среде, участники онлайн-сообществ неизбежно переживают определенную трансформацию самоидентификации.

С одной стороны, языковые и культурные барьеры вынуждают игроков, даже в виртуальном мире игры, объединяться в первую очередь со своими соотечественниками. С другой — любая игра предполагает соревновательность. А в случае с масштабными игровыми проектами — соревновательность виртуальных социальных меха-

¹ Understanding free-to-play MMO retention...

² Market Brief — 2018 Digital Games & Interactive Entertainment Industry Year In Review // SuperData Nielsen Company. URL: <https://www.superdatasearch.com/market-data/market-brief-year-in-review/> (дата обращения: 04.01.2019).

низмов (т. н. «кланов», «альянсов» и пр.) в экономической, политической и военной сфере. В этих условиях неизбежно возникают архетипы «свой — чужой», на которые неизбежно распространяются отголоски информационно-пропагандистской борьбы, ведущейся в реальном мире.

Весьма интересным примером может служить образование альянса «The Russia» в игре EVE Online. На протяжении всей истории данного игрового сообщества, заметную роль в нем играли объединения россиян и граждан стран СНГ. Название первоначально объединившего их союза «Red Alliance» стало игровым брендом, который передавали друг другу различные сообщества³. Русскоязычные сообщества периодически впадали в кризис и распадались, но всегда возрождались вновь.

В 2017 г. отдельные игроки и корпорации стали активно призывать русскоязычных игроков объединиться в альянс «The Russia»⁴. При этом, как утверждали сами игроки, «название выбрано не случайно, говорит само за себя, откуда мы, и оно же накладывает некоторые обязанности — достойно представлять нашу страну»⁵.

Такой альянс был создан и в настоящее время активно формирует собственную идентичность за счет создания и пропаганды клановых символов, внутреннего слэнга и системы ритуалов, поддерживая образ «врага», которого альянс побеждает в неравной борьбе. Судя по игровой статистике, потери альянса пока значительно превышают объемы уничтоженных вражеских сил, однако именно в течении последних месяцев этот разрыв заметно сокращается, на что самим альянсом делается особый акцент⁶.

Привлекая новых игроков, альянс активно использует новые медиа, такие как, к примеру, социальная сеть «ВКонтакте»⁷.

³ Русские альянсы в EVE Online — первопроходцы, колонизаторы, победители // Онлайн-игра «EVE Online». URL: <https://eve-online-com.ru/guides/politics/russkie-alyansy-v-eve-online> (дата обращения: 06.01.2019).

⁴ Корпорация Russian Federation со. приглашает пилотов всех направлений // Форум онлайн-игры «EVE Online». URL: <https://forums.eveonline.com/t/korporacziya-russian-federation-co-the-russia-priglasiaet-pilotov-vseh-napravlenij/33948> (дата обращения: 06.01.2019).

⁵ Там же.

⁶ Zkillboard. Игровая статистика альянса «The Russia» EVE Online. URL: <https://zkillboard.com/alliance/99007969/> (дата обращения: 12.01.2019).

⁷ Группа альянса THE RUSSIA в игре EVE Online. URL: <https://vk.com/club164700868> (дата обращения: 12.01.2019).

Для привлечения внимания и обеспечения лояльности своих членов альянс использует пророссийскую риторику, призывая восстановить положение русскоязычного игрового сообщества. Таким образом, он, по сути, уже ведет определенную деятельность по формированию гражданской идентичности российской молодежи.

Весьма показательно, что русскоязычные сообщества начинают активно формироваться во всех популярных многопользовательских играх последнего времени. Характерным примером может служить многопользовательский средневековый экшен от первого лица Mordhau¹.

Таким образом, можно утверждать, что игровые онлайн-сообщества, с одной стороны, сохраняют достаточно заметную национальную и государственную идентичность, а с другой, обладают значительным потенциалом в качестве коммуникационного канала распространения политической информации в молодежной среде.

Игровые онлайн-сообщества как коммуникационный канал продвижения политических идей

Игровые онлайн-сообщества как носители национальной и государственной идентичности, а также обладатели действующего канала коммуникации с молодежной средой, безусловно, могут выступать в качестве инструмента информационного воздействия государства на общество.

Эффективное использование этого сложного, комплексного инструментария потребует, в первую очередь, научного осмысления проблематики игровых онлайн-сообществ. При этом исследовательские усилия должны быть направлены на разработку конкретных методов работы с такого рода сообществами в интересах российского общества и государства.

Совершенно очевидно, что это в первую очередь потребует пересмотра самого восприятия компьютерных игр, которое господствует сегодня в официально озвучиваемой парадигме и академическом сообществе, а также зачастую транслируется в общество через СМИ.

Необходимо перестать оценивать феномен онлайн-игр как исключительно вредоносный, трансформирующий сознание индивида в деструктивном ключе. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. От-

дельные исследования последних лет отмечены принципиальным сломом подобных взглядов. Игры перестают восприниматься как однозначно деструктивный для сознания человека конструкт, представляя значимым элементом современной цифровой культуры, наравне с прочими формирующим духовно-нравственное мировоззрение общества.

Тем не менее требуется, с одной стороны, систематизация существующих теоретических исследований компьютерных и онлайн-игр и киберспорта. С другой — необходим комплексный, междисциплинарный анализ игровых онлайн-сообществ с привлечением экспертов-психологов, социологов, политологов, специалистов в IT-сфере. В его рамках данные сообщества следует рассматривать не как социальный феномен, а как эффективный коммуникационный канал продвижения политических идей, брендов и установок в молодежной среде. Подобного рода исследования также должны иметь своей целью разработку практических технологий продвижения положительного имиджа России в мировом интернет-сообществе.

Необходимо заметить, что в случае разработки стратегии работы с игровыми онлайн-сообществами (или хотя бы отдельных ее элементов в виде прикладного инструментария), ее внедрению в практику должны дополнительно способствовать два важных фактора:

Во-первых, ведущие аналитические агентства, специализирующиеся на игровой индустрии, относят Россию к крупным и перспективным рынкам. В статье уже упоминались исследования компании SuperData Research. Приведем еще два примера.

Аналитическая компания Newzoo оценивает объем российского игрового рынка в 2018 г. в 1,7 млрд дол. (11-е место в мире)².

Согласно прогнозу компании PwC, оборот игрового рынка в России к 2022 г. достигнет 4,8 млрд дол. В результате игровой сектор обгонит по выручке телерекламу и выйдет на третье место в структуре доходов российской индустрии медиа и развлечений³. При этом общий совокупный среднегодовой темп роста российского рынка электронных развлечений и СМИ, согласно прогнозу компании PwC, составит в период до 2022 г. 8,8 %⁴.

² 2018 Global Games Market Report. URL: <https://newzoo.com/insights/trend-reports/newzoo-global-games-market-report-2018-light-version/> (дата обращения: 12.03.2019).

³ Всемирный обзор индустрии развлечений и СМИ: прогноз на 2018—2022 гг. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/assets/pwc-media-outlook-2018-Russia-web.pdf> (дата обращения: 12.01.2019).

⁴ Там же.

¹ Mordhau: Россия. Группа русскоязычного сообщества игры Mordhau // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/mordhauru> (дата обращения: 04.06.2019).

Выводы

Таким образом, становится очевидна долгосрочная тенденция роста российского рынка цифровых развлечений, а также вовлеченности в онлайн-сообщество все большего числа российской молодежи, расширения цифровых каналов коммуникации. Рост привлекательности РФ как рынка сбыта продукции игровой индустрии вынуждает компании-производители игр внимательнее относиться к мнению российских потребителей [6; 7]. В последние годы наблюдаются некоторые тенденции к снижению антироссийских мотивов в сюжетно-содержательной части компьютерных игр.

Во-вторых, игровые фракции и альянсы, озабоченные вербовкой новых членов, имеют уже готовые и отработанные механизмы пропагандистской работы в молодежной среде и онлайн-координации своих членов. Прекрасный пример координации показало русское сообщество многопользовательской игры «Guild Wars 2», вышедшей в 2012 г. Игровой процесс в ней построен на том, что для победы нужно было захватить и удерживать на протяжении недели как можно больше ключевых географических точек. На практике оказалось, что огромное преимущество в игре дает использование часовых поясов. Европейцы ложились спать позднее русских игроков, и у них было некоторое время на захват их позиций. Американцы же могли действовать почти безнаказанно, поскольку глубокой ночью позиции русских игроков оставались почти без защиты. Все это вместе с численным превосходством противника ставило русские гильдии в тяжелое положение.

Однако русские сообщества сумели скоординировать тысячи своих игроков для одновременной атаки и обороны. Они вставали по будильнику ранним утром и собирались в определенное время дня для атаки американских позиций. Благодаря этой тактике русский сервер за три месяца пробился к вершинам рейтинга и удерживал эту позицию несколько недель.

Данный пример весьма показателен с той точки зрения, что игровое онлайн-сообщество уже представляет собой сформированную социальную структуру, способную к самоподдержанию, управлению своими членами и трансляции определенных идей. В данном контексте оно представляет интерес и как объект политологических исследований.

Таким образом, разработка и реализация технологического инструментария работы с игровыми онлайн-сообщества-

ми позволит эффективно использовать их возможности для продвижения смысловых установок в интересах российского общества и государства, способствуя формированию гражданской идентичности российской молодежи.

1. Агафонов А. Г. Социальный портрет российского онлайн-геймера // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 73—75.

2. Белянцев А. Е., Герштейн И. З. Образ страны через компьютерную игру: историко-политический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 279—283.

3. Бушуева А. А. Социально-педагогические механизмы преодоления страхов, вызванных компьютерными играми, у младших школьников // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15, № 4. С. 331—335.

4. Денисова А. И. Компьютерные игры как феномен современной культуры // Аналитика культурологии. 2010. № 3 (18). С. 18—20.

5. Добровидова Н. А. Особенности эмоциональных состояний подростков, увлекающихся компьютерными играми // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 316—319.

6. Иванова Н. А., Артемов А. В., Волохонский В. Л., Дубик С. В. Мотивация онлайн-гейминга в контексте теории самодетерминации (STD) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2016. № 2. С. 47—58.

7. Иванова Н. А. Мотивация игроков в компьютерные игры и киберспорт // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2017. № 11 (153). С. 321—325.

8. Кузьмина Г. П., Сидоров И. А. Компьютерные игры и их влияние на внутренний мир человека // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2012. № 2 (74). Ч. 2. С. 78—84.

9. Лебедев И. Б., Филатова Т. П. Кибернетическая лудомания — новая область психологических исследований криминальной агрессии подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1 (52). С. 55—59.

10. Лопатинская Т. Д. Компьютерные игры как средство вхождения в виртуальную реальность // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 31—34.

11. Никитина Л. Н. Последствия чрезмерного увлечения компьютерными играми у несовершеннолетних // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. № 2 (15). С. 249—253.

12. Новикова О. Н. Игровая деятельность человека в пространстве виртуальной реальности // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 16—25.

13. Пахомова В. Г. Психологические детерминанты увлеченности компьютерными играми в младшем возрасте // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2016. № 2. С. 46—57.

14. Pokatilov A. B., Krivko M. A. Интернет-зависимость и компьютерные игры школьников 9—11-х классов г. Волгограда // *Главный врач Юга России*. 2015. № 3 (45). С. 39—43.

15. Попова Л. Г., Глудин Г. С. О плюсах и минусах увлеченности компьютерными играми // *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 4 (81). С. 114—123.

16. Прокудин Д. Е. Проблемы социокультурной адаптации в пространстве компьютерных игр // *Информационное общество*. 2013. № 5. С. 30—34.

17. Степанцева О. А. Социальный портрет геймера // *Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2007. № 24. С. 80—83.

18. Часовский Н. В., Часовский П. В. Медиа-вирусы компьютерных игр (на примере Vault boy из серии компьютерных игр Fallout) // *Челябинский гуманитарий*. 2015. № 4 (33). С. 57—61.

19. Чирков Д. К., Саркисян А. Ж. Преступность в сфере телекоммуникации и компьютерной информации как угроза национальной безопасности // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2013. № 3. С. 219—226.

20. Шаров К. С. Повернутые на игре. Об Этике современных компьютерных игр // *Ценности и смыслы*. 2013. № 6 (28). С. 8—21.

21. Югай И. И. Компьютерная игра как вид художественной практики // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2007. № 37. С. 367—372.

22. Balicer R. Modeling Infectious Diseases Dissemination Through Online Role-Playing Games // *Epidemiology*. 2007. № 18 (2). P. 260—261.

References

1. Agafonov A.G. (2017) *Social'no-politicheskie nauki*, no. 2, pp. 73—75 [in Rus].

2. Beljancev A.E., Gershtejn I.Z. (2010) *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 6, pp. 279—283 [in Rus].

3. Bushueva A.A. (2009) *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, vol. 15, no. 4, pp. 331—335 [in Rus].

4. Denisova A.I. (2010) *Analitika kul'turologii*, no. 3 (18), pp. 18—20 [in Rus].

5. Dobrovidova N.A. (2009) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 323, pp. 316—319 [in Rus].

6. Ivanova N.A., Artemov A.V., Volohonskij V.L., Dubik S.V. (2016) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psihologija. Pedagogika*, no. 2, pp. 47—58 [in Rus].

7. Ivanova N.A. (2017) *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, no. 11 (153), pp. 321—325 [in Rus].

8. Kuz'mina G.P. Sidorov I.A. (2012) *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ja. Jakovleva*, no. 2 (74), part. 2, pp. 78—84 [in Rus].

9. Lebedev I.B., Filatova T.P. (2013) *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, no. 1 (52), pp. 55—59 [in Rus].

10. Lopatinskaja T.D. (2013) *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya*, no. 8, pp. 31—34 [in Rus].

11. Nikitina L.N. (2016) *Azimuth nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija*, no. 2 (15), pp. 249—253 [in Rus].

12. Novikova O. N. (2018) *Socium i vlast'*, no. 6 (74), pp. 16—25 [in Rus].

13. Pahomova V. G. (2016) *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, no. 2, pp. 46—57 [in Rus].

14. Pokatilov A.B., Krivko M.A. (2015) *IGlavnyj vrach Juga Rossii*, no. 3 (45), pp. 39—43 [in Rus].

15. Popova L. G., Gludin G.S. (2010) *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury*, no. 4 (81), pp. 114—123 [in Rus].

16. Prokudin D.E. (2013) *Informacionnoe obshchestvo*, no. 5, pp. 30—34 [in Rus].

17. Stepanceva O. A. (2007) *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, no. 24, pp. 80—83 [in Rus].

18. Chasovskij N.V., Chasovskij P.V. (2015) *Cheljabinskij humanitarij*, no. 4 (33), pp. 57—61 [in Rus].

19. Chirkov D.K., Sarkisjan A.Zh. (2013) *Aktual'nye problemy jekonomiki i prava*, no. 3, pp. 219—226 [in Rus].

20. Sharov K.S. (2013) *Cennosti i smysly*, no. 6 (28), pp. 8—21 [in Rus].

21. Jugaj I. I. (2007) *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena*, no. 37, pp. 367—372 [in Rus].

22. Balicer R. (2007) *Epidemiology*, no. 18 (2), pp. 260—261 [in Eng].

For citing: Korotyshev A.P., Rykhtik A.A.
Online gaming communities as a resource
for forming the civic identity of Russian youth //
Socium i vlast' 2019. № 3 (77). P. 30—39.

UDC 323.21

ONLINE GAMING COMMUNITIES AS A RESOURCE FOR FORMING THE CIVIC IDENTITY OF RUSSIAN YOUTH

Alexander P. Korotyshev,

Lobachevsky National Research State University
of Nizhni Novgorod,
Associate Professor of the Department Chair
of Social Security and Humanitarian Technologies,
Cand.Sc. (History), Associate Professor.
The Russian Federation,
603950, Nizhny Novgorod, prospect Gagarina, 23.
E-mail: Aleks_korotyshev@mail.ru

Pavel P. Rykhtik,

Lobachevsky National Research State University
of Nizhni Novgorod,
Assistant Professor of the Department Chair
of Social Security and Humanitarian Technologies,
The Russian Federation,
603950, Nizhny Novgorod, prospect Gagarina, 23.
E-mail: rykhtikpavel@fsn.unn.ru

Abstract

Introduction. The article describes the phenomenon of online gaming communities in terms of their communication potential for forming civic identity. The authors proceed from the assumption that the gaming industry has a significant impact on modern youth's perception of Russia's images, the Russians, national cultural values and traditions.

The aim of the article is to assess the capabilities of online gaming communities as a tool for shaping the civic identity of Russian youth.

Methods. The authors combine the analysis of Russian scientists' scientific works with marketing research of Western analytical centers, and also consider the practical activities of Russian gamers' online communities.

Scientific novelty of the research: The scientific novelty of the study consists in considering online gaming communities as social groups of a new type, which not only carry their own unique ideas, but also have the potential to broadcast them.

Conclusions. The authors come to the conclusion that it is necessary to consider the phenomenon of online games as an important element of modern digital culture that forms civic identity. The authors justify the necessity of developing and implementing technologies of interaction between the state and society with online gaming communities.

Key concepts:

public communication,
computer game,
gaming community,
civic identity,
political communication,
image of Russia,
perception of Russia.

Для цитирования: Лапыгин Ю. Н., Сивякова М. В. Проектный подход к разработке стратегии региона // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 40—49.

УДК 332.144

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД К РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ РЕГИОНА

Лапыгин Юрий Николаевич,

Владимирский филиал РАНХиГС,
профессор кафедры менеджмента,
доктор экономических наук, профессор,
Российская Федерация,
600017, г. Владимир, ул. Горького, 59а.
E-mail: Lapygin.Y@gmail.com

Сивякова Милана Викторовна,

Владимирский филиал РАНХиГС,
доцент кафедры менеджмента,
кандидат экономических наук, доцент,
заместитель председателя комитета
проектной деятельности
администрации Владимирской области,
Российская Федерация,
600017, г. Владимир, ул. Горького, 59а.
E-mail: milana0506@mail.ru

Аннотация

Введение. Процесс разработки стратегии развития региона отличается от текущих процессов в деятельности работников исполнительных и законодательных органов власти региона. Кроме того, в этот процесс должны быть вовлечены и другие стейкхолдеры (представители федеральных и муниципальных органов власти, а также представители коммерческих и некоммерческих организаций), что требует специфической организации работ, характерных для проектного управления.

Цель. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с организацией процесса разработки стратегии развития региона, а также с определением этапов разработки стратегии с позиций проектного подхода.

Методы. При рассмотрении проектного и процессного подхода использованы методы графического и вербального моделирования, а также методы анализа и синтеза при структурировании

этапов реализации проекта по разработке стратегии региона.

Научная новизна. Показана специфика проектного управления в процессе разработки стратегии, заключающаяся в том, что целеполагание разработчиков стратегии требует вовлечения и согласования позиций, должна быть обеспечена новизна и уникальность стратегии, высоки неопределенность процедур разработки и риск в получении ожидаемых результатов, ресурсы и время разработки стратегии ограничены, недостаточность квалификации разработчиков компенсируется организацией процесса со стороны консультантов, велик интервал повторения процедур разработки стратегии, что, в общем и целом, отличает проектное управление от процессного.

Результаты. Выделены этапы процесса разработки стратегии, в каждом из которых сформулированы задачи определения отдельных элементов стратегии и сроки реализации проекта.

Выводы. Результаты анализа процедур разработки стратегии развития региона, начиная с первого до последнего этапа, свидетельствуют о том, что они по своему содержанию в совокупности соответствуют такой категории как проект, а в части определенности структуры стратегии и повторяемости этапов, заложенных в методические рекомендации по разработке стратегии, соответствуют процессному подходу к управлению разработкой стратегии развития региона. Организация процесса разработки стратегии представляет собой, своего рода, инструмент реализации проектного управления. Использование полученных результатов позволит консультантам и группе стратегического планирования, как участникам процесса разработки стратегии, прояснить всю картину проекта в процессе стратегического планирования в регионе.

Ключевые понятия:

стратегия,
регион,
цели,
проект,
процесс,
этапы.

Введение

Федеральный закон о стратегическом планировании в Российской Федерации¹ (далее — Закон) содержит норму, в соответствии с которой «документы стратегического планирования подлежат обязательной государственной регистрации в федеральном государственном реестре документов стратегического планирования» (статья 12), а методические рекомендации² Минэкономразвития России по разработке стратегии, утвержденные в начале 2017 г., раскрывают основе содержание элементов стратегии развития региона.

Кроме того, стратегия нужна Субъекту Федерации не только как обязательный документ для отчета о его наличии. Она нужна:

- муниципальным образованиям субъектов Федерации для понимания перспектив развития территории и корректировке стратегий муниципальных образований региона;
- инвесторам для оценки рисков и принятия решений о капитализации своих финансовых ресурсов на территории региона;
- бизнесменам для понимания своего участия в государственных программах³ и национальных проектах⁴, а также программах и проектах региона⁵;
- департаментам администрации для включения отраслевых проектов и программ региона в национальные

проекты и федеральные программы страны;

- населению для принятия решений остаться и работать в регионе (за последние 10 лет численность населения Владимирской области сократилось на 100 тысяч человек⁶);
- самой администрации Владимирской области и бизнесу для межрегионального и межотраслевого сотрудничества в условиях конкуренции за федеральные финансовые ресурсы, а также для формирования репутации успешно развивающейся территории страны.

Без стратегии трудно рассчитывать на системную разработку таких документов стратегического планирования (предусмотренного все тем же Законом), к которым относятся: прогноз социально-экономического развития, бюджетный прогноз, план мероприятий по реализации стратегии и программа социально-экономического развития Владимирской области [18].

Следует заметить, что в течении прошедшего 2018 г. некоторые регионы Центрального федерального округа (ЦФО) разрабатывали новые стратегии своего развития в соответствии с положениями Закона (см. табл. 1).

Таких регионов было 7, что составляет примерно 40 % от общего числа субъектов федерации по ЦФО, что подтверждает актуальность разработки стратегий регионов. Тем более, поставлена задача разработки стратегии развития Российской Федерации до 2035, о чем свидетельствует приглашение к разработке указанной стратегии Министра экономического развития Российской Федерации М. С. Орешкина, обращенное в том числе и к регионам⁷.

Следует отметить, что законодательно⁸ установлено только содержание стратегии региона, а инструменты, с помощью которых можно получить указанное содержание, нормативно не только «жестко» не определено, но и в рекомендательном плане⁹

⁶ Владимирстат рассказал о демографии организаций в регионе. URL: <https://start33.ru/news/2019/02/19/vladimirstat-rasskazal-o-demografii> (дата обращения: 19.02.2019).

⁷ Разработка стратегии России — 2035. URL: <http://gasu.gov.ru/strategy-2035/> (дата обращения: 19.02.2019).

⁸ О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

⁹ Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

² Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации : приказ Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132. URL: <http://rulings.ru/acts/Prikaz-Minekonomrazvitiya-Rossii-ot-23.03.2017-N-132/> (дата обращения: 19.11.2018).

³ Перечень федеральных целевых программ, предусмотренных к финансированию из федерального бюджета на 2019 год. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/FcpList/Full/2019> (дата обращения: 16.02.2019).

⁴ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <https://rg.ru/2018/05/08/president-ukaz204-site-dok.html> (дата обращения: 06.11.2018).

⁵ Региональные приоритетные проекты в 2018 году. URL: <https://kpd.avо.ru/rpp18> (дата обращения: 20.02.2019).

Таблица 1

Элементы стратегий регионов ЦФО

Наименование региона	Элементы стратегии		
	Видение [11]	Миссия [14]	Цель [24]
1. Белгородская			+
2. Брянская		+	
3. Владимирская		+	+
4. Воронежская*			+
5. Ивановская			+
6. Калужская			+
7. Костромская			+
8. Курская*	+	+	+
9. Липецкая			+
10. Московская*			+
11. Орловская*	+	+	
12. Рязанская*		+	
13. Смоленская			+
14. Тамбовская*			+
15. Тверская			+
16. Тульская		+	+
17. Ярославская		+	
18. город Москва*	+	+	+
19. ЦФО			+

Примечание: знаком «+» выделено наличие отдельных элементов стратегии, а знаком «*» отмечены регионы, в которых в 2018 г. формировалась новая стратегия до 2030 или 2035 г.

основательно не прописано. Проектный подход позволяет упорядочить процесс разработки нового для региона продукта — стратегии его развития.

В этой ситуации органы власти регионов, стремясь оптимизировать процедуры управления процессом разработки стратегии, но не обладая необходимой квалификацией и корпоративной культурой для реализации уникального проекта по разработке стратегии, как правило, привлекают внешних консультантов. Однако и в этом случае риски и неопределенность в получении ожидаемого результата остаются высокими в связи с риском привлечь консультантов-дилетантов и методической неопределенностью процедур реализации проекта по разработке стратегии.

Поэтому рассмотрение специфики организации процесса проектного управления имеет существенное значение для теоретиков и практиков, занятых разработкой стратегии региона.

Кроме того, проектный подход позволяет ориентировать участников разработки стратегии развития региона на достижение

авангардных целей, содержание которых уникально, в отличие от целей рутинных процессов, обусловленных исполнением работниками органов власти своих должностных инструкций.

Как и любой проект, разработка стратегии ограничена в ресурсах и во времени. Расходование ресурсов ограничивается бюджетным процессом в целом и законодательством о контрактной системе в сфере закупок¹ в частности. Что же касается времени, то динамичные изменения внешней и внутренней среды региона требуют «быстрых» разработок (чтобы постоянно не вносить изменения на этапе формирования стратегии), с одной стороны, а другой стороны, потребность вовлечения в реализацию проекта и большого числа стейкхолдеров (формирование проектных команд), и больших объемов информации ведет к большим временным затратам от начала работ до утверждения стратегии развития региона.

Специфика проектного управления проявляется и во временной организации про-

Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации : приказ Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132. URL: <http://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minekonomrazvitiya-Rossii-ot-23.03.2017-N-132/> (дата обращения: 19.11.2018).

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ. URL: <https://www.pro-goszakaz.ru/44fz-poslednyaya-redakciya> (дата обращения: 27.04.2019).

цедур разработки стратегии, которые могут повторяться спустя длительное время (как правило, при смене власти в регионе), значительно изменяясь по своему содержанию и по причине развития методов стратегического управления, в силу изменений факторов внешней и внутренней среды, и изменений правил, определяемых законодательством.

В то же время проектный подход не отменяет и не заменяет процессного подхода. Следует заметить, что не всякий процесс может быть проектом, но всякий проект содержит в себе процессы. Рассматриваемые категории взаимосвязаны так, что проектный подход упорядочивает процесс разработки стратегии.

Так, исследователи отмечают, что потребность в разработке стратегии развития регионов побуждает стейкхолдеров и консультантов сочетать проектный и процессный подходы [23], что вызывает интерес в части исследования специфики каждого подхода, особенностей их сочетания и этапов реализации [22].

В условиях стремления регионов включиться в реализацию майского Указа Президента России¹, в котором поставлены задачи социально-экономического и научно-технологического развития Российской Федерации, актуальность включения проектов в стратегии развития регионов только возрастает. Кроме того, ориентация на получение конкурентного преимущества [9] побуждает регионы рассматривать стратегию как совокупность проектов [3], реализуемых в различных сферах развития региона.

Проектный и процессный подходы к разработке стратегии

Определяя управление проектами как «вид управленческой деятельности, направленный на реализацию процесса по достижению наилучших и уникальных результатов в условиях ограниченности ресурсов и времени» [12], рассмотрим соотношение двух категорий: «проект» и «процесс». Заметим, что под проектом чаще всего понимают [5] временное образование, предназначенное для создания уникальных продуктов, услуг или результатов, а под процессом — регулярно повторяющуюся последовательность операций, потреб-

ляющую ресурсы и создающую результат, нужный кому-либо [6].

С этих позиций можно рассматривать стратегию как проект, который имеет свое начало и конец, а по содержанию ориентирован на создание уникального для региона продукта — модели достижения амбициозных целей развития. Процедуры же формирования и реализации такого проекта представляют собой в какой-то мере формализованный процесс, который может быть выполнен с учетом методических рекомендаций² Минэкономразвития РФ.

Проект и процесс как явления имеют схожие характеристики, к которым следует отнести совокупность ресурсов, целевую ориентацию и мероприятия, отражающие деятельность организации. Сочетание основных характеристик проектного и процессного подходов приведено на рис. 1.

Если сопоставить проектный и процессный подход между собой, то следует сделать акцент не только на их взаимосвязи, но и сильных и слабых позициях друг по отношению к другу.

Проектный подход ориентирован на результат [8] в перспективе, а не на текущую деятельность региона, и должен обеспечивать формирование креативных решений [15] по его стратегическому развитию. Проектное управление позволяет отойти от функциональных интересов департаментов администрации региона в процессе формирования стратегических перспектив [2; 25].

Сопоставление достоинств и недостатков рассматриваемых подходов, представленных табл. 2, свидетельствует о том, что каждый из них не идеален, а использование достоинств проектного и процессного подходов при разработке стратегии развития региона может обеспечить целевую и экономическую эффективность деятельности разработчиков: консультантов и стейкхолдеров [16].

Отмеченные обстоятельства дополняются еще и тем, что инструменты реализации подходов отличаются, друг от друга. Например, диаграмма Г. Л. Гантта и сетевой график, а также модель жизненного цикла [13] характерны для проектного подхода, а модель У. Деминга и диаграмма К. Исикавы — больше для процессного подхода [1].

² Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации : приказ Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132. URL: <http://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minekonomrazvitiya-Rossii-ot-23.03.2017-N-132/> (дата обращения: 19.11.2018).

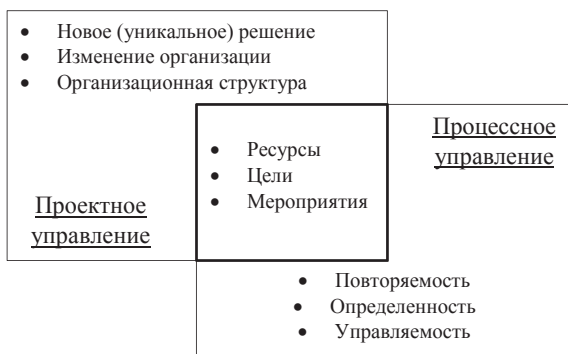

Рис. 1. Пересечение характеристик проектного и процессного подходов*

* Построено нами по: [2; 4; 12].

Таблица 2

Сопоставление достоинств и недостатков подходов

Преимущества	Недостатки
<i>Проектный подход</i>	
<ul style="list-style-type: none"> • возможность оценивать результаты деятельности проектной команды на всех этапах формирования и реализации проекта; • рациональное использование всех видов ресурсов; • согласование интересов основных групп влияния; • структурирование инициатив; • строгое формулирование ожидаемых результатов и целей; • повышение мотивации персонала; • учет возможных рисков и поиск путей их снижения 	<ul style="list-style-type: none"> • высокая стоимость реализации подхода; • необходимость повышения квалификации членам проектной команды и стейкхолдерам; • двойное подчинение функциональных специалистов; • опора на сложившуюся социальную культуру в регионе; • требование в части наличия особых навыков коммуникации в группе стратегического планирования (ГСП); • требование наличия навыков ведения документационного обеспечения проектной деятельности
<i>Процессный подход</i>	
<ul style="list-style-type: none"> • возможность решать накопившиеся проблемы развития региона; • регулирование и координация деятельности ГСП; • оперативность принятия и реализации принятых решений; • снижение операционных издержек; • сокращение затрат времени на выполнение отдельных процедур 	<ul style="list-style-type: none"> • необходимость повышения квалификации работников; • сложности в разработке плана по внедрению подхода; • иногда неточное описание процедур и процессов; • иногда слишком подробное описание процессов и процедур; • попытка охватить все процессы целиком и сразу

Если построить диаграмму Ганта (см. табл. 3) для реализации проекта «Разработка стратегии развития региона», то становится очевидным последовательный процесс работы: каждый последующий этап будет зависеть от результатов предыдущего.

Первый этап протяженностью в два месяца представляет собой подготовку к выполнению проекта и включает согласование отдельных положений технического задания на разработку стратегии, подготовку распорядительных документов со стороны администрации региона и разработку паспорта проекта [7]. Кроме того, в этот же период необходимо провести конкурс среди

потенциальных консультантов, способных организовать процесс разработки стратегии развития региона. Началом реализации проекта можно считать дату утверждения паспорта проекта.

На втором этапе, который следует провести также в течение двух месяцев, необходимо выполнить комплексный анализ, включающий не только анализ документов (отчетов, справок, приказов, статистики) [17], анкетирование (опросные листы по факторам SWOT-анализа) [10] и интервью стейкхолдеров, а также обработку документации, предоставляемой органами исполнительной власти региона. В заключении этапа

Таблица 3

Диаграмма Гантта: этапы разработки стратегии

№ этапа	Порядок выполнения работ по этапам						
	1	2	3	4	5	6	7
1	2м						
2		2м					
3			1н				
			1н				
			1н				
			1н				
4				2н			
5				1м			
6					2н		
						2н	
						2н	
7						5м	
8							1н

Примечание: м — месяц; н — неделя.

готовятся предварительные результаты SWOT-анализа и осуществляется подготовительная работа к предстоящей на следующей этапе серии стратегических сессий группы стратегического планирования (ГСП).

Третий этап, представленный четырьмя стратегическими сессиями по одной неделе каждая, включает двухдневные стратегические сессии (работа в пятницу с середины дня и субботу — полный день) в группе стратегического планирования с организацией процесса со стороны консультантов и обработку полученной информации консультантами в межсессионный период для подготовки к следующей сессии. Практика свидетельствует в пользу такой организации этапа, поскольку вывезти всю группу (около 100 человек) на 3—4 дня за пределы кабинетов для глубокого погружения в работу над стратегией не удастся по разным причинам.

Этот этап представляет собой самый ответственный период реализации проекта по разработке стратегии, поскольку в нем непосредственно задействованы стейкхолдеры, которые должны договориться между собой о содержании целей стратегического развития региона.

На этом этапе происходит оценка результатов SWOT-анализа, формулировок Видения, Миссии и стратегических целей, предварительно составленных на предыдущем этапе. Происходит разработка стратегически значимых решений, на базе которых формируется структурная схема стратегии первого этапа стратегического развития. Окончательно формулируются Видение, Миссия и стратеги-

ческие цели, определяются этапы и выстраиваются три дерева целей для первого, второго и третьего этапа реализации стратегии. Содержание указанных целей обеспечивает разработку формулировок стратегии на каждом из трех этапов: ориентация на результаты текущей ситуации (по итогам работы с результатами SWOT-анализа); ориентация на Миссию; ориентация на Видение перспективного состояния региона.

Полученные результаты позволяют определить направления развития региона, приоритеты среди указанных направлений в по этапам стратегического развития.

В рамках заключительных стратегических сессий определяются ожидаемые результаты и показатели реализации проектов и программ стратегии на первом этапе¹, распределение проектов и программ по федеральным проектам и программам, а также национальным проектам. В итоге согласовываются источники финансовых ресурсов, необходимых для реализации разработанной стратегии.

В течение 2 недель консультанты обрабатывают полученные материалы (4-й этап) и готовятся на следующем пятом этапе к работе с департаментами администрации региона по наполнению содержанием основных направлений стратегического развития, определенных методическими рекомендациями² Минэкономразвития РФ:

¹ Формируется портфель проектов, который дополняется на следующем этапе предложениями департаментов администрации.

² Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии

- развития человеческого капитала и социальной сферы;
- экономического развития;
- развития научно-инновационной сферы;
- рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности;
- развития межрегиональных и внешнеэкономических связей;
- пространственного развития;
- формирования кадрового обеспечения экономики;
- устойчивости финансовой системы;
- развития цифровой экономики региона.

Последующий шестой этап работы над проектом связаны с написанием текста основных положений стратегии, обсуждением в ГСП, публичными слушаниями, по результатам которых уточняется содержание стратегии.

На заключительном (седьмом) и самом продолжительном (5 месяцев) этапе стратегия направляется в Минэкономразвития РФ для рассмотрения в федеральных министерствах¹ в части полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и, после устранения замечаний, и выхода распорядительных документов о ее утверждении, можно считать,

социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации : приказ Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132. URL: <http://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minekonomrazvitiya-Rossii-ot-23.03.2017-N-132> (дата обращения: 19.11.2018).

¹ Об утверждении Правил согласования проекта стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в части полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации с документами стратегического планирования, разрабатываемыми и утверждаемыми (одобряемыми) органами государственной власти Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 14 октября 2016 г. № 1045. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71413884/> (дата обращения: 03.03.2018).

что проект по разработке стратегии развития региона завершен (8-й этап): осуществляется оформление всех заключительных актов и сдача заключительного отчета с окончательным текстом стратегии региона.

В заключение необходимо отметить, что в управлении проектом выделяется совокупность процессов (этапов жизненного цикла проекта), представленных на рис. 2, в котором отражены такие группы процедур как: инициация проекта, планирование, запуск проекта, исполнение и контроль, а также мониторинг и завершение проекта.

В свою очередь внутри каждой процедуры можно выделить конкретные элементы, реализация которых обеспечивает наполнение содержанием проекта по разработке стратегии региона.

Заключение

Подводя итог рассмотрению степени успешности достижения поставленных целей в стратегии развития региона, отметим основные моменты.

Разработка стратегии как проект, направленный на построение модели достижения стратегически значимых целей, может быть представлена явно выраженными этапами, на каждом из которых последовательно решается задача построения системы целей, направлений развития, содержания стратегии в виде проектов и программ, встроенных в национальные проекты и федеральные программы и т. п.

Завершение проекта по разработке стратегии региона становится началом еще трех проектов по разработке документов стратегического планирования, к которым относятся: прогноз социально-экономического развития региона, бюджетный прогноз и программа мероприятий по реализации стратегии развития региона [19—21].

В качестве самостоятельного проекта следует рассматривать проект по мониторингу над реализацией стратегии развития региона, обеспечивающего корректировку стратегических проектов, составляющих основу стратегии развития региона.

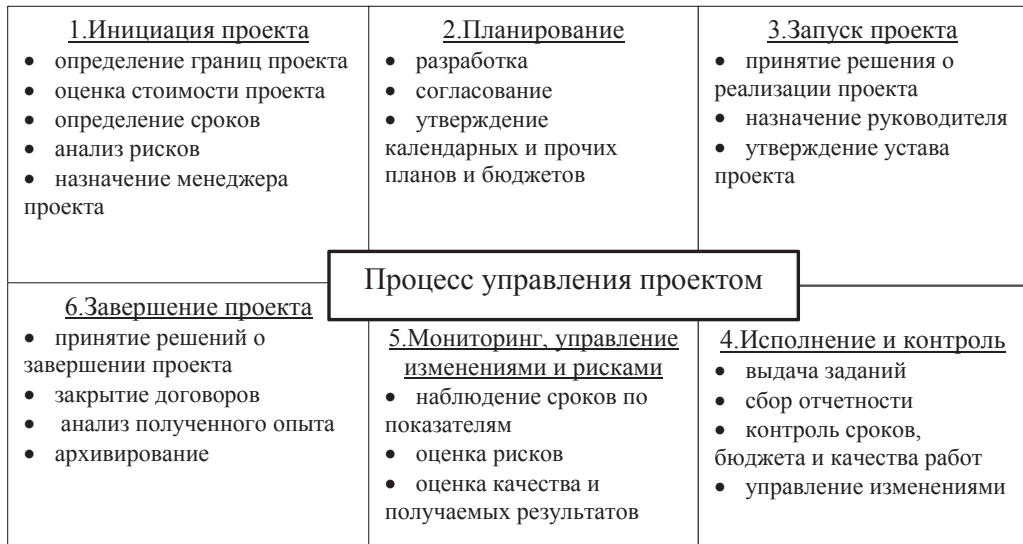

Рис. 2. Процессы управления проектом*

* Построено нами по: Дмитриев А. В. Методика внедрения проектного подхода в управление социальным развитием российских регионов // Наукоеведение. 2013. № 1. С. 1—8; Компанейцева Г. А. Проектный подход: понятие, принципы, факторы эффективности // Концепт. 2016. Т. 17. С. 363—368. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46249.htm> (дата обращения: 15.05.2018).

1. Абрамов И. В., Алгазинов Э. К., Матвеев М. Г. Процессный подход к построению системы проектного управления // Прикладная информатика. 2014. № 1. С. 15—22.

2. Алтухов Д. В. Сущность проектного подхода в управлении региональными системами // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2015. Т. 34. № 7-1. С. 13—17.

3. Антропович Е. В., Захаричева Е. В. Истоки проектного управления в России и за рубежом // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2010. № 6. С. 59—63.

4. Ахадов Р. Э., Сумина Е. В. Проектный и процессный подходы к управлению в логистике // Современные тенденции в развитии науки и технологий. 2016. № 3-10. С. 12—16.

5. Бакланова Ю. О. Эволюция подхода к проектному управлению инновациями: инициатива, проект, программа, портфель // Современные технологии управления. 2012. № 3 (15). URL: <http://sovmn.ru> (дата обращения: 10.05.2018).

6. Васильев А. И., Прокофьев С. Е. Организация проектного управления в органах государственной власти // Управленческие науки. 2016. № 4. С. 44—52.

7. Довбий И. П. Стратегическое планирование: методические аспекты подготовки к разработке стратегии развития региона // Вестник академии знаний. 2017. № 4. С. 73—79.

8. Ишкова Е. В. Сравнительный анализ проектного и процессного подходов к управлению деятельностью предприятия // Экономика и предпринимательство. 2016. № 5. С. 704—710.

9. Конкурентоспособность региона: теория, проблемы, практика: коллективная научная монография / рук. и отв. ред. В. А. Кретинин. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. 276 с.

10. Кох Р. Стратегия : пер с англ. М. : Эксмо, 2007. С. 72—73.

11. Крюков С. В. Форсайт: от прогноза к формированию будущего // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 3-2. С. 7—17.

12. Лапыгин Д. Ю., Лапыгин Ю. Н., Сивякова М. В. Управление проектами в социально-экономическом развитии региона. Владимир : ВФ РАНХиГС, 2018. 197 с.

13. Лапыгин Ю. Н. Теория менеджмента : учеб. пособие. М. : Кнорус, 2016. 316 с.

14. Лыскова И. Е. Миссия, философия и стратегия организации в системе организационной культуры // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2017. № 18. С. 231—236.

15. Микалко М. Взламывая стереотипы. 9 стратегий креативного гения. СПб. : Питер, 2009. 352 с.

16. Новоселов А. С., Маршалова А. С. Актуальные проблемы разработки стратегии социально-экономического развития региона // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2017. № 3. С. 189—197.

17. Пригожин А. И. Методы развития организаций. М. : Ленанд, 2017. 848 с.

18. Стратегическое планирование в регионе / Ю. Н. Лапыгин и др. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. 265 с.

19. Тулинова Д. В., Лапыгин Ю. Н. Бюджетный прогноз в структуре документов стратегического планирования // Вопросы управления. 2018.

№ 1. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2018/01/06/> (дата обращения: 06.05.2018).

20. Тулинова Д. В., Лапыгин Ю. Н. От стратегии муниципального образования к плану ее реализации // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 2 (23). URL: <http://municipal.uapa.ru/ru/issue/2018/02/05/> (дата обращения: 18.08.2018).

21. Тулинова Д. В., Лапыгин Ю. Н. Формирование прогноза развития муниципального образования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2018. №1. С. 26—31.

22. Чупрова И. Ю. Этапы разработки и реализации инновационной стратегии развития в высокотехнологичных регионах // Дельта науки. 2016. № 2. С. 5—8.

23. Шеломенцев А. Г., Дорошенко С. В., Трушкова Е. А., Шихвердиев А. П. Стратегии-2030: подходы к разработке в регионах России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Т. 9. № 4. С. 570—592.

24. Шеховцова Л. С. Становление парадигмы формирования стратегических целей и институтов региона как субъекта развития // Регион: экономика и социология. 2015. № 2. С. 70—85.

25. Шпакова Р. Н. Стратегии социально экономического развития регионов: проблемы разработки и нормативно-правового регулирования // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2018. № 4. С. 41—49.

References

1. Abramov I.V., Algazinov E.K., Matveev M.G. (2014) *Applied Informatics*, no. 1. pp. 15-22 [in Rus].

2. Altukhov D.V. (2015) *Scientific Gazette of Belgorod State University. Series: Economy. Computer science*, vol. 34, no. 7-1, pp. 13—17 [in Rus].

3. Antropovich E.V., Zakharcheva E.V. (2010) *Modern trends in economics and management: a new look*, no. 6, pp. 59—63 [in Rus].

4. Akhadov R.E., Sumina E.V. (2016) *Modern trends in the development of science and technology*, no. 3-10, pp. 12—16 [in Rus].

5. Baklanova Yu.O. (2012) *Modern management technologies*, no. 3 (15). Available at: <http://sovman.ru>, accessed 05.05.2018 [in Rus].

6. Vasilyev A.I., Prokofiev S.E. (2016) *Management sciences*, no. 4, pp. 44—52 [in Rus].

7. Dovbiy I.P. (2017) *Bulletin of the Academy of Knowledge*, no. 4, pp. 73—79 [in Rus].

8. Ishkova E.V. (2016) *Economics and Entrepreneurship*, no. 5, pp. 704—710 [in Rus].

9. Competitiveness of a region: theory, problems, practice (2017). Vladimir, Vladimir branch of RANEPa Publ., 276 p. [in Rus].

10. Koch R. (2007) *Strategy*. Moscow, Eksmo Publ., pp. 72—73 [in Rus].

11. Kryukov S.V. (2010) *Terra Economicus*, vol. 8, no. 3-2, pp. 7—17 [in Rus].

12. Lapygin D.Yu., Lapygin Yu.N., Sivyakova M.V. (2018) Project management in the socio-economic development of the region. Vladimir, VF RANEPa Publ., 197 p. [in Rus].

13. Lapygin Yu.N. (2016) *Management Theory* (tutorial). Moscow, Knorus Publ., 316 p. [in Rus].

14. Lyskova I.E. (2017) *Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management. Series: theory and practice of management*, no. 18, pp. 231—236 [in Rus].

15. Mikalko M. (2009) *Breaking stereotypes. 9 strategies of creative genius*. St. Peterburg, Peter Publ., 352 p. [in Rus].

16. Novoselov A.S., Marshalova A.S. (2017) *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, no. 3, pp. 189—197 [in Rus].

17. Prigogine A.I. (2017) *Methods of development of organizations*. Moscow, Lenand Publ., 848 p. [in Rus].

18. Lapygin Yu.N., Lapygin D.Yu., Balakhina A.A., Tulinova D.V. (2017) *Strategic planning in the region*. Vladimir, Vladimir branch of RANEPa Publ., 265 p. [in Rus].

19. Tulinova D.V., Lapygin Yu.N. (2018) *Management issues*, no. 1. Available at: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2018/01/06/>, accessed 05.05.2018 [in Rus].

20. Tulinova D.V., Lapygin Yu.N. (2018) *Municipality: economy and management*, no. 2 (23). Available at: <http://municipal.uapa.ru/ru/issue/2018/02/05/>, accessed 08.18.2018. [in Rus].

21. Tulinova D.V., Lapygin Yu.N. (2018) *State and municipal management. Scientific notes of SKAGS*, no. 1, pp. 26—31 [in Rus].

22. Chuprova I.Yu. (2016) *Delta of science*, no. 2, pp. 5—8 [in Rus].

23. Shelomentsev A. G., Doroshenko S. V., Trushkova E. A., Shikhverdiev A. P. (2017) *Ars Administrandi (The Art of Management)*, vol. 9, no. 4, pp. 570—592. [in Rus].

24. Shekhovtsova L.S. (2015) *Region: economy and sociology*, no. 2, pp. 70—85 [in Rus].

25. Shpakova R.N. (2018) *Actual problems of socio-economic development of Russia*, no. 4, pp. 41—49 [in Rus].

For citing: Lapygin Yu.N., Sivyakova M.V.
Developing a region's strategy as a project // *Socium i vlast'* 2019. № 3 (77). P. 40—49.

UDC 332.144

DEVELOPING A REGION'S STRATEGY AS A PROJECT

Yury N. Lapygin,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Vladimir Branch,
Professor of the Department Chair
of Management,
Doctor of Economics, Professor,
The Russian Federation,
600017, Vladimir, ulitsa Gorkogo, 59a.
E-mail: Lapygin.Y@gmail.com

Milana V. Sivyakova,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Vladimir Branch,
Associate Professor of the Department Chair
of Management,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor,
Deputy Chairman of the Committee for Project
Activities of the Vladimir Region Administration,
The Russian Federation,
600017, Vladimir, ulitsa Gorkogo, 59a.
E-mail: milana0506@mail.ru

Abstract

Introduction. The process of setting a regional development strategy is different from the current processes in the activities of the region's executive and legislative authorities. In addition, other stakeholders (representatives of federal and municipal authorities, as well as representatives of profit-making and non-profit organizations) should be involved in this process, which requires a specific organization of work characteristic of project management.

The aim of the article. The article is aimed at considering issues related to setting a regional development strategy, as well as defining the stages of strategy development from the standpoint of the project approach.

Methods. When considering the project and process approach, methods of graphic and verbal modeling were used, as well as analysis and synthesis in structuring the stages of the project for setting a regional strategy.

Scientific novelty of the research: The specifics of project management in strategy development are shown, namely, the goal-setting of strategy developers requires involvement and coordination of positions, novelty and uniqueness of the strategy must be ensured, uncertainty of the development procedures and risk in obtaining the expected results are high, resources and time for developing the strategy are limited, insufficient developers' qualifications are compensated by consultants, who help to organize the process; there is a large repetition of the strategy development procedures, which, first and foremost, distinguishes project management from process management.

Results: The stages of the strategy development process are highlighted, each formulates the tasks of determining the individual elements of the strategy and the timing of the project.

Conclusions. The results of analyzing the procedures for a regional development strategy indicate that from the first to the last stage they correspond to such category as a project, considering their content and in terms of certainty of the strategy structure and repeatability of the stages incorporated in the methodological recommendations for developing a strategy correspond to the process management approach to setting a regional development strategy. Organizing the strategy development process is, in a way, a tool for implementing project management. Using the results will make it possible for the consultants and the strategic planning group, being participants in the strategy development process, to clarify the whole picture of the project in the strategic planning process in the region.

Key concepts:
strategy,
region,
goals,
project,
process,
stages.

Для цитирования: Кулай С. В.
Анализ критериев отнесения
муниципальных образований
к моногородам // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 50—62.

УДК 332.13: 911.37

АНАЛИЗ КРИТЕРИЕВ ОТНЕСЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ К МОНОГОРОДАМ

Кулай Светлана Владимировна,
Филиал Кузбасского государственного
технического университета им. Т. Ф. Горбачева
в г. Прокопьевске,
старший преподаватель кафедры
естественнонаучных
и экономических дисциплин.
Российская Федерация,
653033, г. Прокопьевск, ул. Ноградская, д. 19а.
E-mail: osv-07@mail.ru

Аннотация

Введение. Во времена СССР политика ускоренной индустриализации и территориального размещения производительных сил сформировали особое наследие для РФ — наличие узкоспециализированных городов по всей стране — моногородов. В законодательной базе отсутствуют термины «моногород» и «градообразующая организация», определены лишь критерии отнесения. Разработанный инструментальный господдержки предназначен лишь для территорий, попавших в перечень 319 моногородов Правительства РФ, однако исследования насчитывают до 500 монопоселений.

Цель. Анализ критериев отнесения муниципальных образований к монопрофильным с целью

идентификации основных признаков моногорода и градообразующего предприятия, а также уточнение понятийного аппарата данных категорий.

Методы. Анализ и синтез, сравнение и обобщение, систематизация, интерпретация, индукция.

Научная новизна исследования.

Составлена периодизация использования критериев отнесения муниципальных образований к монопрофильным, организаций — к градообразующим. Идентифицированы признаки моногородов, градообразующих организаций, населения моногорода. Предложено авторское определение терминов «градообразующий отраслевой кластер» и «монопрофильное муниципальное образование (моногород)».

Результаты. Определены недостатки действующих критериев отнесения муниципальных образований к монопрофильным. Выявлена особая категория моногородов (18 %) — имеющие градообразующий отраслевой кластер.

Выводы. Некоторые территории из-за действующих количественных критериев не попадают в перечень моногородов, имея при этом все признаки, следовательно, не могут воспользоваться инструментами господдержки моногородов. Необходимо формирование новых классификационных признаков моногородов на основе баланса качественных и количественных показателей, а также выявление тенденций развития и формирование инструментария для моногородов с градообразующим отраслевым кластером.

Ключевые понятия:

моногород,
монопрофильное муниципальное образование,
градообразующая организация,
критерии моногородов,
градообразующий отраслевой кластер.

Введение

Индустриализация Советского Союза определила узкую отраслевую специализацию субъектов РФ и создала десятки монопрофильных регионов. Современное рыночное хозяйство страны перекладывает большую долю социальной ответственности на градообразующие организации, которые совместно с государством должны решать проблемы муниципального образования и его населения, порождаемые необходимостью смены технологического уклада [1, с. 65; 16, с. 54].

Разработка и утверждение Стратегии пространственного развития России сегодня жизненно необходимы для регионов, ожидающих диверсификацию структуры экономики, что ускорит определение региональных центров роста, внедрение инновационных элементов на территории для достижения устойчивого социально-экономического развития страны в целом.

Отправными точками должны стать моногорода, которые в процессе реструктуризации экономики постепенно создадут новые формы пространственной организации хозяйства через расширение уже имеющих цепочек создания добавленной стоимости с помощью развития смежных отраслей. Для монопрофильных поселений сформирован единый перечень инструментов государственной поддержки, однако воспользоваться ими могут только те муниципальные образования, попавшие в перечень моногородов Правительства РФ по определенным количественным критериям. В нормативно-правовой базе отсутствует четкое определение моногорода и градообразующего предприятия. За двадцатилетний период учеными были проведены десятки исследований, в которых количество монопоселений вирировалось от 300 до 500. Необходимо уточнить особенности подбора критериев, проанализировать их количественные интервалы в разные периоды времени, выявить существующие проблемы и ограничения действующих критериев.

Целью данного исследования является анализ критериев отнесения муниципальных образований к монопрофильным с целью идентификации основных признаков моногорода и градообразующего предприятия, а также уточнения понятийного аппарата.

Материалы и методы

Информационную основу для анализа составили нормативно-правовая база мо-

нопрофильных муниципальных образований и градообразующих предприятий РФ и научные исследования моногородов за двадцатилетний период, проводимые на территории России. Использовались следующие методы теоретического исследования: анализ и синтез, сравнение и обобщение, систематизация, интерпретация, индукция.

Результаты

Анализ разнообразных трактовок моногорода выявил необходимость в первую очередь более подробно рассмотреть категорию «градообразующее предприятие» с экономической точки зрения различных авторов и юридической стороны законодательной базой РФ, поскольку все определения так или иначе связывают территорию с наличием крупного хозяйствующего субъекта, влияющего на ее социально-экономическое развитие.

Т. А. Неклюдова рассматривает градообразующее предприятие как основной источник пополнения бюджетов всех уровней через налоги и отчисления на социальные нужды, финансовое положение которого в значительной мере определяет жизнедеятельность города, в котором оно расположено [15].

Согласно А. Н. Масловой, градообразующее предприятие обуславливает социально-экономическое развитие и в преобладающей мере обеспечивает условия жизнедеятельности населенного пункта, в котором оно размещено (обеспечивает занятость, уровень доходов значительной части населения, участвует в строительстве, ремонте и содержании инженерной и социальной инфраструктур, энергетики и транспорта, поддерживает программы социальной помощи нуждающимся) [10].

О. А. Смирнова утверждает, что градообразующее предприятие — это производственное предприятие, на котором занята значительная или даже основная часть работающих граждан населенного пункта, в связи с чем оно определяющим образом влияет на занятость населения, воздействует на его инфраструктуру и социальные проблемы [19]. Поискные интернет-ресурсы предлагают аналогичную формулировку данного термина¹.

¹ Градообразующее предприятие // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Градообразующее_предприятие (дата обращения: 06.10.2017); Причины появления моногородов // Поиск.ru. URL: <http://poisk.ru.ru/s30629t3.html> (дата обращения: 06.10.2017).

Н. В. Грицких отмечает, что градообразующее предприятие является структурообразующим элементом хозяйственного комплекса монопрофильного муниципального образования, который формирует производственные и финансовые связи территории [3].

В В. Коготов использует следующую формулировку для градообразующего предприятия — предприятие, которое функционирует в рамках определенного города и определяет производственно-технологические, финансово-экономические и социально-трудовые характеристики муниципального образования [6].

Законодательство Российской Федерации за двадцатилетний период содержит различные количественные критерии, относящие предприятие к градообразующему типу (табл. 1).

На протяжении анализируемого периода критерии, характеризующие зависимость рынка труда от деятельности градообразующего предприятия, являются ведущими. Объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры числились на балансе градообразующих предприятий, однако к 1998 г. объекты были переданы в собственность муниципалитета, в силу чего данный критерий утратил свою значимость.

В 1998 г. была принята попытка создания Федерального закона «О промышленном градообразующем предприятии, который включал максимальный учет критериев¹, однако проект закона не был утвержден в связи с принятием Федерального закона № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 08.01.1998 г. Только с 1998 г. по 2002 г. в данном законе был учтен критерий рынка труда вместе с членами семей работников предприятия. В новом варианте Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в 2002 г. вместо термина «предприятие» был использован термин «организация», что расширило специализацию юридических лиц, которые могут быть отнесены к категории градообразующих — не только промышленные предприятия, но и транспортные, военные части, учреждения ФСИН. Кроме этого, закон давал право субъектам РФ самостоятельно определять термин «градообразующее предприятие» в законах регионального уровня.

Вышеприведенные несоответствия в формулировке терминов «моногород» и ¹ О промышленном градообразующем предприятии : проект Федерального закона № 99030017-2 (ред., внесенная в ГД ФС РФ) // Сейчас Ру. Новости России и мира. URL: <https://www.lawmix.ru/lawprojects/73313> (дата обращения: 09.10.2017).

«градообразующее предприятия», а так же различные критерии отнесения поселений к монопрофильным и предприятий к категории градообразующих выступают причиной расхождения перечней монопрофильных муниципальных образований России. В табл. 2 представлена сводная информация по результатам исследований моногородов России, выполненных по заказу государства, а так же официальные критерии отнесения муниципальных образований к монопрофильным территориям.

В соответствии с данными статистики СССР 30—40 % городов и рабочих поселков были целиком ориентированы на обслуживание одного производства [20]. Первые крупные исследования моногородов в постсоветской России приходились на кризисные периоды (с 1998 г., с 2008 г.) в связи с активизацией мер государственной поддержки, для чего необходим был анализ социально-экономического положения моногородов.

Первые результаты были приведены научно-методическим центром «Города России»: около половины городов попали в категорию монопрофильных (500 из 1097), $\frac{2}{3}$ поселков городского типа (1200 из 1864) и 400 мелких поселений с численностью населения меньше 3 тыс. чел., занимающегося несельскохозяйственной деятельностью. Общая численность жителей на таких территориях составила около 16 млн человек [17]. Данное исследование проводилось по заказу Минтруда России на основании Постановлений Правительства РФ № 928 «О реализации Комплексной программы мер по созданию и сохранению рабочих мест на 1996—2000 годы» от 3 августа 1996 г. и № 659 «О мерах по поддержанию занятости населения» от 22 июня 1999 г. В последнем содержалось указание: «Составить перечень городов и населенных пунктов с моноэкономической структурой в целях принятия мер по улучшению ситуации на рынке труда. Разработать поэтапно по указанным территориям специальные программы создания и сохранения рабочих мест для обеспечения приемлемого уровня занятости населения».

Известное масштабное исследование специалистов Научно-просветительского фонда «Экспертный институт» (по заказу Минфина России) привело к иным результатам: к монопрофильным поселениям отнесено 467 городов (в том числе крупных) и 337 поселков городского типа с численностью населения больше 5 тыс. чел. Результаты исследований российских

Таблица 1

Официальные понятия и критерии градообразующего предприятия

Нормативно-правовая база	Определение	Параметр/критерий	%
Постановление Правительства РФ «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими» № 1001 29.09. 1994 г	Предприятие, на котором занято не менее 30 % от общего числа работающих на предприятиях города, либо имеющее на своем балансе объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры, обслуживающие не менее 30 % проживающих в населенном пункте	1. Среднесписочная численность/занятые в экономике или 2. Численность населения, обслуживаемая объектом социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры (на балансе предприятия) / общая численность населения	≥ 30 ≥ 30
Проект Федерального закона № 99030017-2 «О промышленном градообразующем предприятии» (ред., внесенная в ГД ФС РФ) ПРОЕКТ ОТКЛОНЕН	Промышленное градообразующее предприятие (далее — градообразующее предприятие) — организация любой формы собственности, в которой занято не менее тридцати процентов от общего числа трудоспособного населения муниципального образования, созданного в связи с деятельностью предприятия, или имеющая на своем балансе объекты инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры, обслуживающие не менее 30 % населения указанного муниципального образования, или налоги (платежи) которой составляют не менее 50 % доходной части бюджета муниципального образования, а также не имеющая связи городским транспортом с другими местами трудоустройства.	1. Среднесписочная численность/занятые в экономике или 2. Численность населения, обслуживаемая объектом социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры (на балансе предприятия) / общая численность населения или 3. Налоги (платежи) предприятия в местный бюджет/доходная часть местного бюджета и 4. Отдаленность от других мест трудоустройства, от крупных городов	≥ 30 ≥ 30 ≥ 30
Федеральный закон № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 08.01. 1998 г.	Предприятия, численность работников которых с учетом членов их семей составляет не менее 50 % численности населения соответствующего населенного пункта	ССЧ с учетом членов семей / общая численность населения	≥ 50
Федеральный закон № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10. 2002 г.	Градообразующими организациями признаются юридические лица, численность работников которых составляет не менее 25 % численности работающего населения соответствующего населенного пункта	Среднесписочная численность/занятые в экономике	≥ 25
«Отраслевое тарифное соглашение в электроэнергетике Российской Федерации на 2013—2015 годы» от 18.03.2013	К градообразующим предприятиям относятся предприятия, на которых занято не менее 30 % от общего числа работающих в городе (поселке)	Среднесписочная численность/занятые в экономике	≥30
Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 219-ФЗ от 21.07.2014	Численность работников на которых составляет не менее чем 25 % численности работающего населения соответствующего населенного пункта (градообразующих организаций)		≥25

Эволюция официальных критериев отнесения муниципальных образований к монопрофильным

Год	Источник	Критерий, признак		Результат
		Наименование	Уровень	
1999	Перечень монопрофильных городов и других населенных пунктов с критической ситуацией в сфере занятости» составлен НМЦ «Города России» по заказу Минтруда России на основании Постановления Правительства РФ от 22 июня 1999 г. № 659 «О мерах по поддержанию занятости населения»	Зависимость местного рынка труда от ГП		500 городов (из 1097), 1200 поселков городского типа (из 1864) 400 мелких поселений (<3000 чел.)
		Доля промышленной продукции градообразующего предприятия в общей структуре промышленного производства городского поселения		
2001	Доклад Экспертного института «Монопрофильные города и градообразующие предприятия» по заказу Министерства финансов РФ, Мирового банка. 2000 г.	Количество занятых на одном предприятии	> 5000 чел	467 города (43 % от общего числа городов), 332 пгт — 24 % от общего их числа ; 17,2 % населения страны вошли малые, средние и крупные города.
		Критерий рынка труда	> 25 %	
		Критерий зависимости бюджета города от поступлений градообразующих предприятий		
		Промышленный критерий	> 50 %	
		Численность населения (для пгт только трех приоритетных отраслей: легкая, лесная, пищевая промышленность)	> 5000 чел	
2009	Министерство регионального развития РФ Протокол совещания Правительства РФ от 18 июня 2009 г. № АЖ-П12-38пр.	Доля работников предприятия (группы предприятий единого производственно-технологического процесса) среди занятых населенного пункта	> 25 %	466 моногородов (15 % населения страны)
		Доля объема промышленного производства предприятия (группы производств одной отрасли)	> 50 %	
2010	Министерство регионального развития РФ Проект модельного закона субъекта Российской Федерации «О развитии монопрофильных территорий в (наименование субъекта Российской Федерации)»	Доля экономически активного населения, занятого на предприятии (нескольких предприятиях единого производственно-технологического процесса)	> 25 %	335 населенных пунктов (30,5 % от общего числа городов), в которых производится 40 % суммарного ВРП (без ЗАТО и наукоградов)
		Доля объема промышленного производства предприятия (нескольких предприятий единого производственно-технологического процесса)	≥ 50 %	
2014	Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 17 апреля 2012 г. № 170 «Об одобрении решения межведомственной рабочей группы по вопросам снижения негативного воздействия финансового кризиса на социально-экономическое развитие монопрофильных городов в субъектах Российской Федерации»	Доля экономически активного населения, занятого на предприятии (нескольких предприятиях единого производственно-технологического процесса)	> 25 %	333 монопрофильных города специализация ГП — промышленные предприятия, (моногорода) транспортные, воинский части, учреждения ФСИН
		Доля объема промышленного производства предприятия (...)	> 50 %	
		Доля налогов и сборов в местном бюджете от предприятия (...)	≥ 20 %	

Окончание табл. 2

Год	Источник	Критерий, признак		Результат
		Наименование	Уровень	
2014	1. Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 года №709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения»	Доля занятых на градообразующем предприятии в ССЧ работников всех организаций муниципального образования (хотя бы 1 раз за 5 лет)	≥ 20 %	319 городов и поселков; специализация предприятий — добыча полезных ископаемых (кроме нефти и газа), производство, переработка промышленной продукции.
		Численность постоянного населения	> 3 тыс. чел	
		статус муниципального образования	город, пгт	

моногородов объединены в пятитомный сборник и представлены в обзорном докладе «Монопрофильные города и градообразующие предприятия» под руководством И. В. Липсица [14]. Первым по значимости стал критерий наличия в муниципальном образовании предприятий (однотипных или их цепочки) одной отрасли или обслуживающих один узкий сегмент отраслевого рынка, в то время как другие предприятия удовлетворяют внутренние потребности города — рассчитывалась их доля в общем объеме производства [18]. На втором месте — доля налоговых и неналоговых поступлений доминирующего предприятия (или нескольких предприятий) в городского бюджета. Третью ступень занял уровень диверсификации занятости жителей — критерий рынка труда, который в конечном итоге был признан авторами доклада самым главным критерием. Однако следующий, не менее важный критерий, к сожалению, не получил практического применения — географическая удаленность поселения от крупных городов, альтернативных рынков занятости, или отсутствие развитой инфраструктуры, посредством которой осуществлялась бы взаимосвязь с ними [18]. Ведь он чрезвычайно актуален для России в силу дороговизны и недоработок программ переселения жителей и проблемного психологического восприятия населением данных программ.

Мировой финансово-экономический кризис 2008 г. оказал непосредственное влияние на эффективность градообразующих организаций, особенно отраслей промышленности. Одним из негативных последствий кризиса стало массовое сокращение работников градообразующих предприятий. Отправной точкой государственного контроля социально-экономической ситуации моногородов можно назвать ряд забастовок жителей г. Пикалево Ленинград-

ской области. Задолженность по выплате заработной платы превысила сумму 41 млн рублей, а на городской ТЭЦ даже прекратили подачу газа по причине большой суммы задолженности градообразующего завода.

Институт региональной политики в рамках государственного заказа на исследование проанализировал влияние кризиса на социально-экономические проблемы моногородов и состояние градообразующих корпораций. В силу чего было выделено 460 монопрофильных города и 332 поселка городского типа [13] — почти аналогичные результаты с предыдущим докладом. Кризисный 2008 г. стал стартовым в понимании правительства России того, что моногорода нуждаются в серьезной государственной поддержке начиная с федерального уровня. После 2008 г. в нормативно-правовой базе России стали появляться официальные критерии моногородов и, как следствие, формироваться списки монопрофильных территорий.

В 2010 г. Министерство регионального развития Российской Федерации разработало проект модельного закона субъекта Российской Федерации «О развитии монопрофильных территорий (наименование субъекта Российской Федерации)» с выделением двух признаков моногорода, причем, для отнесения к монопрофильным территориям поселению достаточно было проходить хотя бы по одному из них. Конкретного муниципального статуса закон не требовал — особой территорией мог быть признан как город, поселок городского типа, так и «населенный пункт, входящий в границы другого муниципального образования»¹.

¹ Пояснительная записка к проекту модельного закона субъекта Российской Федерации «О развитии монопрофильных территорий (наименование субъекта Российской Федерации)». URL: http://www.monocityforum.ru/poyasnitelnaya_zapiska.doc

К 2012 г. Министерство регионального развития РФ ввело еще один дополнительный критерий — доля налогов и сборов в местном бюджете от предприятия (нескольких предприятий единого производственно-технологического процесса)¹ [7].

Так, к 2014 г. сформировалась самая подробная на сегодня законодательная основа для моногородов — Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения» и Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)». В соответствии с последним, на сегодня к моногородам отнесено 319 муниципальных образований², причем, Министерство экономического развития ежегодно обязано пересматривать перечень моногородов.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709, муниципальное образование Российской Федерации признается монопрофильным (моногородом) в одном из следующих случаев:

- а) муниципальное образование соответствует одновременно следующим критериям:
 - муниципальное образование имеет статус городского округа или городского поселения, за исключением муниципальных образований, в которых в соответствии с законом субъекта Российской Федерации находится законодательный (представительный) орган власти субъекта Российской Федерации;

(дата обращения: 01.07.2016).

¹ Об одобрении решения межведомственной рабочей группы по вопросам снижения негативного воздействия финансового кризиса на социально-экономическое развитие монопрофильных городов в субъектах Российской Федерации: приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 17 апреля 2012 г. № 170. URL: <http://www.minregion.ru/upload/documents/2012/04/prikaz-170.pdf> (дата обращения: 16.05.2013).

² Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р (ред. от 13.05.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/d56f021d0894f510308e6cdf0d8f0640de141068/#dst100008 (дата обращения: 01.10.2017).

- численность постоянного населения муниципального образования превышает 3 тыс. человек;
- численность работников одной из организаций (одного из филиалов юридического лица в муниципальном образовании или нескольких организаций), осуществляющих на территории муниципального образования один и тот же вид основной экономической деятельности или деятельность которых осуществляется в рамках единого производственно-технологического процесса) достигла в период 5 лет, предшествующих дате утверждения перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов), предусмотренного пунктом 1 настоящего документа, 20 процентов среднемесячной численности работников всех организаций, осуществляющих деятельность на территории муниципального образования;
- осуществление одной из указанных организаций (одним из филиалов юридического лица в муниципальном образовании или нескольких организаций) деятельности по добыче полезных ископаемых (кроме нефти и газа), и (или) производству, и (или) переработке промышленной продукции;

б) муниципальное образование включено по состоянию на 1 января 2014 г. в перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) и относится к категориям 1 или 2 монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения³.

Все монопрофильные муниципальные образования разделены на 3 группы (категории) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения по следующим признакам⁴ (табл. 3):

- деятельность градообразующей организации;

³ О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения: Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166538/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b (дата обращения: 18.09.2017).

⁴ Там же.

Таблица 3

Категории моногородов по действующим критериям в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 16.04.2015 № 668-р

Количество поселений, % от общего числа моногородов	Категории	Критерии (признаки)				
		Градообразующая организация	План сокращения персонала	Рынок, отрасль	Уровень регистрируемой безработицы	Социально-экономическая ситуация
94 (29,5 %)	№1 «красная зона» наиболее сложное социально-экономическое положение (не менее 2 признаков)	деятельность прекращена, возбуждена процедура банкротства	> 10 %	неблагоприятные	в 2 (и более) раза выше среднероссийского	неблагополучная
154 (48,3 %)	№2 «желтая зона» — имеются риски ухудшения социально-экономического положения (1 признак)	—	> 3 %	—	> среднероссийского	—
71 (22,2 %)	№3 «зеленая зона» — стабильная социально-экономическая ситуация (все признаки одновременно)	осуществление производственной деятельности	≤ 3 %	—	< среднероссийского	благополучная

- планируемое высвобождение работников градообразующей организации;
- оценка конъюнктуры рынка /развития отрасли градообразующей организации;
- уровень безработицы (по данным Федеральной службы по труду и занятости);
- оценка населения социально-экономической ситуации в поселении (по данным Федеральной службы охраны РФ на основании соцопросов).

Первоначально населенный пункт проверяется на соответствие признаков «красной зоны», самой рискованной, которые свидетельствуют о тяжелейшем социально-экономическом положении населения. При попадании в эту зону муниципальное образование должно получить государственную помощь с перспективой выхода из кризисного состояния и перевода в менее опасную зону. При отрицательном результате соответствий следует проверка по критериям «зеленой зоны», где ничего не угрожает рынку труда моногорода, а в случае очередного отклонения поселение относят к «желтой зоне» — средней по степени тяжести социально-экономической ситуации, несущей за собой риски ухудшения положения в муниципальном образовании. Города и поселки городского типа «желтой зоны» могут также рассчитывать на

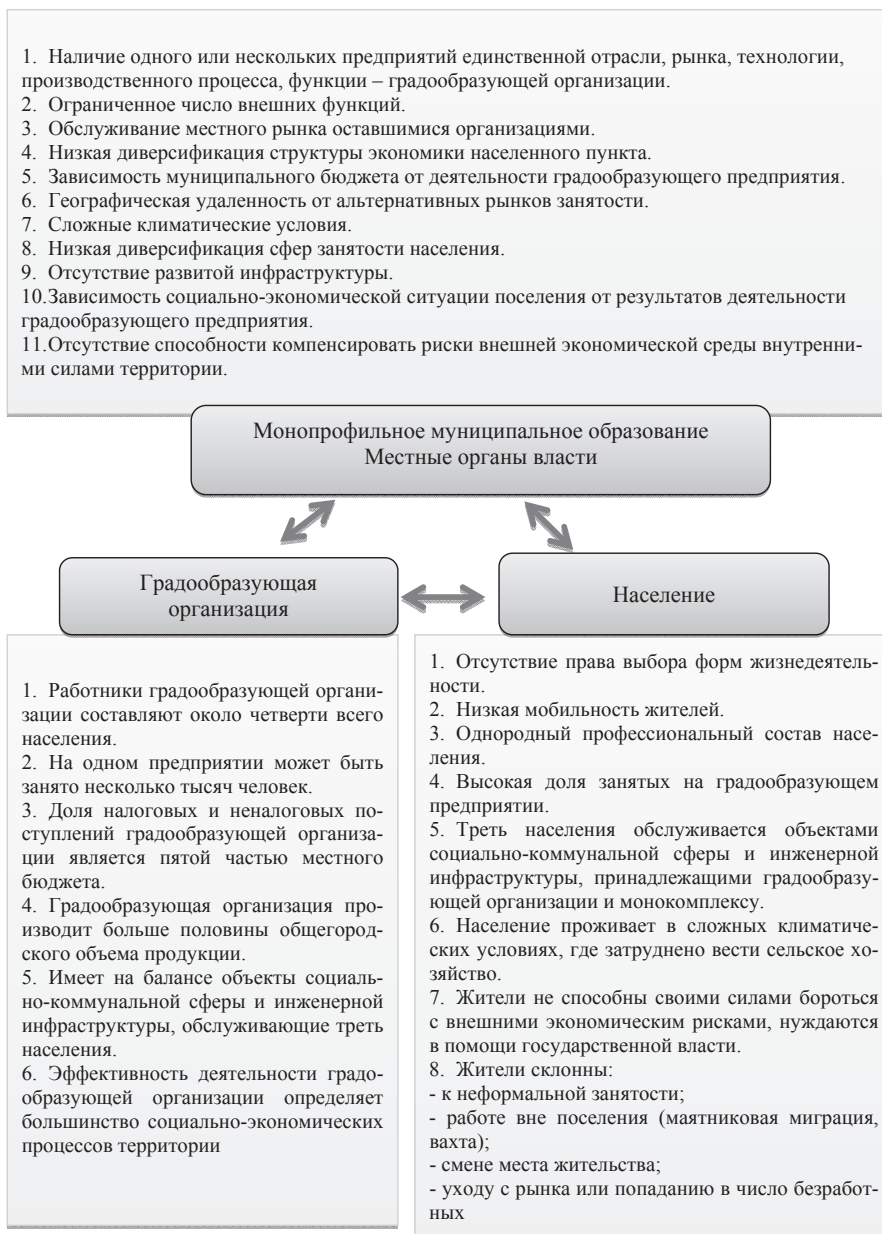
государственную поддержку при определенных действиях муниципальных властей.

Проведенный анализ критериев монопрофильности позволил идентифицировать основные признаки субъектов монопрофильного муниципального образования: градообразующей организации, населения, муниципалитета (см. рисунок).

Обсуждение

Значительное изменение по последним официальным признакам претерпел критерий рынка труда, в силу введения учета ретроспективных (численность работников в период последних 5 лет) и перспективных данных (планируемое высвобождение работников градообразующей организации), а также расчета показателя от численности занятых, а не от всей рабочей силы муниципального образования. Конкретизирован статус поселения и его численность, что предполагает возложение ответственности на субъекты РФ за схожие проблемы малых населенных пунктов (менее 3000 чел).

Критерии 2014 г. претерпели значительные положительные изменения по сравнению с предыдущими, однако, все еще не позволяют дать комплексную оценку социально-экономической ситуации территории. Положительным моментом стал анализ

Признаки монопрофильного муниципального образования, градообразующей организации, населения моногорода

прошлого и прогнозирование будущего состояния монопрофильного муниципального образования, вследствие чего возникает вопрос о корректности данных, которые предоставляют собственники градообразующих организаций о планируемом сокращении персонала. Фактическое состояние экономики муниципалитета сложно оценить по применяемой методике.

Конкретные количественные показатели создают сложность при включении муниципальных образований, параметры которых почти достигают нужных значений. Необходима корректировка методики с целью гибкости значений критериев, зависящих от распределения показателей для общей совокупности анализируемых городов и поселков [12].

В очередной раз четко определена специализация градообразующих организаций: добыча полезных ископаемых (за исключением нефти и газа), производство, переработка промышленной продукции. Тем не менее в России достаточно поселений, которые остаются зависимыми от доминирующего предприятия или какой-либо городской функции, например, транспортные центры, военные городки, нефтегазовые поселения и др. Возможно, сегодня они не нуждаются в поддержке, однако если не держать ситуацию на государственном контроле на таких особых территориях, то в будущем возможно получить их застойное или кризисное экономическое состояние, которое непременно выльется в острую социальную проблему, напоминающую ситуацию в г. Пикалево.

Уровень безработицы рассчитывается по данным Федеральной службы по труду и занятости, где безработным признается человек, «стоящий на учете» в местном Центре занятости населения, что говорит о существенном занижении данного показателя. Для моногородов более приемлема методология Международной организации труда, в соответствии с которой учитываются и граждане, работающие вахтовым методом (особо характерно для моногородов «красной зоны»), в теневом секторе экономики, в соседнем населенном пункте (трудовая маятниковая миграция), а также задействованные в сезонных работах или «отходничестве». Занижение уровня безработицы свойственно в особенности для моногородов, расположенных неподалеку (до 100 км.) от крупных городских центров или территорий, с возможностью альтернативного трудоустройства.

В соответствии с распределением моногородов по рисковым зонам, основной задачей муниципальных властей первых двух категорий станет получение государственной поддержки, однако дальнейший переход в категорию выше уменьшит финансирование из вышестоящих бюджетов, следовательно, цели федеральных органов власти могут не совпадать с настоящими целями представителей муниципалитетов [2].

Исследования монопрофильных муниципальных образований разных групп ученых указывают на необходимость учета всех важных критериев в комплексе, однако анализ официальных критериев монопрофильности свидетельствует об обратном: критерии отменялись или вводились в соответствии с действующими нормативно-правовыми документами, использовались в разных соотношениях и группировках между собой, изменялись их значения и варианты расчета.

В настоящих критериях отсутствует оценка уровня диверсификации структуры экономики или монопрофильности муниципального образования, степени зависимости муниципалитета от функционирования градообразующей организации. На необходимость применения этих критериев указывают исследовательские коллективы НМЦ «Города России», Экспертного института, и большинство ученых в своих работах, посвященных изучению моногородов России (В. Я. Любовный и Г. П. Лузин [8], И. Д. Тургель [21], Н. С. Ивашина и Н. А. Улякина [5], А. Н. Маслова [11], С. Н. Растворцева и И. В. Манаева [18], М. О. Гладких [2] и др.). И. Д. Тургель в качестве одной из характеристик взаимосвязи поселения и градообразующего предприятия выделяет: «оно имеет на своем балансе объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры, обслуживающей не менее 30 % населения города» [21]. Наряду с количественными критериями ученые выделяют не менее важные качественные [5] (дополнительные [18]): удаленность поселения от крупных населенных пунктов, отсутствие развитой инфраструктуры, особые климатические условия, сложные для проживания и ведения хозяйства.

Следует раскрыть понятие монопрофильного муниципального образования через обобщенное определение в законе с помощью разнообразных критериев/признаков, охватывающих все категории и виды моногородов, нуждающихся в особом статусе, государственном контроле, поддержке и постоянном мониторинге. В силу чего, встает вопрос об уточнении категории «градообразующая организация».

Большинство градообразующих предприятий сегодня утратили свою первоначальную миссию — «связанное с возникновением и развитием города» [4]. Значительная часть организаций обанкротилась в 1990-х гг., часть — подверглась процедурам слияния, поглощения, реструктуризации. На смену советского руководства пришли собственники, для которых существовала одна цель — успеть за высоко динамичной рыночной экономикой, в силу чего необходимо было масштабировать производство, объединять усилия и сотрудничать с конкурентами, искать иные пути выживания самостоятельно, без государственной помощи. Вследствие чего появились новые формы интеграции бизнеса: транснациональные корпорации, финансово-промышленные группы, холдинги, акционерные общества, которые присутствуют сегодня в большинстве моногородов,

а промышленные «гиганты» — лишь в малой доле крупного бизнеса. Выявлено, что 57 монопрофильных муниципальных образований (18 %) имеют не единственное градообразующее предприятие, а несколько (от двух до 10). Автор считает целесообразным рассматривать отдельно выявленную категорию моногородов из-за разных тенденций в развитии и необходимости применения других инструментов диверсификации экономики в отличие от моногородов с одним градообразующим предприятием. На основе чего для дальнейшего исследования предлагается ввести термин «*градообразующий отраслевой кластер*» и рассматривать его как «совокупность организаций, относящихся к одному виду экономической деятельности (отрасли, промышленности, функции), одной компании, либо функционирующих в рамках единой производственно-технологической цепи, или обслуживающих один рынок, оказывающих непосредственное влияние на рынок труда, муниципальный бюджет, качество и уровень жизни населения определенной территории».

Кроме этого, рассматривать *монопрофильное муниципальное образование (моногород)* как муниципальное образование, имеющее на своей территории или близ нее единственное градообразующее предприятие или градообразующий отраслевой кластер, от результатов деятельности которых прямо зависит социально-экономическая ситуация в городе или поселке, в том числе рынок труда, местный бюджет и благополучие (уровень и качество жизни) населения.

Заключение

Причиной расхождения количества моногородов в период 1999—2014 гг. являются несоответствия терминов и критериев «моногорода» с «градообразующим предприятием». Жесткие количественные критерии исключают из списка проблемные территории, «почти» попадающие в установленный интервал. В действующих критериях отсутствует какая-либо оценка уровня диверсификации/монопрофильности территории. Происходит занижение фактического уровня безработицы, так как методика центров занятости населения не учитывает трудовую маятниковую миграцию, что является основным признаком населения моногорода.

Проанализировав мнения различных авторов и законодательно-правовую базу РФ в части критериев отнесения поселений к монопрофильным, прослеживается достаточно неоднозначная и спорная ситуация,

которая свидетельствует о необходимости совершенствования методики, в том числе дополнения некоторыми критериями (возможно качественными), расширения классификации моногородов, пересмотр жестких количественных критериев.

Анализ основных составляющих градообразующего предприятия и моногорода со сторон научных исследований и законодательства позволил идентифицировать их общие признаки. Предлагается подходить к составлению перечня не только с помощью конкретных количественных показателей, но и учитывать качественные показатели — основные признаки моногородов, градообразующей организации и характеристику населения проблемной территории.

Инструменты государственной поддержки моногородов представлены в достаточно широком перечне, однако, некоторые из них определяют право использования лишь моногородам определенной категории. Для 319 монопоселений единственная классификация, представленная лишь 3 категориями недостаточна, поскольку специфические проблемы территорий решаются только при использовании правильно подобранных инструментов.

Дальнейшими направлениями исследования станут: во-первых, формирование новых классификационных признаков моногородов на основе баланса качественных и количественных показателей, во-вторых, выявление тенденций развития и формирование инструментария для моногородов с градообразующим отраслевым кластером.

1. Абдурахимов Ю. В. Условия и перспективы развития малых моногородов Урала // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 65—72.

2. Гладких М. О. Стратегические направления социально-экономического развития монопрофильных административно-территориальных образований — инновационно-технологических центров : дис. ... канд. экон. наук. Воронеж, 2014. 205 с.

3. Грицких Н. В. Агломерационный процесс в монопрофильных муниципальных образованиях как фактор развития градообразующих предприятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18 (156). С. 130—138.

4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: https://www.efremova.info/word/gradoobrazujuschij.html#.Wt95S_gY5BQ (дата обращения: 24.04.2018).

5. Ивашина Н. С., Улякина Н. А. Развитие монопрофильных городов регионов России // ИнВестРегион. 2012. № 1. URL: <http://www.v-itc.ru/investregion/2012/01/pdf/2012-01-10.pdf> (дата обращения: 11.07.2016).

6. Коготов В. В. Классификация системообразующих предприятий // *Финансы и кредит*. 2012. № 9 (489). С. 72—78.

7. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / под науч. ред. А. И. Татаркина. Екатеринбург : Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.

8. Любовный В. Я. Города России: альтернативы развития и управления. М. : Экон-информ, 2013. 614 с.

9. Маслова А. Н. Моногорода в России: проблемы и решения // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование. 2011. Т. 4, № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/monogoroda-v-rossii-problemy-i-resheniya> (дата обращения: 06.10.2017).

10. Маслова А. Н. Особенности включения градообразующих предприятий России в глобальный экономический обмен // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 1. С. 30—34.

11. Маслова, А. Н. Экономическая база монопромышленных городов: особенности, конкурентоспособность, потенциал // Актуальные вопросы современной науки : сб. науч. тр. М. : Спутник+, 2008. С. 160—164.

12. Микрюков Н. Ю. Факторы, проблемы и модели развития моногородов России : дис. ... канд. географ. наук. М., 2015. 163 с.

13. Моногорода России: как пережить кризис? М. : Ин-т регион. политики, 2008. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-229951.html#5851728> (дата обращения: 05.04.2017).

14. Монопрофильные города и градообразующие предприятия: база данных о градообразующих предприятиях и моногородах России / под ред. И. В. Липсица. М. : Хроникер, 2000. 312 с.

15. Неклюдова Т. А. Социально-экономическая инфраструктура как условие взаимодействия системы «город-градообразующее предприятие» // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. Т. 8. № 1. С. 56—58.

16. Полякова А. Г., Ряховская А. Г. Модернизация российских моногородов: стратегические ориентиры институционального реформирования // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2016. № 4 (97). С. 54—65.

17. Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России / под ред. Г. Ю. Кузнецова. М. : Моск. общ.-науч. фонд, 2004. 217 с.

18. Растворцева С. Н., Манаева И. В. Социально-экономическое развитие моногородов Центрально-Черноземного района России: проблемы и пути решения : монография. М. : Экон-информ, 2013. 140 с.

19. Смирнова О. А. Влияние моногородов на социально-экономическую ситуацию региона (на примере Ивановской области) // Современные наукоемкие технологии. 2009. № 4. С. 59—63.

20. Сулакшин С. С. Национальная идея России. Т. 5. М. : Научный эксперт, 2012. 704 с.

21. Тургель И. Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию : монография. М. : Директ-Медиа, 2014. 765 с.

2. Gladkih M.O. Strategicheskie napravlenija social'no-jekonomicheskogo razvitija monoprofil'nyh administrativno-territorial'nyh obrazovanij — innovacionno-tehnologicheskikh centrov. Voronezh, 2014, 205 p. [in Rus].

3. Grickih N.V. (2009) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 18 (156), pp. 130—138 [in Rus].

4. Efremova T. F. (2000) *Novyj slovar' russkogo jazyka: tolkovo-slovoobrazovatel'nyj*. Available at: https://www.efremova.info/world/gradoobrazujuschij.html#_Wt95S_gY5BQ, accessed 24.04.2018 [in Rus].

5. Ivashina N.S. (2012) *InVestRegion*, no. 1. Available at: <http://www.v-itc.ru/investregion/2012/01/pdf/2012-01-10.pdf>, accessed 11.07.2018 [in Rus].

6. Kogotov V.V. (2012) *Finansy i kredit*, no. 9 (489), pp. 72—78 [in Rus].

7. Tatarkin A. I. (ed.) (2010) *Konceptual'nye podhody k razrabotke strategii razvitija monoprofil'nogo goroda*. Ekaterinburg, Izdatelstvo UrGJeU Publ., 81 p. [in Rus].

8. Ljubovnyj V.Ja. (2013) *Goroda Rossii: al'ternativy razvitija i upravlenija*. Moscow, Jekon Publ., 614 p. [in Rus].

9. Maslova A.N. (2011) *Problemyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* vol. 4, no. 5. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/monogoroda-v-rossii-problemy-i-resheniya>, accessed 06.10.2018 [in Rus].

10. Maslova A.N. (2009) *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki*, no. 1, pp. 30—34 [in Rus].

11. Maslova, A.N. (2008) *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki*. Moscow, Sputnik+ Publ., pp. 160—164 [in Rus].

12. Mikrjukov N.Ju. *Faktory, problemy i modeli razvitija monogorodov Rossii*. Moscow. 2015, 163 p. [in Rus].

13. Monogoroda Rossii: kak perezhit' krizis? (2008). Moscow, Institut regional'noj politiki. Available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-229951.html#5851728>, accessed 05.04.2018.

14. Lipsic I. V. (2000) *Monoprofil'nye goroda i gradoobrazujushhie predpriyatija: baza dannyh o gradoobrazujushhij predpriyatijah i monogorodah Rossii*. Moscow, Hroniker Publ., 312 p. [in Rus].

15. Nekljudova T.A. (2005) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 1, no. 1, pp. 56—58. [in Rus].

16. Poljakova A.G., Rjahovskaja A.G. (2016) *Strategicheskie reshenija i risk-menedzhment*, no. 4 (97), pp. 54—65. [in Rus].

17. Kuznecov G.Ju. (2004) *Puti aktivizacii social'no-jekonomicheskogo razvitija monoprofil'nyh gorodov Rossii*. Moscow, Moskovskij obshhestvenno-nauchnyj fond Publ., 217 p. [in Rus].

18. Rastvorceva S.N., Manaeva I.V. (2013) *Social'no-jekonomicheskoe razvitie monogorodov Central'no-Chernozemnogo rajona Rossii: problemy i puti reshenija*. Moscow, Jekon-inform Publ., 140 p. [in Rus].

19. Smirnova O.A. (2009) *Sovremennye naukoemkie tehnologii*, no. 4, pp. 59—63. [in Rus].

20. Sulakshin S. S. (2012) *Nauchnyj ekspert*, vol. 5, 704 p. [in Rus].

21. Turgel' I.D. (2014) *Monofunkcional'nye goroda Rossii: ot vyzhivaniya k ustojchivomu razvitiju*. Moscow, Direkt-Media Publ., 765 p. [in Rus].

References

1. Abdurahimov Ju. (2018) *V. Socium i vlast'*, no. 1 (69), pp. 65—72 [in Rus].

For citing: Kulay S.V.
Analyzing criteria for classifying municipalities
as single-industry (single-industry cities) //
Socium i vlast' 2019. № 3 (77). P. 50—62.

UDC 332.13: 911.37

ANALYZING CRITERIA FOR CLASSIFYING MUNICIPALITIES AS SINGLE-INDUSTRY (SINGLE-INDUSTRY CITIES)

Svetlana V. Kulay,

Branch of the Kuzbass State Technical
University named after T.F. Gorbachev
in Prokopyevsk,
Senior Lecturer of the Department Chair
of Natural Sciences and Economic Disciplines.
The Russian Federation,
653033, Prokopyevsk, ulitsa Nogradskaya, 19a.
E-mail: osv-07@mail.ru

Abstract

Introduction. During Soviet times, the policy of accelerated industrialization and the productive forces territorial distribution formed a special legacy for the Russian Federation - highly specialized cities throughout the country - single-industry cities. The legal framework lacks the terms «mono-city» and «city-forming organization»; only the criteria for their attribution are defined. The developed toolkit of state support is intended only for the territories that are in the list of 319 mono-cities of the Russian Federation Government, however, the research includes up to 500 mono-settlements. The aim of the article is to analyze the criteria for classifying municipalities as mono-profile in order

to identify the main features of a single-industry company and a city-forming enterprise, as well as clarifying the conceptual framework of these categories.

Methods: Analysis and synthesis, comparison and generalization, systematization, interpretation, induction.

Scientific novelty of the research: The author compiled periodization of using criteria for classifying municipalities as mono-profile, and organizations as city-forming. Signs of company cities, city-forming organizations, population of a mono-city were identified. The author's definition of such terms as «city-forming industry cluster» and «single-industry municipality (single-industry city)» is proposed.

Results: The shortcomings of the existing criteria for classifying municipalities as mono-specialized are identified. A special category of single-industry cities (18 %) has been identified, those having a city-forming industry cluster.

Conclusions: Due to the existing quantitative criteria, some territories do not fall into the list of single-industry cities, while having all the signs, therefore, cannot use the tools of state support for single-industry cities. It is necessary to form new classification signs of mono-cities based on the balance of qualitative and quantitative indicators, as well as to identify development trends and form tools for mono-cities with a city-forming industry cluster.

Key concepts:

single-industry city
single-industry municipality,
city-forming organization
single-industry criteria,
city-forming industry cluster.

Для цитирования: Морошкина М. В.,
Мурашкина Л. В.
Социальное предпринимательство —
форма экономической активности //
Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 63—75.

УДК 334.7

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО — ФОРМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ¹

Морошкина Марина Валерьевна,
Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр
Российской академии наук»,
Институт экономики,
Петрозаводский государственный университет,
Институт экономики и права,
кандидат экономических наук,
научный сотрудник, доцент.
Российская Федерация,
185030, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50.
E-mail: maribel74@mail.ru

Мурашкина Лидия Викторовна,
Петрозаводский государственный университет,
Институт экономики и права,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация,
185011, г. Петрозаводск, ул. Ломоносова, д. 65.
E-mail: l.v.murashkina@mail.ru

Аннотация

Введение Социальное предпринимательство является одной из активно развивающихся форм предпринимательской деятельности. Основной целью предприятий социальной направленности является повышение уровня благосостояния и качества жизни населения в результате решения социальных проблем. Деятельность социально ориентированных предприятий позволяет решать ряд социальных и экономических проблем, которые не способны решать другие сектора экономики: ни государственный, ни предпринимательский. Специализация деятельности социальных предприятий затрагивает большое количество направлений хозяйственной деятельности и в основном касается сфер: здравоохранение, культура, образование, удовлетворение иных социальных потребностей населения.

Цель. Проанализировать развитие социального предпринимательства. Поставленная цель решает несколько важных задач, основанных на исследовании подходов и методик изучения социального направления предпринимательской деятельности.

Методы. В рамках исследования использовались методы сопоставления и систематизации, позволяющие получить информацию о развитии социального предпринимательства в Российской Федерации и в мировом сообществе. Анализ нормативных и законодательных документов определил необходимые вопросы, требующие рассмотрения и формализации.

Научная новизна исследования. Проведенный в исследовании анализ формирования понятия социального предпринимательства в историческом разрезе позволяет определить форматы развития понятийного аппарата. Рассмотрение законодательных и нормативных аспектов позволяет проанализировать недостатки и преимущества существующего законодательства в данном направлении.

Результаты. Одним из основных результатов исследования является определение основных положений развития социального предпринимательства в экономическом и законодательном аспекте.

Выводы в современных условиях социальное предпринимательство, рассматриваемое как вектор социально-экономического развития территории, как производственная, социальная деятельность, не имеет однозначного подхода и понятийного аппарата. Сложившаяся ситуация является серьезной проблемой для развития социальной деятельности, решение которой позволит развивать данное направление в дальнейшем.

Ключевые понятия:

социальное предпринимательство,
социально-ориентированные
некоммерческие организации,
Федеральный закон
«О некоммерческих организациях»,
коммерческие организации,
Стратегия развития малого
и среднего предпринимательства.

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания по теме «Выявление синергетических закономерностей региональных социо-эколого-экономических систем и моделирование динамических процессов устойчивого развития в многокомпонентных системах различной природы».

Введение

Увеличивающаяся включенность и роль России в мировой социально-экономической интеграции особым образом актуализирует социальное предпринимательство как особый вид предпринимательской активности, направленной на решение и смягчение социальных проблем общества. Принципиально социальные предприниматели не заменяют государственные социальные институты, они, используя инновационные подходы и методы на условиях самокупаемости, решают или смягчают социальные проблемы, которые государство качественно решить не может. Тем самым они, предлагая на рынок социально ориентированные новые товары и услуги, обеспечивают рост качества жизни наименее социально защищенных граждан общества в целом.

Феномен социального предпринимательства, утвердившийся в конце прошлого века, продолжает привлекать активное и возрастающее внимание ученых, практиков, государственных деятелей разных стран. Формирование подходов и методических разработок к пониманию процесса становления и функционирования социального предпринимательства в рамках современных условий находится в стадии формирования. Исследование существующих разработок, научной литературы, периодических, интернет изданий и ряда других источников свидетельствует о недостаточной системной проработанности вопросов, связанных с определением самого понятия и оценкой деятельности субъектов социального предпринимательства. С одной стороны, востребованность и актуализация развития социального предпринимательства возрастает во всех странах, с другой стороны, дуализм самого феномена социального предпринимательства и невозможность однозначно оценить социальную составляющую эффективности деятельности социальных предпринимателей, формирует объективные сложности в концептуальном определении и институализации социального предпринимательства [4].

Социальное предпринимательство в России развивается в отсутствие понятийного и методологического аппарата, закрепленной законодательно практике сертификации социального предпринимательства, и как следствие, без систематизированной и эффективной государственной поддержки. Отсутствие необходимой правовой базы — важная проблема, тормозящая разви-

тие социального предпринимательства в стране.

Целью исследования является анализ развития и распространения социального предпринимательства. Объектом исследования является социальное предпринимательство как форма предпринимательской активности. В рамках исследования планируется проанализировать значение и вклад предприятий социального предпринимательства в процесс территориального развития.

Методы и материалы

Примеры использования бизнес-инструментов в решении социальных проблем можно найти в разных странах на протяжении всей истории мирового сообщества (орден францисканцев в XIII веке или дома трудолюбия отца Иоанна Кронштадтского) [1]. Бурное развитие идеи, потом концепции социального предпринимательства в 80—90 гг. прошлого столетия объясняется следующими факторами:

- 1) увеличение исследований о роли человеческого капитала в обеспечении устойчивого социально-экономического роста,
- 2) рост уровня образования населения
- 3) рост качества жизни и уровня благосостояния населения,
- 4) активизация экологических, правозащитных движений, которые формировали идеологический аспект понимания необходимости решения социальных проблем в контексте специфики особенности отдельных стран и территорий.

Развитие новых средств коммуникации и существенное уменьшение информационных, языковых, пространственных барьеров обеспечило качественное изменение уровня информированности общества о глубине и остроте этих проблем, а также о невысокой эффективности, а чаще неспособности существующих институтов — государственных и частных (некоммерческих организаций) решать эти проблемы.

В исследованиях ученых 1970—1980 гг. социальное предпринимательство рассматривалось как инструмент обеспечения финансовой устойчивости и возможности развития некоммерческих структур в решении их целевых и социальных по сути задач. Безусловно, это было связано с активным ростом (прежде всего в США) социально ориентированных некоммерческих организаций, которые для выполнения своих со-

циальных функций вынуждены были искать альтернативные способы финансирования. К концу 1990-х гг. в США сформировался, так называемый «третий сектор» экономики — гражданский, наряду с частным и государственным [3].

Устойчивая тенденция в развитии социального предпринимательства как элемента и источника финансирования некоммерческой деятельности, в 1990-е гг. пополнилась концептуальными изменениями в развитии коммерческого сектора. Устойчивое развитие, формирование долгосрочных конкурентных преимуществ коммерческих организаций стало невозможно без включения в миссию социально ориентированных целевых установок [8]. Спрос на создаваемые бизнесом блага все в большей степени стал определяться не только экономическими потребностями, но и социальными потребностями общества. К началу XXI в. в экономической теории концепция устойчивого развития неразрывно связана с социальной и экологической ответственностью бизнеса [15]. Корпоративная социальная ответственность бизнеса стала рассматриваться не как обязательство, затраты организации, вмененные государством как условие функционирования бизнес-структуры, не как инструмент формирования определенных репутационных выгод (благотворительность), а как к источнику инноваций, обеспечивающих устойчивое развитие экономики¹ [13].

Авторы работы «Капитализм для всех» М. Портер и С. Крамер [16] однозначно увязывают «устойчивое развитие», «корпоративную социальную ответственность» и «разделяемые (общие) ценности» успешных коммерческих организаций.

Концепция инклюзивных бизнес-моделей, используемая в Программах развития ООН, предполагает разнообразные схемы включения нуждающихся в социальной поддержке групп населения в цепочки создания ценности на разных этапах процесса. Это могут быть модели, где благополучатель находится в конце цепочки процесса создания ценности в качестве потребителя, формирующего запрос на создание социально ориентированного продукта. Также благополучатель может располагаться в середине и начале цепочки, формируя предложение социально ориентированных благ, выступая как предприниматель или сотрудник².

¹ О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию : Указ Президента Российской Федерации № 440 от 1 апреля 1996 г.

² Участие бизнеса в решении проблем бизнеса : доклад ООН. 2010 // Региональное бюро ПРООН по Европе и СНГ. URL: http://www.growinginclusivemarkets.org/media/report/ES_rbecreport_RU.pdf (дата обращения: 25.12.2018).

В XXI в. феномен социального предпринимательства продолжает активно развиваться. Научные исследования и концептуализация социального предпринимательства, сформировавшись в 90-е гг. XX в. (прежде всего в США), сегодня охватывают практически весь мир, существенно различаясь в масштабах и отражая исторические, национальные и региональные особенности [6].

Базовой причиной сложности исследования социального предпринимательства является отсутствие однозначного подхода ученых и практиков в определении понятия «социальное предпринимательство». Изначально социальное предпринимательство и развивалось и определялось как особый вид деятельности, принципиально отличающийся от коммерческого предпринимательства своими целевыми установками. Обобщая такую трактовку понимания сути социального предпринимательства Дж. Остин, Г. Стивенсон и Дж. Вей-Скилерн отмечают, что цель социального предпринимательства «создание социальной ценности для общества, в то время как коммерческое предпринимательство направлено на поддержание прибыльных операций в личных целях» [12].

П. Друкер, опираясь на известное определение Ж. Б. Сэя: «Предприниматель — это тот, кто умеет изменять производительность ограниченных экономических ресурсов, кто перемещает экономические ресурсы из области меньшей продуктивности в область большей продуктивности и дохода» [10], определил особенность социального предпринимательства в умении изменять производительность всего общества.

Развитие социального предпринимательства, как вида хозяйственной деятельности, рассматривали многие экономисты и социологи, однако впервые определение социального предпринимательства было использовано в 1991 г. [12]. Анализ научных работ по предпринимательству показывает, что хотя понятие социального предпринимательства и является новым, однако такое явление в экономике встречается достаточно давно. Как показывают исследования тенденций развития предпринимательского сектора экономики в период конца XX в., наблюдается рост предпринимательских инициатив социальной направленности. В рамках исследовательской работы [5] О. Б. Пономарева и С. Г. Светунокова приходят к выводу о том, что, работая в предпринимательском секторе, бизнесмен

[growinginclusivemarkets.org/media/report/ES_rbecreport_RU.pdf](http://www.growinginclusivemarkets.org/media/report/ES_rbecreport_RU.pdf) (дата обращения: 25.12.2018).

проходит определенные этапы становления, в том числе и социальной ответственности. Проявление подобных этапов позволяет предпринимателю более структурировано подходить к становлению и функционированию своего бизнеса.

В 2006 г. Нобелевская премия мира была вручена профессору М. Юнусу из Бангладеш, основателю микрокредитной организации Grameen Bank, инвестировавшей в стартапы социальных предпринимателей в Азии, Латинской Америке и Африки. Высокая мировая оценка деятельности, способной изменить общество, стала мощным толчком к развитию социального предпринимательства во всем мире, в том числе в направлении институционализации социального предпринимательства.

В результате обобщения вышеизложенного можно выделить этапы возникновения и становления социального предпринимательства и понятийного аппарата (табл. 1).

Результаты

Использование некоммерческими организациями инновационных бизнес-подходов с целью получения дохода и реинвестирования его на операционные расходы или развития социально-ориентированной деятельности является базовым критерием

для выделения среди некоммерческих организаций социально-ориентированных НКО, по сути как субъектов социального предпринимательства.

В российском законодательстве понятие социально-ориентированных некоммерческих организаций определено внесением в 2014 г. изменений в № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». В соответствии ст. 1 № 136-ФЗ «Социально ориентированными некоммерческими организациями признаются некоммерческие организации, созданные в предусмотренных настоящим Федеральным законом формах (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями) и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 27.05.2014 № 136-ФЗ).

Предложенные в законе виды деятельности могут быть сгруппированы в три направления (см. рисунок).

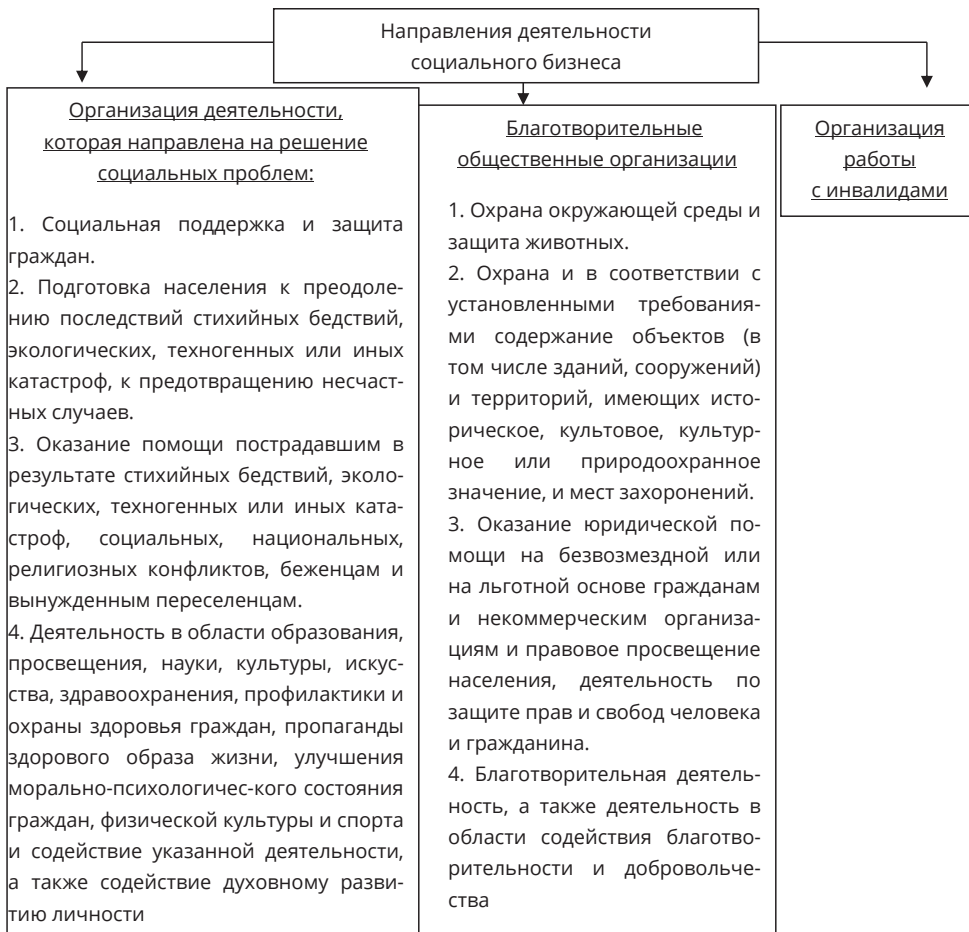
Социальное предпринимательство не может активно развиваться без участия административного ресурса: государственной и муниципальной власти. Подобная поддержка необходима социальному бизнесу в регионах и территориях, обеспечивая

Таблица 1

Этапы становления социального предпринимательства*

Авторы теории, понятий	Период возникновения	Основные направления
Орден францисканцев	XIII в.	Введение начального понятия «социальный предприниматель»
Лоренц фон Штейн [7]	40-е гг. XIX в.	Введено понятие «социальное движение», которое является основной развития теории «социальное государство»
Ученые-исследователи	1970—1980 гг.	Социальное предпринимательство как инструмент финансовой устойчивости и разнообразия коммерческих структур
Г. Диз — директор центра развития социального предпринимательства [10]	1990	Социальное предпринимательство «подошло» к современной эпохе и получило популярность
Исследовательское направление	Начало XXI века	Формирование направления корпоративного социально ответственного бизнеса
М. Поттер, С. Крамер [13]		Формирование связи между понятиями «устойчивое развитие» и корпоративная и социальная ответственность»
Дж. Остин, Т. Стивенсон [14]		Социальное предпринимательство как особый вид деятельности отличный от коммерческого предпринимательства целевыми установками.
П. Друкер [9]		Особенность социального предпринимательства в умении изменять производство всего общества

* Составлена авторами.

*Направления производственной деятельности социального предпринимательства**

* Составлен авторами.

развития данного направления предпринимательской деятельности. Органы власти являются инструментом, способствующим развитию социальных инициатив.

Исследование статистических данных позволит определить какое из представленных направлений представлено в более широком масштабе (см. табл. 2).

В результате проведенного анализа по основным направлениям социально-ориентированных некоммерческих организаций можно заметить что основной формат деятельности направлен на деятельность, позволяющую решать социальные проблемы.

Функционирование социально-ориентированных некоммерческих организаций осуществляется и на основании разнообразных направлений поддержки. В рамках Федерального закона от 27.05.2014 № 136-ФЗ

обозначены различные формы и методы поддержки социально ориентированным некоммерческим организаций, которые могут изменяться в зависимости от уровня развития и специализации хозяйственной деятельности. В результате могут быть выделены основные направления возможных мер и мероприятий поддержки (см. табл. 3).

Обозначенные в ред. Федерального закона от 27.05.2014 № 136-ФЗ направления иллюстрируют ограниченность предпринимательской составляющей деятельности социальных предпринимателей, функционирующих в форме социально ориентированных некоммерческих организаций. В рамках действующего закона НКО могут осуществлять доходную деятельность, но полученную прибыль они должны реинвестировать в заявленную в учредительных

Таблица 2

Распределение социально ориентированных некоммерческих организаций по видам деятельности за 2017 год*

Направления	Виды деятельности	Количество организаций
	Всего 142 641	
Организация деятельности, которая направлена на решение социальных проблем	профилактика социально сиротства, поддержка материнства и детства	4454
	повышение качества жизни людей пожилого возраста	6003
	другие виды социальной поддержки и защиты граждан	17 648
	подготовка населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций	2156
	оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф	2620
	профилактика социально опасных форм поведения граждан, содействие такой деятельности	3337
	деятельность в области образования, просвещения, науки, содействие такой деятельности	27 331
	деятельность в области культуры и искусства, содействие такой деятельности	14 702
	деятельность в области здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, содействие такой деятельности	13 894
	содействие патриотическому, духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи	18 069
	деятельность в области улучшения морально-психологического состояния граждан и духовного развития личности	13 106
	деятельность в области физической культуры и спорта, содействие такой деятельности	29 752
	развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защита самобытности, культуры, языка и традиций народов Российской Федерации	9090
	поддержка общественно значимых молодежных инициатив, проектов, детского и молодежного движения, детских и молодежных организаций	6954
	содействие деятельности по производству и (или) распространению социальной рекламы	1098
	антикоррупционная деятельность, включая содействие формирования в обществе активного неприятия коррупции	3044
	проведение поисковой работы, направленной на выявление неизвестных воинских захоронений и непогребённых останков защитников Отечества, установление имён погибших и пропавших без вести при защите Отечества	1143
	социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов	675
	мероприятия по медицинской реабилитации и социальной реабилитации, социальной и трудовой реинтеграции лиц, осуществляющих незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ	701
	содействие повышению мобильности трудовых ресурсов	565
увечивание памяти жертв политических репрессий	1409	
иные виды деятельности	39 466	
Всего по направлению	217 217	

Окончание табл. 2

Направления	Виды деятельности	Количество организаций
Благотворительные общественные организации	охрана окружающей среды и защита животных	4930
	охрана и содержание объектов и территорий, имеющих историческое, культурное, культурное или природоохранное значение, и мест захоронений	1792
	оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе гражданам, правовое просвещение населения, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина	9098
	оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе некоммерческим организациям	3205
	благотворительная деятельность	15 914
	содействие благотворительной деятельности	9617
	деятельность в области добровольчества	9209
	участие в профилактике и (или) тушении пожаров и проведении аварийно-спасательных работ	752
	Всего по направлению	54 517
Организация работы с инвалидами	социальная адаптация инвалидов и их семей	6651
	оказание социальных услуг населению Российской Федерации в сферах деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций	25 129
		Всего по направлению

* Виды деятельности определены Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Одна организация может осуществлять один или несколько видов деятельности.

Таблица 3

Основные направления возможных мер и мероприятий поддержки*

Мероприятия поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций			
Общэкономические меры	Налоговые меры	Информационная поддержка	Материальная поддержка
Финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка, а также поддержка в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников и добровольцев социально ориентированных некоммерческих организаций	Предоставление социально ориентированным некоммерческим организациям льгот по уплате налогов и сборов в соответствии с законодательством о налогах и сборах	Размещение у социально ориентированных некоммерческих организаций заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд	Предоставление юридическим лицам, оказывающим социально ориентированным некоммерческим организациям материальную поддержку, льгот по уплате налогов и сборов в соответствии с законодательством о налогах и сборах» (в ред. Федерального закона от 27.05.2014 № 136-ФЗ)

* Составлена авторами.

документах социальную деятельность. В результате доходные направления рассматриваются как дополнительный источник финансирования наряду с формами государственной поддержки и материальной поддержкой юридических лиц, получающих от государства льготы и преференции. С одной стороны, широкий набор источников финансирования — собственные источники, в том числе от доходной деятельности, гранты, льготные займы, благотворительные взносы, льготы по налогообложению и поддержка государства в размещении заказов — способствует реализации социально ориентированной деятельности. С другой стороны, бюрократические преграды в закреплении статуса социально ориентированной НКО и получение господдержки на необходимый для реализации и функционированию предприятий социальных проектов занимает длительный срок. В итоге прямая зависимость от норм государственного регулирования, интересов частных инвесторов и пожертвователей, часто приводит к тому, что успешно стартовавший социальный проект закрывается.

В результате идея создания социального предприятия на основе коммерческой организации реализуется успешно и разнообразно: и по организационно-правовым формам, и по организационно-правовым моделям. Подобные организации являются коммерческими, однако их целевые установки, миссия должны быть задекларированы, как социально ориентированные. В соответствии с Гражданским кодексом РФ они могут быть созданы в различных формах предпринимательской активности: в форме индивидуального предпринимателя, хозяйственного товарищества (партнерства) или хозяйственного общества (общества с ограниченной ответственностью или акционерного общества).

В отличие от некоммерческих организаций, коммерческие организации могут осуществлять свою социально ориентированную деятельность, используя ограниченный набор источников финансирования — собственные средства участников, прибыль, полученную в результате осуществления предпринимательской деятельности, коммерческие кредиты, привлеченные инвестиции. Независимость функционирования предприятий от прямого влияния со стороны источников финансирования, ориентация в своем развитии исключительно на свои предпринимательские способности, компетенции в организации эффективных бизнес-процессов, обеспечивающих самокупаемость и устойчивое развитие бизнеса,

позволяет создавать таким формам социального предпринимательства высокие возможности в реализации долгосрочных социальных проектов.

Понятие «социальный предприниматель» имеет довольно размытый формат. В нашей стране правовое определение социального предпринимательства для коммерческих организаций формируется в рамках развития и поддержки малого и среднего предпринимательства, так как такие субъекты социального предпринимательства по своим характеристикам производственной деятельности могут быть отнесены к субъектам малого и среднего бизнеса.

Обсуждение

В соответствии со стратегическими документами развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р) и пункта 8 «дорожной карты» — плана реализации указанной стратегии по «Поддержке доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере» (утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 июня 2016 г. № 1044-р), Минэкономразвития России подготовил проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части закрепления понятия «социальное предпринимательство»)». Несмотря на объективную необходимость легитимации понятия «социальное предпринимательство», законопроект не рассмотрен Государственной думой уже четвертый год.

Анализируя текст законопроекта (в ред. 2016 г.), можно увидеть, что принципиальные дополнения предполагается внести в № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ». Статья 3 указанного закона дополняется пунктом 7, определяющим субъектов социального предпринимательства: «Субъекты социального предпринимательства — субъекты малого и среднего предпринимательства, осуществляющие социально значимую деятельность, направленную на обеспечение занятости граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, и (или) предоставление услуг исключительно гражданам пожилого возраста, несовершеннолетним гражданам, женщинам, имеющим детей в возрасте до семи лет, гражданам, находя-

щимся в трудной жизненной ситуации; либо производство товаров, предназначенных исключительно для указанных групп граждан».

Формулировка пункта 7 не позволяет сформировать понятие социально значимой деятельности и вызывает большое количество вопросов.

Во-первых, понятие «социально значимая деятельность субъектов социального предпринимательства» определяется в обеспечении занятости и (или) предоставлении услуг, производстве товаров для группы граждан — находящихся в трудной жизненной ситуации, пожилого возраста, несовершеннолетних, женщин с детьми до 7 лет. В данной трактовке определения наличие демографических признаков (наличие детей (и только у женщин), пожилой возраст (законодательно не установленный)) отнесены к социальным проблемам. Законодательно, а значит формально, не определен главный критерий — трудная жизненная ситуация. В ранее действовавшем законе о социальном обслуживании, под трудной жизненной ситуацией понимались обстоятельства, ухудшающие условия жизнедеятельности гражданина, которые он не может преодолеть самостоятельно. В действующем законе «Об основах социального обслуживания граждан в РФ» (№ 442-ФЗ, действует с 01.01.2015 г.) используется понятие «нуждаемость в социальном обслуживании», при этом нуждаемость должна быть признана уполномоченными органами. Осуществлять социальное обслуживание могут как коммерческие (в том числе индивидуальные предприниматели), так и некоммерческие организации, зарегистрированные на портале официальных поставщиков социальных услуг¹ [9].

Во-вторых, непонятно определение видов социально значимой деятельности. «Обеспечение занятости граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации» — что понимается под обеспечением занятости, кто и по каким критериям может подтвердить обеспеченность занятостью, для каких граждан — только российских граждан или мигранты также входят в их числе, ограничены ли условия занятости, в том числе по оплате? Отсутствие четко установ-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части закрепления понятия «социальное предпринимательство»): проект Федерального закона (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 09.08.2016). URL: (дата обращения: 21.08.2018).

ленных и измеряемых критериев сводит это определение к сложно или нереализуемому его применению к выделению социальных предпринимателей.

В-третьих, в качестве целевой группы благополучателей выделены группы граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, тем самым предприниматели, определяющие спектр своей деятельности в следующих направлениях: экологические проекты, утилизация отходов жизнедеятельности, исторические, культурные проекты, выпадают из разряда социальных предпринимателей. При этом в разряд социальных предпринимателей формально могут быть отнесены коммерческие организации, целевыми группами которых являются платежеспособные граждане из указанных в проекте категорий.

В-четвертых, в законопроекте предусматривается, что «конкретные условия отнесения субъектов МСП к субъектам МСП в области социального предпринимательства, порядок подтверждения соответствия таким условиям, а также порядок внесения сведений о субъектах социального предпринимательства в единый реестр субъектов МСП будут утверждены Правительством Российской Федерации». Когда и как это будет реализовано, не определено, что существенно ограничивает, если не сводит к нулю правоуставливающую ценность данного проекта.

В законопроекте предусмотрена поддержка субъектов МСП в области социального предпринимательства в виде:

- создания и развития специализированных организаций инфраструктуры поддержки субъектов социального предпринимательства;
- предоставления на льготных условиях помещений;
- создания банков франшиз;
- реализации образовательных мероприятий;
- организации доступа субъектов социального предпринимательства к осуществлению функций социального обслуживания граждан.

Для дополнительной имущественной поддержки изменениями в законе «О защите конкуренции» (№ 135-ФЗ от 26 июля 2006 г.) предполагается возможность заключать договора аренды государственного и муниципального имущества без проведения конкурсов и аукционов.

Предполагаемые изменения и дополнения в законодательстве по социальному предпринимательству кратко представлены в табл. 4.

**Предполагаемые изменения и дополнения
в законодательство по социальному предпринимательству***

Федеральный закон, постановление, распоряжение	Предлагаемые изменения / дополнения	Результат
Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-Р «Стратегия развития малого и среднего бизнеса в России до 2030 г.»	Введение понятия «социальное предпринимательство»	Законопроект не рассмотрен Государственной Думой уже четвертый год.
ФЗ № 209 (ст. 3, п. 7) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»	Введение понятия социально-значимая деятельность. Определение видов социально значимой деятельности	Порядок внесения сведений о субъектах социального предпринимательства в единый реестр субъектов МСП не реализован
ФЗ № 442 от 01 января 2015 г. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»	Введено понятие «нуждаемость в социальном обслуживании», которые должны быть признаны уполномоченными органами	Осуществлять социальное обслуживание могут организации, зарегистрированные на портале официальных поставщиков социальных услуг
ФЗ № 135 от 26 июля 2006 г. «О защите конкуренции»	Возможность заключать договора аренды государственного и муниципального имущества без проведения конкурсов и аукционов	Возможность заключать договора аренды государственного и муниципального имущества без проведения конкурсов и аукционов

* Составлена авторами.

Заключение

Подводя итог правовому определению социального предпринимательства в нашей стране, можно сделать вывод, что одной из серьезных проблем, тормозящих развитию социального предпринимательства как эффективного и необходимого инструмента развития социально ориентированного общества, является отсутствие ясной государственной концепции социального предпринимательства.

Социальное предпринимательство как сложное, системное, динамичное, социально-экономическое явление, развивающееся на стыке разных концепций, форм и несущее в себе ярко выраженные национальные особенности, не может быть определено легко и однозначно. В результате существует многообразие трактовок этого понятия в научной литературе, и сложности законодательного его закрепления.

Очевидно, что не всякая социально ориентированная деятельность некоммерческих организаций может быть определена как социальное предпринимательство, также как присутствие социальных ценностей в миссии коммерческой организации не делает ее по определению социальной.

Главное, что выделяют все исследователи феномена социального предпринимательства, — это наличие социальной

миссии: инновационный и предпринимательский подход к ее реализации, самоокупаемость, и финансовая самостоятельность. Социальное предпринимательство представляет особый вид предпринимательской деятельности, отличающийся от традиционного коммерческого предпринимательства целевыми установками, но схожего методологией и в тактическом и стратегическом аспектах.

Библиография российских исследований проблематики и анализа социального предпринимательства крайне немногочисленна. Прежде всего, следует отметить исследования специалистов Центра социального предпринимательства и социальных инноваций НИУ ВШЭ. В одном из первых своих опубликованных исследованиях авторы приводят наиболее цитируемое определение социального предпринимательства Г. Диза, выделившего принципиальные характеристики, определяющие сущность социального предпринимательства:

- «1. Принятие на себя миссии создания и поддержания социальной ценности (блага).
2. Выявление и использование новых возможностей для реализации выбранной миссии.
3. Осуществление непрерывного процесса инноваций, адаптации и обучения.

4. Решительность действий, не ограничиваемая располагаемыми ресурсами.
5. Высокая ответственность предпринимателя за результаты своей деятельности — как перед непосредственными клиентами, так и перед обществом» [9].

По результатам исследования Центра, большинство социальных предпринимателей считают, что социальное предпринимательство не должно финансироваться государством или благотворительными организациями. Одной из целей должно стать получение прибыли при помощи продажи товаров и услуг, рассматривая бюджетные и благотворительные источники как поддерживающие социальную направленность, особенно на этапе создания и становления организации. В рамках проводимого исследования социальными предпринимателями были выделены основные проблемы развития социального предпринимательства:

- нехватка финансирования;
- нехватка или отсутствие квалифицированных кадров;
- сложности выстраивания отношений и государством и обществом [17].

Выделенные проблемы несомненно являются значимыми и их решение необходимо для становления социального предпринимательства. Проблема, связанная со сложностями выстраивания отношений между государством и обществом, безусловно является системообразующей. Отсутствие четкой государственной концепции и поддерживающей концепцию законодательной базы, тормозит развитие социального предпринимательства. При этом, активная деятельность по созданию инфраструктуры поддержки социального предпринимательства представляемая Центрами инноваций социальной сферы (ЦИСС) при Минэкономразвитии, в том числе и региональные центры инноваций. Отсутствие нормативного и методологического сопровождения и критериев отнесения к субъектам социального предпринимательства, не позволяет разработать и реализовать региональные или муниципальные программы по поддержке субъектов социального предпринимательства, что приводит к несогласованным и неэффективным действиям государственных структур, в результате которых выделенные государственные средства поступают ненастоящим социальным предпринимателям, дискредитируя саму идею социального предпринимательства и демотивируя настоящих социальных предпринимателей.

Несмотря на все сложности, социальное предпринимательство существует и развивается в качестве самоорганизуемой силы, движимой предпринимателями готовыми и способными улучшить общество и условия жизни. Первым и сегодня самым значимым примером консолидации и поддержки социального предпринимательства является некоммерческая организация фонд региональных социальных программ «Наше будущее», созданная в 2007 г. В. Алекперовым, и позиционирующая себя, как организация системно развивающая социальное предпринимательство в России и призванная выступать в качестве катализатором социальных изменений в российском обществе. Фонд поддерживает и сертифицирует социальных предпринимателей вне зависимости от их организационно-правовой формы, оценивая, прежде всего, окупаемость реализуемых ими социальных проектов.

Формирование и развитие социального предпринимательства напрямую связано с государственной социальной политикой, одним из значимых направлений которой должна быть целенаправленная и системная деятельность на федеральном и региональных уровнях по поддержке развития социального предпринимательства.

До настоящего времени законодательно не определен статус социального предпринимателя, действующая инфраструктура поддержки не обеспечивает даже формирование институтов социального предпринимательства. Меры государственной поддержки распределяются среди субъектов малого и среднего предпринимательства без обоснованной адресной направленности.

Наряду с развитием институциональных форм государственной поддержки через субсидирование отдельных социально значимых направлений, необходимо обеспечивать активное использование инвестиционных моделей решения социальных проблем, что предполагает развитие частно-государственного партнерства, социального партнерства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, как и во всем мире, социальное предпринимательство развивается в нашей стране, но развивается не благодаря, а вопреки поддержке государства. Обеспечение реального вклада, который социальное предпринимательство может внести в развитие нашей страны как социального государства, невозможно без действующей эффективной системы поддержки и институциональных гарантий развития социального предпринимательства.

1. Акишин Г. Исторические и общественно-социальные аспекты благотворительной деятельности св. прав. Иоанна Кронштадтского // Христианское чтение. 2014. № 1. С. 71—84.

2. Албутова А. Социальное предпринимательство в России: ключевые игроки и потенциал формирования // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. С. 109—133.

3. Анисимова В., Романова И., Некрасова М. География сферы обслуживания (третичный сектор экономики): учеб. пособие. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2014. 290 с.

4. Берендяев А. Социальный предприниматель и государство: опыт международных лидеров социального предпринимательства // Мир социального предпринимательства. 2016. № 7.

5. Блаженкова Н., Поаншваль Н. Социальное предпринимательство: эволюция понятия, современное состояние и перспективы развития // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2014. № 1 (4). С. 72—78.

6. Борнштейн Д. Как изменить мир. Социальное предпринимательство и сила новых идей. М.: Альпина Паблишер, 2015. 496 с.

7. Брыксин Д., Корягин Н., Жидкова О. Социальная ответственность девелоперских компаний сферы коммерческой недвижимости // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 2. С. 1—15.

8. Гизатуллин Х., Троицкий В. Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 124—130.

9. Жохова В. Социальное предпринимательство: концепция, сущность и значение // Современная конкуренция. 2015. Т. 9. № 4. С. 77—100.

10. Кочеткова Л. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3. Июль — сент. С. 69—79.

11. Остин Дж., Стивенсон Г., Вей-Скиллерн Дж. Социальное и коммерческое предпринимательство: сходства и различия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Менеджмент 2010. № 3. С. 115—145.

12. Пономорев О, Светуных С. Экономика и предпринимательство. СПб.: Левша, 2015. 631 с.

13. Портер М., Крамер С. Капитализм для всех // Harvard Business Review. 2011. Март. С. 34—52.

14. Светуных С., Пономарев О. Социальное предпринимательство и модель жизненного цикла предпринимателя // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2016. С. 112—122.

15. Agenda 21: programme of Action for Sustainable Development and Rio Declaration. New York, 1993. 25 p.

16. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social or commercial entrepreneurship: same, different, or both? // Entrepreneurship: Theory and Practice. 2006. Vol. 30. № 1. P. 1—22.

17. Weerawardena J., Mort G. Learning, Innovation and Competitive Advantage in Not-For-Profit Aged Care Marketing: A Conceptual Model and Research Propositions // Journal of Nonprofit and Public Sector Marketing. 2001. Vol. 9. № 3. P. 53—73.

References

1. Akishin G. G. (2014) *Hristianskoe chtenie*, no. 1, pp. 71—84 [in Rus].

2. Albutova A. I. (2013) *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 14, no. 3, pp. 109—133 [in Rus].

3. Anisimova V. V., Romanova I. A., Nekrasova M. L. (2014) *Geografiya sfery obsluzhivaniya (tretichnyj sektor ehkonomiki)*. Krasnodar, Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 290 p. [in Rus].

4. Berendyaev A. (2016) *Mir social'nogo predprinimatel'stva*, no. 7 [in Rus].

5. Blazhenkova N.M., Poanshval' N. S. (2014) *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, no. 1 (4), pp. 72—78 [in Rus].

6. Bornshteyn D. (2015) *Kak izmenit' mir. Sotsial'noye predprinimatel'stvo i sila novykh idey*. Moscow, Al'pina Pablisher Publ., 496 p. [in Rus].

7. Bryksin D. A., Koryagin N. D., Zhidkova O.N. (2013) *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, no. 2, pp. 1—15 [in Rus].

8. Gizatullin H.N., Troickij V.A. (1998) *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 124—130 [in Rus].

9. Zhokhova V.V. (2015) *Sovremennaya konkurentsiya*, vol. 9, no. 4, pp. 77—100 [in Rus].

10. Kochetkova L. N. (2008) *Philosophy and Society*, no. 3, July — Sept., pp. 69—79 [in Rus].

11. Ostin Dzh., Stivenсон G., Vey-Skillern Dzh. (2010) *Vestnik S.-Peterburgskogo un-ta. Seriya Menedzhment*, no. 3, pp. 115—145 [in Rus].

12. Ponomorev O.B., Svetun'kov S.G. (2015) *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. St. Petersburg, Levsha Publ., 631 p. [in Rus].

13. Porter M., Kramer S. (2011) *Harvard Business Review. Rossiya*, mart, pp. 34—52 [in Rus].

14. Svetun'kov S.G. Ponomarev O. B. (2016) *Ekonomicheskiye nauki*, pp. 112—122 [in Rus].

15. Agenda 21: Programme of Action for Sustainable Development and Rio Declaration (1993). New York [in Eng].

16. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. (2006) *Entrepreneurship: Theory and Practice*, vol. 30, no. 1, pp. 1—22 [in Eng].

17. Weerawardena J., Mort G. (2001) *Journal of Nonprofit and Public Sector Marketing*, vol. 9, no. 3, pp. 53—73 [in Eng].

For citing: Moroshkina M.V., Murashkina L.V.
Social entrepreneurship as a form
of economic activity //
Socium i vlast' 2019. № 3 (77). P. 63—75.

UDC 334.7

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP AS A FORM OF ECONOMIC ACTIVITY

Marina V. Moroshkina,

Institute of Economics, Separate Division
of the Federal State Budgetary Institution
of Science of the Federal Research Center
«Karelian Research Center
of the Russian Academy of Sciences»,
Institute of Economics and Law
of Petrozavodsk State University,
Cand. Sc. (Economics), Research Fellow,
Associate Professor.

The Russian Federation,
185030, Petrozavodsk, prospect A.Nevskogo, 50
E-mail: maribel74@mail.ru

Lidiya V. Murashkina,

Institute of Economics and Law
of Petrozavodsk State University,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor
The Russian Federation,
185011, Petrozavodsk, ulitsa Lomonosova, 65
e-mail: l.v.murashkina@mail.ru

Abstract

Introduction. Social entrepreneurship is one of the actively developing forms of business activity. The main goal of social enterprises is to increase the level of the population's well-being and their quality of life as a result of solving social problems. The activity of socially oriented enterprises makes it possible to solve a number of social and economic problems that other sectors of the economy are not able to solve: neither the state nor the entrepreneurial ones. Specialization of social enterprises activities involves a large number of areas

of economic activity and mainly concerns the areas of: health, culture, education, satisfaction of other social needs of the population.

The aim of the article is to analyze the development of social entrepreneurship. This goal solves several important tasks based on analyzing approaches and methods of studying the social direction of business.

Methods: The authors used the methods of comparison and systematization, making it possible to obtain information on the development of social entrepreneurship in the Russian Federation and in the world community. Analysis of regulatory and legislative documents identified necessary issues that require considering and formalizing.

Scientific novelty of the research The analysis of forming the concept of social entrepreneurship from a historical perspective in a study allows determining the formats of developing the conceptual apparatus. Considering legislative and regulatory aspects allows analyzing disadvantages and advantages of the existing legislation in this direction. Results: One of the main results of the study is determining the main provisions of developing social entrepreneurship in the economic and legislative aspect.

Conclusions. In modern conditions, social entrepreneurship, considered as a vector of socio-economic development of a territory, as an industrial, social activity does not have an unambiguous approach and conceptual apparatus. The current situation is a serious problem for developing social activities, the solution of which will allow developing this area in the future.

Key concepts:

social entrepreneurship
socially-oriented non-profit organizations,
Federal Law «On non-profit organizations»,
profit-making organizations,
Development strategy of small and medium enterprises.

Для цитирования: Эзри Г. К. Персонализм и проблема межличностной коммуникации (историко-философский контекст) // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 76—85.

УДК 1(091)+111.3

ПЕРСОНАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ)

Эзри Григорий Константинович,
Дальневосточный федеральный университет,
лицо, прикрепленное для написания
кандидатской диссертации
по научной специальности
09.00.03 «История философии
(философские науки)».
Российская Федерация,
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8.
Email: grigoriyezri@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются онтологический и аксиологический способы обоснования персонализма с точки зрения решения проблемы межличностной коммуникации в европейском теизме и русской религиозной философии XIX—XX вв. Онтологический путь введения персонализма предлагает следующие варианты: во-первых, солипсизм, означающий смирение перед онтологическим одиночеством человека; во-вторых, предустановленную Богом гармонию, предполагающую веру в Бога; в-третьих, трансцендентально-феноменологическую редукцию, требующая признания трансцендентного. Аксиологический путь предполагает определение одного Я через другое Я. В пессимистическом варианте решение проблемы межличностной коммуникации выглядит так: либо онтологически глубокая человеческая личность и солипсизм, либо диалог Я и Другого при отсутствии глубины человеческой личности. Это означает, что без признания ценностного элемента в бытии индивидуального человека межличностная коммуникация невозможна.

Ключевые понятия:
личность,
персонализм,
теизм,
монада,
субстанция.

Целью настоящей работы является исследование способов обоснования персонализма с точки зрения решения проблемы межличностной коммуникации в рамках европейского теизма XIX в. и русской религиозной философии в контексте антропологического поворота.

Диалог Я и Ты — проблема, которая обычно исследуется в рамках экзистенциальной философской традиции. Но, как показал русский философ Н. О. Лосский [15, с. 76—77], ввести персонализм можно и через взаимодействие личностей, через ценность взаимодействия двух Я. Второй путь — введение персонализма онтологическим путем через исследование бытия [15, с. 76—77]. Плюсом онтологического пути введения персонализма является первенство единичного в ущерб всеобщего, что собственно подчеркнуто в понятиях «индивидуальная субстанция» и «монада», характеризующих онтологию личности. Но такая постановка вопроса актуализирует проблему онтологического, или экзистенциального, одиночества человека. Введение персонализма через ценность бытия с другим (фактически, диалога Я и Ты) решает эту проблему, но в таком случае возникает другая: субстанциальное единство человечества приводит к деперсонализации человека на онтологическом уровне, что показал философ и прот. В. В. Зеньковский на примере философии С. Л. Франка [25, с. 438].

Онтологическое и психологическое в человеке и статус философской психологии

Разговор о статусе философской психологии целесообразно начать с ее характеристики, которую дал С. Л. Франк. Он критиковал современную ему эмпирическую психологию за сочетание, по его мнению, несочетаемых вещей: идеализма в гносеологии, наивного реализма и наивного материализма в психологии. Предлагал строить психологию на спиритуалистических началах [25, с. 44]. Если следовать С. Л. Франку, философская психология должна покоиться на четырех основаниях: персонализм, спиритуализм (панпсихизм), рассмотрение духа как памяти (дух укоренен во времени), критика рационалистической (рассудочной) философии. Данную картину можно дополнить тем, что человечество признается единой субстанцией («всеединство»), в рамках которой суще-

ствуют индивидуальные монады, вступающие в диалог Я и Ты. В данном случае, внутренний психологический мир человека онтологизирован, но онтологизирован не на индивидуальном, а на всеобщем уровне, когда всеобщее доминирует над единичным.

Несколько иное прочтение философской психологии можно обнаружить в рамках духовно-академического теизма. Как отметил профессор, доктор философских наук С. В. Пишун, философская психология в рамках данной философской традиции именовалась метафизической. Представители данного направления исходили из субстанциальности и духовности человеческой души, мысля ее свойства по аналогии со свойствами Существа Абсолютного — душа имеет сущность. Отсюда следует вывод о том, что внутренний мир человека онтологичен. Однако, хотя душа человека роднится с Существом Абсолютным, но не сливается с ним — это принципиальный момент. То образом, в отличие от иных систем русской религиозной философии, индивидуальность души превалирует над ее близостью Богу и другим человеческим душам. При таком решении проблемы статуса философской психологии можно однозначно говорить о наличии тождественности и непрерывности самосознющего Я в контексте бессмертия души [17, с. 22—24].

Проблема статуса философской психологии представляет интерес в контексте соотношения в человеке онтологического и психологического. Немецкий философ Г. Тейхмюллер (1832—1888), создатель философской доктрины персонализма, именуемой также спиритуализмом или панпсихизмом, оказавший заметное влияние на развитие философии в России, где явился основателем Юрьевской философской школы, не рассматривал монаду как полноценную субстанцию-личность, а считал ее составной частью субстанции и личности: субстанция сложнее монады. Наверное, можно предположить, что Г. Тейхмюллеру таким путем удалось преодолеть необходимость удвоения Я: на уровне монады осуществляется психологический уровень самосознания, а на уровне субстанции — онтологический, а Я, как субстанциальное бытие, объединяет реальное и идеальное бытие. Как отмечает последователь Г. Тейхмюллера В. С. Шилкарский (1884—1960), «исключительно в нашем действительном духе, остающемся единым и тождественным в

непрерывном потоке психологических процессов, заключается источник понятия о подлинном бытии» [29, с. 269]. В этом смысле в психологической (со стороны реального бытия) основе каждой субстанции находится монада. Таким образом, в рамках европейского теизма XIX в. и русской религиозной философии понятие «субстанциальный» фактически равнозначно понятию «онтологический», а понятие «монадологический» — понятию «психологический».

Основания для рассмотрения монады как психологической сущности личности можно обнаружить и у Ж. Делеза: он рассматривал психологическую сторону восприятия. По его мнению, у теории малых перцепций два основания: метафизическое (воспринимающая монада выражает включенный в себя бесконечный мир) и психологическое (каждой сознательной перцепции предшествует большое число малых). Кроме того, французский философ со ссылкой на Декарта предложил пять критериев субстанции: «метафизический — единство бытия; логический — включение предиката в субъект; физический — единство, интериорное движению; психологический — активное единство изменения; эпистемологический — реквизи́ты неотделимости» [5, с. 98]. Психологический критерий выражается в перцепции и изменении [5, с. 97]. Любая монада, как полагал еще Г. Лейбниц, способна к перцепции и изменению. Более того, некоторые монады поднимаются до уровня апперцепции — сознания [9]. Таким образом, исходя из свойств монады Г. Лейбница и свойств субстанции Декарта, (разумеется, применительно только к данному случаю) можно сделать вывод, что монада — это психологическая сторона субстанции, ее психологическое основание.

О связи психологического и онтологического в экзистенциальном измерении писал в работе «Мужество быть» и немецко-американский протестантский теолог, философ-экзистенциалист, представитель диалектической теологии Пауль Тиллих (1886—1965). С одной стороны, он полагал, что с помощью онтологии можно создать последовательную и всеобъемлющую теорию в психологии (конкретно теолог говорил о теории тревоги и страха). С другой стороны, считал, что психология и онтология могут говорить о явлении, именуемом одинаково, например, как воля к власти Ницше, но иметь совершенно разные вещи, в данном случае —

самоутверждение жизни, т. е. между ними есть и некоторая граница. Кроме того, отмечал и третью группу случаев, когда психология и философия исследуют схожие, но не идентичные явления, такие, как например, страх и тревога. Страх психологичен, а тревога — экзистенциальна, т. е. онтологична (тревога как экзистенциальное осознание небытия) [21, с. 7—109]. Такой подход уточняет соотношение философии и психологии, а также соотношение онтологического (экзистенциального) и психологического в человеке.

Таким образом, онтологизация психологии и, соответственно, внутреннего мира человека не делают психологию философии, но определяют ее (идеалистическую по своему характеру) философскую основу. Монады, хотя и встроены в онтологический порядок вещей, но являются лишь психологической основой субстанции и человеческой личности. Иначе говоря, хотя между монадой и субстанцией нет непродолимой границы, но они и не идентичны. Например, как отмечал В. С. Шилкарский, онтологическая и психологическая рефлексия Я — две разные вещи [29, с. 217—342]. Как заметил М. Хайдеггер, онтологический Я-центризм ведет к солипсизму, а психологический — к эгоизму [26, с. 244].

Диалог Я и Ты и проблема индивидуации личности

Существование двух видов рефлексии Я — субстанциального (онтологического) и монадологического (психологического) — потенциально может привести к удвоению Я. Г. Тейхмюллер избежал этого: Я у него субстанциально, а рефлексии подлечит самосознание. Удвоения не избежал Э. Гуссерль, который выделил индивидуальное и трансцендентное Я, пытаясь решить вопрос связи сознания и плоти. Такой способ определения привел к солипсизму, от которого Э. Гуссерль затем стремился избавиться. В духе субъективного идеализма он утверждал, что Я конституирует мир, а мир — это «интенциональный коррелят Я» [24, с. 67—68]. Для обозначения индивидуального, эмпирического Я человека он использовал лейбницианский термин монада, акцентируя в нем самостоятельность и целостность феноменологического, трансцендентального Я. Далее эгологический генезис, т. е. становление и историю индивидуальное Я, он определил через имманентное время [16; 22; 23]. Схожую роль

времени в процессе человеческой личности констатировали А. Бергсон и Н. А. Бердяев, поставившие проблему соотношения времени и памяти (как индивидуального времени) в качестве одной из важнейших детерминант личности.

В отличие от Э. Гуссерля, М. Шелер не противопоставлял сознание и тело, не расщеплял Я, считая коррелятом Я Другого. Психические переживания, по его мнению, принадлежат «переживающему» Я. Психические переживания суть следующие: чувства, мысли, представления, ожидания, воспоминания, состояния души. Психические переживания в актах сознания имеют интенциональную направленность. Психические переживания существуют лишь во «внутреннем восприятии». Я имеет две стороны: «плотское» и «чистое» Я. «Чистое» Я — это объект интенционального сознания [24, с. 68—69].

Таким образом, Э. Гуссерль и М. Шелер попытались исследовать сознание как то, что рефлексировано Я. Я может быть как онтологическим и психологическим, так и любым другим. Оно все равно является объектом рефлексии. Я производно от сознания. В таком случае Я невозможно не удваивать: каков избранный принцип рефлексии, таково и Я. Это принципиально отличается от подхода Тейхмюллера, в философии которого субстанциальное Я наличествует прежде рефлексии, сознания, мышления, оно принадлежит индивидуальной онтологии, индивидуальному бытию.

В рамках персонализма, основанного на европейском теизме XIX в. и русской религиозной философии, можно говорить о трех критериях индивидуации. Первый — наличие индивидуального тела. Второй — наличие индивидуальной монады. Третий — существование индивидуальной, а не всеобщей, субстанции. С точки зрения В. С. Шилкарского, опиравшегося на Тейхмюллера, персоналистической является только та философия, в которой личность индивидуализирована с трех точек зрения, а для Н. О. Лосского достаточно индивидуации на уровне тела и монады, т. к. монада и субстанция тождественны. Равносильно и для Г. Лотце, представителя философии «всеединства», хотя в его философии понятия «монада» и «субстанция» не тождественны. Психологизация человека и трансформация материального характера человека из акциденции человека как субстанции в отдельную характеристику человеческой личности — следствие ан-

тропологического поворота, участниками которого были европейский теизм XIX в. и русская религиозная философия.

Таким образом, вопрос о межличностной коммуникации, ее сущности и возможностях необходимо решать на пересечении, с одной стороны, двух способов введения персонализма, с другой стороны, трех уровней индивидуации. Во-первых, при онтологическом введении персонализма, общение происходит на уровне Я-субстанции. Во-вторых, при ценностном введении персонализма общение может осуществляться как на уровне субстанции и монады, если эти понятия тождественны, так и на уровне монады, если все человечество — одна субстанция. Кроме того, в последнем случае резко возрастает роль тела как индивидуализирующего признака и агента коммуникации. Как отметил Ж. Делез, даже у Лейбница «встреча с чужим происходит на уровне тела» [5, с. 185].

Отсутствие единой субстанции затрудняет межличностную коммуникацию. Фактически, это онтологическое одиночество. Правда, как отмечают С. Алексеев (в связи с философией Г. Тейхмюллера) [1] и М. И. Ивлева (в рамках характеристики философии В. С. Шилкарского) [7] Я, как субстанция и субъект, строит окружающий мир в сознании как состоящий из множества подобных образований. Единственно возможный способ коммуникации в данном случае — это предустановленная Богом гармония, поскольку в противном случае Я-субстанции не связаны между собой, остальное означает солипсизм. Э. Гуссерль попытался создать такую систему, где индивидуальные Я-монады гарантированно сосуществовали бы, могли бы находиться в коммуникации, но при этом для этого не требовалась бы гипотеза Бога. Именно так немецкий философ и попытался преодолеть (трансцендентальный в своей сущности) солипсизм своей концепции личности [18].

Как отмечает М. Л. Литвиновская, Э. Гуссерль фактически заменил Бога операцией трансцендентально-феноменологической редукции, чем перенес организующую роль с Бога на трансцендентальное Я, что означало сосуществование множества intersubъективных миров. Я-монада в философии Гуссерля должна выйти из иллюзорного мира к объективному миру и воссоздать действительность в структуре сообщества монад [11]. Как отметил профессор, доктор философских наук Я. А. Слинин, intersubъективный мир во многом

гипотетичен, как и учение о сообществе монад. Intersubъективный мир и сообщества монад по первому правилу Декарта необходимо тоже заключить в скобки. «Трансцендирующий» опыт невозможен, потому что аналогизирующая апперцепция не способна вывести за пределы имманентного, более того, как показал сам немецкий философ, имманентное несомненно, а трансцендентное сомнительное. Иначе говоря, Э. Гуссерлю не удалось предотвратить угрозу трансцендентального солипсизма [18; 19].

Таким образом, философская система, вводящая персонализм онтологически, т. е. исследуя бытие, может доказать лишь существование индивидуальной Я-субстанции, мыслящего Я, но не может гарантировать существование других Я. И не важно в данном случае каким методом пользоваться: Бог является предметом веры (научно и рационально его существование нельзя ни доказать, ни опровергнуть), но и трансцендентально-феноменологическая редукция также опирается на рационально сомнительное — трансцендентное. Хотя, справедливости ради, гипотеза существования Бога полностью решает проблему межличностной коммуникации индивидуальных Я, субстанции и монады, но в таком случае необходимо опираться на научно и рационально недоказуемую веру. А это уже вопрос выбора каждого человека. То есть стороннику онтологического способа введения персонализма остается следующее: принять онтологическое одиночество Я, преодолеть одиночество путем веры в Бога, преодолеть одиночество трансцендентным опытом, получая, вероятно, гипотетическое доказательство существования других Я.

Если субстанция и монада — это одно и то же понятие, онтологическое и психологическое уравновешены, тогда вопрос о возможности коммуникации онтологического и психологического уровня уже не стоит. Ценность бытия-для-себя и для-другого аксиологически обеспечивает основание для общения, а за счет признания индивидуальности субстанции обеспечивает онтологический уровень коммуникации. Такой путь выбрал Н. О. Лосский. В XX в. схожие идеи, но в экзистенциальном ключе, развивали, например, М. М. Бахтин и Мартин Бубер.

Н. О. Лосский исследовал соотношение общего и индивидуального [14, с. 236—261]. Для него индивидуальное —

проявление общего, способ бытия общего. Такой подход чем-то похож на гегелевскую триаду единичное-общее-особенное, первое и третье — вещи индивидуальные, только третье такое индивидуальное, которое показывает, какое место имеет индивидуальное в общем порядке вещей. Только индивидуальное русского философа походит на особенное, а общее — на гибрид единичного и общего: индивидуальное — способ бытия общего, а общее в то же самое время является индивидуальным, единичным. В данном случае индивидуальное все равно привязано к общему, хотя и сохраняет свою субстанциальную индивидуальность полностью. Н. О. Лосский постулировал ценностный характер введения персонализма через бытие-для-себя и бытие-для-другого. Фактически, это означает утверждение одного Я через другое Я.

М. М. Бахтин и М. Бубер исходили из онтологичности диалога одного Я и другого Я. Фактически диалог — это интерсубъективная интенциональность, событие бытия. По М. М. Бахтину, бытие человека, его само-бытие диалогично тоже. В самосознании есть образы Я-для-себя, Я-для-другого, Другой-для-меня. Как отмечает Г. В. Дьяков, М. М. Бахтин рассматривал диалог, межличностную коммуникацию как «духовно-событийное и *ценностно-смысловое* сосуществование как взаимоотношение, взаимодействие, взаимопроникновение личностей, сознаний» [6].

Система М. Бубера, как и М. М. Бахтина, является экзистенциально-онтологическими. Характеризуя диалог, соотношения личности и общности у М. Бубера, профессор, доктор философских наук Т. П. Лифинцева пишет: «Сущность социальных отношений... онтологический союз, диалог. Здесь Бубер во многом испытывает влияние еврейского мистического учения — хасидизма. Одно из основных положений хасидизма — уникальность отношения личности и сообщества. Единичность и общность суть одно и то же, считали хасиды. Тот, кто целен, аутентичен в своей индивидуальности, выходит за пределы своей самости. Отвечая на зов Другого, он как бы отвечает самому себе» [12, с. 52]. То есть утверждение себя — это утверждение другого в себе и себя в другом. Как отметил тот же исследователь, М. Бубер находил в хасидизме, что духовность личности — фундаментальная *ценность* [12, с. 73]. Таким образом, как Н. О. Лосский, так и М. М. Бахтин и М. Бубер утверждали

ценностный характер диалога и мыслили человека как личность.

Если же субстанция едина, а монады различны и множественны, то персонализм возможно ввести только на уровне ценности бытия-для-себя и для-другого, и коммуникация в таком случае будет происходить на психологическом уровне. При этом существенно возрастает роль индивидуального тела. Это отметили, например, Ж. Делез на примере философии Лейбница и Э. Гуссерля, французский персоналист Ж. Лакруа. Схожие мотивы можно найти и у С.Л. Франка [5; 10; 25] и т. д.

В этой связи можно противопоставить восточную — и западно-христианскую традиции соотношения субстанциального и монадологического начала в человеке. Как отметил митрополит Илларион Алфеев в своей диссертации, Климент Александрийский отвергал мысль об онтологической причастности человека Божеству, нельзя человека считать частью Божества или существом ему единосущным [2, с. 347]. Данная мысль получила свое развитие в духовно-академическом теизме. Идея отсутствия причастности человека Бога, но его подобие ему выразилось в данной философской традиции в том, что все люди — различные субстанции, хоть и частично зависимые от Бога (Абсолютного Существа) [17, с. 22—24], но, в терминах митрополита Иллариона Алфеева, не единосущны ему.

В западно-христианской традиции был сделан упор на субстанциальном единстве людей. Фома Аквинский считал, что душа человека — не субстанция, а форма тела. Субстанциально все одинаковы и едины, а различны по они форме (душа — как индивидуальная форма) [20]. Логику с тождеством субстанции продолжили западные философы-персоналисты XX в. В. Штерн, Ж. Лакруа, М. Шеллер [10; 15; 24] и т. д. В русской религиозной философии «всеединства» существовала такая же идея, заложенная еще В. С. Соловьевым [13]. Это выражалось в стремлении определить индивидуальное как момент всеобщего.

Кроме того, схожую логику можно найти и в работах богослова и философа-персоналиста Ханса Урса фон Бальтазара (1905—1988), который рассматривал экзистенциальный диалог Я и Ты, а также их взаимное утверждение друг через друга. По сути, этот диалог распространяется на отношения человека не только с другим человеком, но и общении с Богом. Например, это можно проследить в работе «Дос-

тойна веры лишь любовь» [3], в которой он развивал эти взгляды. Более того, как и Шелер, Бальтазар рассматривал диалог Я и Ты через призму любви. В этом смысле католический богослов вводил персонализм через ценность бытия для-себя и для-другого.

Данная логика лишает личность глубокой онтологической индивидуальности, но решает проблему коммуникации между людьми. *Ценностный* характер введения персонализма можно проследить по творчеству немецкого персоналиста и представителя философии жизни М. Шелера. Как показал Пауль Тиллих, в «философии жизни» Ф. Ницше произошло переосмысление философии Б. Спинозы в динамических категориях: «жизнь» заменила «субстанцию» [21, с. 25—26]. В этой связи М. Шелера можно рассматривать как представителя данного способа введения персонализма. Его философия пронизана *ценностным* подходом, что он подчеркивал через смещение центра тяжести с рационального на психологический, чувственный компонент личности, прежде всего, он рассматривал личность через такое столь онтологичное чувство, как любовь, которая, во многом, и определяет *ценность* человека как личности. М. Шелер рассматривал Я только во взаимодействии с Другим, другим Я. Я и Другой утверждают только во взаимодействии друг с другом, сущностью которого и является любовь [24].

Проблема диалога Я и Ты частично рассматривалась и в иных философских системах и направлениях. Например, аналогию взаимодействия Я и Ты можно обнаружить у Фейербаха, который исследовал Ты как объективацию Я. Это, конечно, не экзистенциальный диалог Я и Ты, а лишь демонстрация чувственного характера бытия индивида. Как отметил А. С. Чупров, «понимание феербаховского “Ты” <...> оказывается обозначением «еще одного человека», еще одного Я в его отношении к первому Я», Я и Ты Фейербаха в единстве могут дать жизнь еще одному Я [27, с. 242—243]. Понимание человека в философии Шопенгауэра и Фейербаха индивидуальное бытие — это момент родового бытия, когда род утверждается через бытие индивида [28]. Однако самая радикальная попытка построения модели коммуникации субъектов была предпринята в постмодернистской философии. Здесь субъект представлен как нечто децентрированное, не имеющий центра, дивид вместо индивида. Однако, как отме-

чал А. Н. Ильин, постмодернистский дивид многолик в силу своей свободы [8]. Постмодернистские определения по этой причине схожи с психологическими. Кроме того, заметим, что многие постмодернистские философы были практикующими специалистами в области психологии, отсюда и психологические интерпретации, и терминология в их философских исследованиях. Соответственно, в постмодернистской философии о личности говорить не приходится: человек как субъект, да, но не тот, что имел место в предшествующей философии. У него совершенно другой статус. Децентрированность и его ситуативность — его главные характеристики. Это, фактически, означает отсутствие ценностной стороны бытия: бессознательность, спонтанность, децентрированность не различают ценностей, потому что ценности требуют постоянства субстанции или монады.

Правда, при таком подходе не представляется возможным говорить о личности как таковой. Здесь нет центра личности Я ни как какого-то постоянного (субстанция, монада), ни как изменяющего (идентичность). Нет единства, есть лишь ситуативный набор ролей, которые меняются в течение всей жизни. Собственно, такое положение вещей закреплено в понятии «ризомы», ризоматичность — качество бытия вещей в постмодерне, фактически, подход к определению сущности, или «чтойности» вещи.

Таким образом, представители европейского теизма XIX в., русской религиозной философии, персоналистической философии XX в. отстаивали личностный характер бытия человека, но среди них не было единства о пути введения персонализма (через исследование бытия или через ценность бытия для-себя и для-другого) и способа организации коммуникации между индивидуальными субъектами. Онтологический путь введения персонализма для решения проблемы межличностной коммуникации предлагает следующие варианты. Во-первых, солипсизм, т. е. фактически смирение перед онтологическим одиночеством человека. Во-вторых, предустановленную Богом гармонию, для чего необходима вера в Бога. В-третьих, трансцендентально-феноменологическую редукцию, для чего необходимо признать существование трансцендентного. Аксиологический путь введения персонализма предполагает определение одного Я через другое Я. В таком случае нет опасности впасть в солипсизм, но возможен путь

к эгоизму, когда межличностная коммуникация не утрачивается, а лишь приобретает специфические психологические черты. Фактически, если оценивать ситуацию пессимистически, то решение проблемы межличностной коммуникации выглядит так: либо онтологически глубокая человеческая личность и солипсизм, либо отсутствие глубины у человеческой личности и онтологически и психологически диалог Я и Другого. Это означает, что без признания ценностного элемента в бытии индивидуального человека невозможна коммуникация между личностями. Более того, человеческая личность носит целостный характер в единстве трех аспектов ее индивидуации: субстанциальном, монадологическом и телесном.

Введение персонализма через диалог Я и Ты и антропологизм философской мысли XX века

На примере постмодернистской философии видно взаимодействие психологического и философского. Но саму проблему перехода метафизики в антропологию, частью которой является психология, поставил М. Хайдеггер в работе «Что такое метафизика?». Немецкий философ по поводу трансформации метафизики в антропологию отметил следующее: «Философия в эпоху законченной метафизики есть антропология ... Сама философия успела тем временем превратиться в антропологию и на этом пути стала добычей ответвлений метафизики, т. е. физики в самом широком смысле, включающем физику жизни и человека, биологию и психологию. Сделавшись антропологией, сама философия гибнет от метафизики» [26, с. 244].

М. Хайдеггер связывал такие перемены с заменой объекта на субъект, приданием человеческом Я субстанциального характера (Я как конечная субстанция), что началось с его *cogito* Декарта и онтологически завершилось у Канта, который вопреки Лейбницу отказал рефлексии в ее онтологической сущности. Таким путем произошла подмена абстрагированного Я всех человеческих существ на индивидуальное Я, Я обособленной личности. Здесь начал осмысливаться «эгоизм», не имеющий отношения к «солипсизму» [26, с. 244].

Также немецкий философ остановился и на проблеме взаимоотношений Я и Ты. По этому поводу он отметил: «человек

может вести «себя» или «эгоистически» или «альтруистически». Лишь поскольку присутствие как таковое определяется через самость, я-самость способна вступить в отношении к ты-самости. Самостность есть предпосылка для возможности Я, которое размыкается всегда только в Ты» [26, с. 202]. И далее: «Метафизика присуща природе человека. Но что такое сама природа? Что такое сама метафизика? Кто такой, внутри этой природной метафизики, сам человек? Есть ли он простое Я, которое впервые по-настоящему утверждается в своем Я лишь через обращение к Ты, потому что существует в отношении Я к Ты?» [26, с. 232]. Понимание Я, которое утверждается в обращении к Ты, М. Хайдеггер связывал с концепцией Я у Декарта, которое носит индивидуальный, личный, субъектный, т. е. индивидуально-субстанциальный характер. Более того, превращение философии в антропологию, частью которой является психология, также означает и придание личному, индивидуально-субстанциальному Я психологического характера.

Итак, с Декарта и Лейбница началась трансформация онтологии в антропологию, Кант усилил данный процесс, отказав рефлексии в онтологическом статусе. Так произошел отход от абстрактного Я и произошел переход к Я индивидуально-субстанциальному. На рубеже XIX и XX вв. метафизика окончательно стала антропологией.

Схожие наблюдения можно найти у католического теолога Х. У. фон Бальтазара в его работе «Истина симфонична» [4], где он отметил следующее: «Средневековая онтология естественных форм, которая лишь до известной степени участвовала в нескончаемом действии сущего, теперь полностью преобразуется в часть антропологии: в этих формах человек узнает предварительные стадии собственного развития, условия возможности своего существования. Физика, химия, биология, физиология, генетика с ее представлением о наследственности, глубинная психология с инстинктами, архетипами и т. п. — все это составляет фундамент его экзистенции...» [4, с. 141].

В этой связи можно говорить об антропологизации в XX в. и философии религии. Логику, схожую с логикой М. Хайдеггера и Х. У. фон Бальтазара, можно обнаружить и у П. Тиллиха, который рассмотрел взаимосвязь экзистенциальной философии и глубинной философии. Фактически, он попытался спасти философию как философию,

отделяя ее предмет от предмета психологии, но, тем не менее, ему пришлось признать антропологичность философии [21]. Это означает, что в XX в. интерес философов к психологии связанных с нею наукам возрос. С одной стороны, таким путем можно полнее и точнее характеризовать человека и его отношения с природой. С другой стороны, это путь размывания философии как автономной области знания. В этом наблюдении М. Хайдеггер прав. Более того, если, следуя логике М. Хайдеггера, рассматривать пути введения персонализма у Н. О. Лосского, то первым в историко-философском плане является онтологический (им пользовался еще Боэций, только без психологизации человека), вторым — ценностный (это, фактически, преддверие онтологического диалога Я и Ты). Именно в таком порядке их и рассмотрел Н. О. Лосский.

Таким образом, на протяжении XIX и XX вв. в философии произошло существенное изменение: в ней произошел антропологический поворот. Это означает не только рост интереса философов к проблеме человека, но и усиление влияния на философию социально-гуманитарного и естественнонаучного знания. Соответственно, проблема человека в философии уже не могла быть решена без психологии.

* * *

Подводя итог всему сказанному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, философия на протяжении XIX и XX вв. претерпела существенное изменение: в ней произошел антропологический поворот. Это привело не только к росту интереса философов к проблеме человека, усилению влияния на философию социально-гуманитарного и естественнонаучного знания, а также обоснованию персонализма онтологическим и аксиологическим способами.

Во-вторых, в рамках двух способов обоснования персонализма выработаны свои подходы к решению проблемы межличностной коммуникации. В рамках онтологического способа обоснования персонализма возможны следующие варианты решения данной проблемы: солипсизм (т. е. фактически смирение перед онтологическим одиночеством человека), предустановленная Богом гармония (для чего необходима вера в Бога), трансцендентально-феноменологическая редукция

(для чего необходимо признать существование трансцендентного). Аксиологический путь введения персонализма предполагает определение одного Я через другое Я. В таком случае возможен переход не к солипсизму, а лишь к эгоизму, а в таком случае межличностная коммуникация не утрачивается, а лишь приобретает специфические психологические черты.

В-третьих, фактически решение проблемы межличностной коммуникации представляет собой дилемму: либо онтологически глубокая человеческая личность и солипсизм, либо отсутствие глубины у человеческой личности и онтологически и психологически диалог Я и Другого. То есть без признания ценностного элемента в человеческом бытии невозможна коммуникация между личностями. Стало быть, при решении проблемы межличностной коммуникации необходимо исходить из того, человеческая личность носит целостный характер в единстве трех аспектов ее индивидуации: субстанциальном, монадологическом и телесном.

В-четвертых, целостное философское изучение человека как личности, исследование проблемы межличностной коммуникации невозможно без обращения к знаниям других наук, например, психологии, потому что необходимо исследование не только абстрактного, трансцендентального Я, но эмпирического, индивидуального Я, а также человеческих чувств на онтологическом уровне. Данные изменения характеризуют развитие европейского теизма XIX века, русской религиозной философии и персоналистической философии XX в. Необходимость такого обращения показана антропологическим поворотом.

1. Алексеев С. Тейхмюллер. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Тейхмюллер,_Густав-Август (дата обращения: 15.03.2019).

2. Алфеев И. Преподобный Симеон Новый Богослов и православное предание. М.: Познание: Изд-во Москов. Патриархии Рус. Православ. Церкви, 2017. 448 с.

3. Бальтазар Х. У. фон. Достояна веры лишь любовь. М.: Истина и Жизнь, 1997. 124 с.

4. Бальтазар Х. У. фон. Истина. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 152 с.

5. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997. 264 с.

6. Дьяконов Г. В. Концепция диалога М. М. Бахтина — основа экзистенциально-онтологической психологии. URL: <http://hpsy.ru/public/x2780.htm> (дата обращения: 15.03.2019).

7. Ивлева М. И. Онтологический статус субъекта в философии В. Шилкарского. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ontologicheskij-status-subekta-v-filosofii-v-shilcarskogo> (дата обращения: 15.03.2019).

8. Ильин А. Н. Субъект в пространстве постмодернизма. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject/ (дата обращения: 15.03.2019).

9. Кирилленко Г. Г., Швецов Е. В. Монада. URL: <http://ponjatija.ru/node/5869> (дата обращения: 15.03.2019).

10. Лакруа Ж. Избранное: персонализм. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 608 с.

11. Литвиновская М. Л. Истоки теории монадохологического сообщества Э. Гуссерля. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-teorii-monadicheskogo-soobschestva-e-gusserlya> (дата обращения: 15.03.2019).

12. Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера М. : Институт философии РАН, 1999. 133 с.

13. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. URL: <https://predanie.ru/losev-aleksey-fedorovich/book/122092-vladimir-solovev-i-ego-vremya/#/toc13> (дата обращения: 28.07.2018).

14. Лосский Н. О. Избранное. М. : Правда, 1991. 627 с.

15. Лосский Н. О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Париж : YMCA-PRESS, 1931. 135 с.

16. Малышева Д. С. Имманентное сознанию время (ZEITBEWUßTSEIN) в феноменологии Эдмунда Гуссерля и некоторые его аспекты в историко-философском контексте. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/immanentnoe-soznaniyu-vremya-zeitbewu-tsein-v-fenomenologii-edmunda-gusserlya-i-nekotorye-ego-aspekty-v-istoriko-filosofskom-kontekste> (дата обращения: 15.03.2019).

17. Пишун С. В. Становление и развитие православной персонологии в России на протяжении XIX века : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1996. 40 с.

18. Слинин Я. А. Трансцендентальный солипсизм. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/transtsendentalnyu-solipsizm> (дата обращения: 15.03.2019).

19. Слинин Я. А. Э. Гуссерль и его Картезианские размышления. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000061/index.shtml> (дата обращения: 15.03.19).

20. Столяров А. А. Философия Фомы Аквинского. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000004/st126.shtml> (дата обращения: 15.03.2019).

21. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М. : Юрист, 1995. 479 с.

22. Феноменологической Ego. URL: <http://ponjatija.ru/node/867> (дата обращения: 15.03.2019).

23. Филиппович А. В., Шпарага О. Н. Феноменология. URL: <http://ponjatija.ru/node/8657> (дата обращения: 15.03.2019).

24. Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы. СПб. : Алетея, 2011. 568 с.

25. Франк С. Л. Реальность и человек. М. : Республика, 1997. 479 с.

26. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М. : Академический проспект, 2013. 288 с.

27. Чупров А. С. Человек в философии Шопенгауэра и Фейербаха. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2012. 298 с.

28. Чупров, А. С. Человек как вещь среди вещей // Социум и власть. 2017. № 3 (65). С. 118—123.

29. Шилкарский В. С. Проблема сущего. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1917. 342 с.

References

1. Alekseev S. (1901) Tejxmyuller. Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Тейхмюллер,_Густав-Август, accessed 15.03.2019 [in Rus].

2. Alfeev I. (2017) Prepodobnyj Simeon Novyj Bogoslov i pravoslavnoe predanie. Moscow, Poznanie Publ., Izdatelstvo Moskovskoj Patriarxii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Publ., 448 p. [in Rus].

3. Baltazar H.U. fon (1997) Dostojna very lish lyubov. Moscow, Istina i Zhizn Publ., 124 p. [in Rus].

4. Baltazar H.U. fon (2009) Istina simfonichna. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 152 p.

5. Delez Zh. (1997) Skladka. Leybnicz i barokko Moscow, Logos Publ., 264 p. [in Rus].

6. Dyakonov G.V. (2006) Konceptiya dialoga M.M. Baxtina — osnova ekzistencialno-ontologicheskij psixologii. Available at: <http://hpsy.ru/public/x2780.htm>, accessed 15.03.2019 [in Rus].

7. Ivleva M.I. (2013) Ontologicheskij status subekta v filosofii V. Shilcarskogo. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/ontologicheskij-status-subekta-v-filosofii-v-shilcarskogo>, accessed 15.03.2019 [in Rus].

8. Ilin A.N. (2010) Subekt v prostranstve postmodernizma. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject, accessed 15.03.2019 [in Rus].

9. Kirilenko G.G., Shvecov E.V. (2010) Monada. Available at: <http://ponjatija.ru/node/5869>, accessed 15.03.2019.

10. Lakrua Zh. (2004) Izbrannoe: personalizm. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN) Publ., 608 p. [in Rus].

11. Litvinovskaya M.L. (2009) Istoki teorii monadologicheskogo soobshhestva E. Gusserlya. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-teorii-monadicheskogo-soobschestva-e-gusserlya>, accessed 15.03.2019 [in Rus].

12. Lifinceva T.P. (1999) Filosofiya dialoga Martina Bubera. Moscow, Institut filosofii RAN Publ., 133 p. [in Rus].

13. Losev A.F. (2009) Vladimir Solovev i ego vremya. Available at: <https://predanie.ru/losev-aleksey-fedorovich/book/122092-vladimir-solovev-i-ego-vremya/#/toc13>, accessed 28.07.2018 [in Rus].

14. Losskij N.O. (1991) Izbrannoe. Moscow, Pravda Publ., 627 p. [in Rus].

15. Losskij N.O. (1931) Cennost i bitie. Bog i Czarstvo Bozhie kak osnova cennostej. Paris, YMCA-PRESS Publ., 135 p. [in Rus].

16. Malysheva D.S. (2010) Immanentnoe soznaniyu vremya (ZEITBEWUßTSEIN) v fenomenologii Edmunda Gusserlya i nekotorye ego aspekty v istoriko-filosofskom kontekste. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/immanentnoe-soznaniyu-vremya-zeitbewu-tsein-v-fenomenologii-edmunda-gusserlya-i-nekotorye-ego-aspekty-v-istoriko-filosofskom-kontekste>, accessed 15.03.2019.

17. Pishun S.V. (1996) Stanovlenie i razvitie pravoslavnoj personologii v Rossii na protyazhenii XIX veka. Abstract of thesis. Moscow, 40 p. [in Rus].

18. Slinin Ya.A. (2017) Transcendentalnyj solipsizm. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/transcendentalnyj-solipsizm>, accessed 15.03.2019 [in Rus].

19. Slinin Ja.A. E. (2000) Gusserl i ego Kartezijskie razmyshleniya. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000061/index.shtml>, accessed 15.03.2019 [in Rus].

20. Stolyarov A.A. (1995) Filosofiya Fomy Akvinskogo. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000004/st126.shtml>, accessed 15.03.2019 [in Rus].

21. Tillix P. (1995) Izbrannoe: teologiya kulturi. Moscow, Yurist Publ., 479 p. [in Rus].

22. Fenomenologicheskoy Ego (2007). Available at: <http://ponjatija.ru/node/867>, accessed 15.03.2019 [in Rus].

23. Filippovich A.V., Shparaga O.N. (1998) Fenomenologija. Available at: <http://ponjatija.ru/node/8657>, accessed 15.03.2019 [in Rus].

24. Filosofskaya antropologiya Maksa Shelera: uroki, kritika, perspektivy (2011) St. Petersburg, Aleteja Publ., 568 p. [in Rus].

25. Frank S.L. (1997) Realnost i chelovek. Moscow, Respublika Publ., 479 p. [in Rus].

26. Hajdegger M. (2013) Chto takoe metafizika? Moscow, Akademicheskij prospect Publ., 288 p. [in Rus].

27. Chuprov A.S. (2012) Chelovek v filosofii Shopengauera i Fejrbaxa. Blagoveshhensk, Izd-vo BGPU Publ., 298 p.

28. Chuprov A.S. (2017) *Socium i vlast*, no. 3 (65), pp. 118—123. [in Rus].

29. Shilkarskiy V.S. (1917) Problema sushhego. Yurev, Tipografiya K. Mattisena Publ., 342 p. [in Rus].

For citing: Ezri G.K.

Personalism and the problem of interpersonal communication (historical and philosophical context) // *Socium i vlast'* 2019. № 3 (77). P. 76—85.

UDC 1(091) +111.3

PERSONALISM AND THE PROBLEM OF INTERPERSONAL COMMUNICATION (HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT)

Grigoriy K. Ezri,

Far Eastern Federal University,
Degree-seeking Student of the Department Chair
of Philosophy and Religion.
The Russian Federation,
690091, Vladivostok, ulitsa Sukhanova, 8.

Abstract

The article studies the ontological and axiological ways of introducing the principle of personalism from the view point of solving the problem of interpersonal communication in European theism and Russian religious philosophy of the XIX—XX centuries. The ontological way of introducing personalism suggests, firstly, solipsism, meaning humility in front of a person's ontological loneliness; secondly, harmony predestined by God, implying faith in God; thirdly, transcendental-phenomenological reduction, which requires recognizing the transcendental. The axiological way implies defining one Self through another. In a pessimistic version, the solution to the problem of interpersonal communication is as follows: either an ontologically deep human personality and solipsism, or a dialogue between I and the Other with no depth of human personality. This means that without recognizing the value element in the being of an individual person, interpersonal communication is impossible.

Key concepts:

person,
personalism,
theism,
monad,
substance.

Для цитирования: Богданова В. О. Практики самопознания в античной и средневековой философии // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 86—94.

УДК 130.121

ПРАКТИКИ САМОПОЗНАНИЯ В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ¹

Богданова Вероника Олеговна,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, доцент кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук, Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 69
E-mail: verovictory@mail.ru

Аннотация

Предметом исследования являются философские практики самопознания, которые использовались в античной и средневековой философии.

Самопознание требовало больших усилий и умения смотреть на свой опыт в разных перспективах. С одной стороны, интроспекция должна была осуществляться синхронно воспринимаемому ментальному состоянию, с другой — познающий субъект не должен быть во власти этого состояния в момент наблюдения, поэтому античные и средневековые мыслители процесс самопознания осуществляли путем установления контроля над аффектами души посредством деятельности разума. Как античные, так и средневековые мыслители видели единство между процессом самопознания и совершенствованием тела и духа (души). Самопознание переживалось в аксиологически окрашенном опыте причастности к трансцендентному (Логосу, Единому, Богу), которое направляет человека на духовное совершенствование.

Ключевые понятия:

самопознание, интроспекция, философские практики, сознание, душа, аскеза, исповедь.

Введение

Проблема самопознания остается до конца неразрешимой проблемой, поскольку связана с некоторыми гносеологическими пределами, проникнуть за которые не способно человеческое мышление. В исследовании содержания сознания индивид одновременно выступает и как субъект, и объект изучения. Это гносеологическое положение субъекта требует строгой дисциплины в использовании интроспективного метода и требует от него больших усилий и умения смотреть на свой опыт в разных перспективах. Субъекту следует понимать, что некоторые ментальные процессы, играющие каузальную роль в отношении поведения, являются бессознательными, поэтому они не доступны самонаблюдению, для их обнаружения необходимо применять другие способы. В изучении ментальной работы сознания самонаблюдения необходимо дополнять данными от третьего лица, доступными внешнему наблюдателю.

Само интроспективное наблюдение в полной мере неосуществимо. Это связано с тем, что интроспективное наблюдение не должно быть эмоционально окрашено, иначе нельзя говорить ни о какой объективности. Однако многие ментальные состояния включают в себя эмоции. С одной стороны, интроспекция должна осуществляться синхронно воспринимаемому ментальному состоянию, чтобы ее содержание было достоверным. С другой — субъект, наблюдающий интроспективно эмоциональное состояние, не должен быть во власти этого состояния в момент наблюдения. Это возможно, если интроспекция имеет ретроспективный характер. Субъект исследует свои ментальные состояния посредством своей памяти, которая воскрешает произошедшее ментальное событие. Память удерживает далеко не все содержание прошлого ментального опыта, многое остается недоступно для наблюдения. Некоторые содержание ментального опыта искажается, так как пересматривается с позиции настоящего. Самонаблюдение переплетается с рассуждением о причинах собственных состояний. Следовательно, не только память участвует в получении интроспективных данных, но и мыслительные способности субъекта. Хотя ретроспекция автобиографична, она не дает прямого выхода к ментальным состояниям. Например, личный дневник является ретроспективным анализом прошлого опыта субъекта, конечно, он может давать ценные сведения о его авторе, но он не является хроникой

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021-ОГН «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

ментальных процессов в его сознании. Процесс самопознания не исключает взгляд со стороны, поскольку индивид имеет весьма опосредованный доступ к ментальным состояниям субъекта через настоящее.

Хотим мы того или нет, сознание и его содержание остается для нас неуловимой «вещью в себе», о которой чрезвычайно сложно рассуждать. Сознание нематериально, его невозможно зафиксировать с помощью научных методов, его проблематично описать посредством слов, проникнув вглубь самого себя. Сознание все время ускользает от нас, не случайно испанский философ Х. Ортега-и-Гассет говорит не о понятии сознания, а о метафоре сознания. Человек не может сомневаться, что оно существует, но его описание уводит человека от самого себя, отсылает к каким-то иным срезам реальности.

Еще одной трудностью постижения самого себя является то, что любой человек является «открытой системой», которая способна к изменению. Однако проблемы интроспективного познания не должны служить поводом отказаться от него или превратить этот процесс в полностью спонтанное явление, которое происходит по воле случая, когда человек познает теневые стороны своей личности, столкнувшись с жизненными трудностями. Знание о себе, сопряженное с любовью к самому себе, позволяет поддерживать душевное и физическое здоровье, помогает объективно оценивать свой потенциал, подбирать эффективные способы его реализации. По сути, самопознание вносит в жизнь организованность и порядок. Освоив этот процесс, субъект приобретает важный навык — экономии личного времени, суть которого заключается в способности отделять важное от второстепенного.

Практики самопознания и духовного совершенствования в античной философии

Философия с давних пор учила самопознанию и умению видеть главное и управлять собой для его достижения. В античной и средневековой философии можно встретить описание разных духовных и телесных практик, направленных как на самопознание, так и на самосовершенствование. Человек мог познавать и совершенствовать себя как сфере духовного, работая с душой и разумом, так и занимаясь своей телесностью. Например, интересной особенностью понимания души милетскими философами

является то, что душа была проявлением вещественного, находящегося в жесткой зависимости от тела, поэтому древние греки первоначально связывали воспитание души с приобщением к физическим упражнениям. Не случайно слово «аскеза» — своеобразная техника заботы о душе человека — первоначально имело воинские и спортивные коннотации. Аскеза — это «атлетика» тела и души (духа), поскольку в здоровом теле живет здоровый дух.

В мировоззрении милетцев душа не выступает в качестве уникального «я». Она не отождествляется с неповторимостью и индивидуальностью человеческой природы, а является лишь внутренней силой стихии, одушевляющей все тела природы. Древние философы делают первый шаг на пути осмысления проблемы сознания, они начинают воспринимать душу как источник жизненной силы, приводящей все в движение. Следующим шагом является наделение космоса (природы) разумностью. Разум воспринимается как источник универсальной закономерности и гармонии мира, а не как высший тип мыслительной деятельности человека. Он приобретает статус особого рода бытия. Космический миропорядок раскрывается через гераклитовское понятие «логос», которое обозначает одновременно и слово, мысль, разум, и сущность самих вещей. Логос — воплощение разума в космосе, который обеспечивает порядок в бытии и в сознании человека. Разум человека приобщен к космическому логосу, и его ценность определяется через него. Древнегреческий философ Гераклит показывает зависимость души и разума человека от космического логоса, отмечая, что внутренний мир человека (микрокосмос) идентичен макрокосмосу, поэтому постигать свою душу и собственный разум — это то же самое, что и углублять понимание космического закона — логоса. Логос уравнивает человека, придает его противоречивой природе динамическую гармонию.

Пифагор был первым философом, который стал использовать слово «космос» для обозначения упорядоченного мироздания. Вселенная прекрасна, поскольку в ней господствует порядок и симметрия. Однако красота космоса открывается лишь тому, кто ведет правильный образ жизни, поддерживает порядок и красоту в своей душе. Душа имеет божественную природу, она нематериальна и бессмертна. Душа заключена в тело в наказание за пагубные деяния, которые совершались в предыдущих жизнях. После смерти душа освобождается из

телесной тюрьмы. Если человек жил в гармонии с космическим порядком, вел нравственную жизнь, то он отправляется в лучший мир. Если же душа не стала совершенной и чистой, то она возвращается на землю и вселяется в тела животных и людей, пока не достигнет гармонии. Высшей целью человеческой жизни является освобождение души от власти тела для того, чтобы не допустить последующее перерождение. Данная цель достигается с помощью выполнения морального кодекса «пифагорейского образа жизни». Суть кодекса заключается в соблюдении заповедей и принципов, касающихся правильного питания и нравственной жизни [12, с. 54—55].

Древнегреческий философ Платон, как и Пифагор, рассматривает тело человека как временное вместилище души. Основным местом пребывания души является мир эйдосов. В нем она обретает покой и приобщается к вечным истинам. Метафизические представления о возвращении души в подлинный мир Платон связывает с этической проблематикой. Философ продолжает развивать идею пифагорейцев о зависимости судьбы человека после смерти с его образом жизни. Душа, отягощенная мирскими проблемами, тяжелыми мыслями и неразумными страстями, не может возвыситься и попасть в высший мир. Она будет блуждать вблизи земли, пока не обретет новую темницу — тело человека или животного. К высотам божественного мира идей приближаются только души мудрецов и философов, освободившиеся от телесного рабства.

Платон видит смысл человеческой жизни в заботе о душе. Философская практика заботы заключается в духовном очищении, освобождении от чувственных устремлений. Показывая тщету чувственного существования, он сравнивает душу человека с морским божеством Главком, к телу которого за долгое время пребывания в морских глубинах прикрепились много грязи, песка, ракушек, водорослей. Душа в земном мире пребывает в подобном состоянии. Все телесное и чувственное делает ее тяжелой и бесформенной. Она не узнает себя и нуждается в очищении от всего, с чем срослась в течение многих перевоплощений. Человеческую жизнь, согласно учению Платона, можно рассматривать как развертывание души изнутри наружу. Бытие человека отражает сущность его души, но искаженно. Посмертные переживания могут освободить человека от этих искажений, поскольку смерть обнажает человеческую душу. Человек теря-

ет все ложные опоры, на которых строилась его предыдущая жизнь, оставаясь наедине с самим собой, открывает себя заново.

Древнегреческий философ Платон являлся проводником многих идей Сократа. Его учение показывает, насколько значима рефлексивная деятельность сознания для человека, умение сосредоточиться на себе, направить внимание на внутренний мир. Рефлексивная направленность сознания была выражена в знаменитом изречении дельфийского оракула: «Познай самого себя». Познание своей сущности являлось необходимой предпосылкой духовного роста. Обращаясь к духовному миру человека, Платон и Сократ подчеркивают ведущее значение духовной активности самого субъекта, его способности управлять собой в соответствии с доводами разума, отвечающими нравственным принципам.

Древнегреческий философ Аристотель подразделяет разум человека на пассивный и активный. Человеческий разум, который в своем мышлении опирается на восприятия органов чувств, называется пассивным разумом (потенциальный или практический ум). Он направлен на постижение изменчивого и единичного эмпирического бытия. Это разум, «размышляющий о цели, т. е. направленный на деятельность». Пассивный разум не может функционировать в отрыве от тела, поэтому он обладает смертной природой. Разум, который способен выявлять сущность, делать обобщения, постигать вечное бытие, называется активным разумом (актуальный или теоретический ум) [3, с. 125—126]. Если пассивный разум присущ человеку в большей степени, то активный разум присущ ему в малой степени. Именно активный разум, а не индивидуальная душа, бессмертен. Аристотель считает, что активный разум после смерти человека сливается со вселенским разумом (Нусом), который представляет наиндивидуальное, родовое мышление, способное зажечь индивидуальный разум человека. Задача человека заключается в актуализации активного разума. Мудрец-философ, по Аристотелю, это тот человек, который обладает актуальным разумом. Он подобен богу, являясь чистым созерцателем реальности. В этом созерцании мира, он достигает предела блаженства. Таким образом, этическим идеалом Аристотеля является разумная деятельность, а назначение человека заключается в прекрасном выполнении сознательной деятельности. Посредством созерцания истины, подлинной реальности мудрец достигает блаженства, поскольку он отрешен

от волнений и тревог практической жизни. Созерцательная деятельность разума существует ради себя самой, не стремится ни к какой внешней цели. В этом идеале разумной деятельности воплощена идея, присущая древнегреческой философии — отделение умственного труда от физического, практического, что являлось привилегией свободных людей. Наивысшим образцом созерцательной деятельности Аристотель считает бога, которого он называет совершеннейшим философом.

В период эллинизма получают возрождения некоторые представления о душе, заложенные в досократической и философии античной классики. Так, например, идея Гераклита о существовании Логоса — божественного огня, который обеспечивает миропорядок, находит продолжение в стоицизме. По мысли стоиков, душа человека является одной из разновидностей огненного воздуха — пневмы. Мировая пневма тождественна божественному огню — Логосу, который определяет судьбу всего мира и отдельной вещи. Отсюда вытекает этический постулат стоиков: человек должен жить согласно Логосу, следовать своей природе и покориться своей судьбе. Стоики, как и многие античные философы, проявляли стремление постигнуть закономерности бытия и организовать человеческую жизнь в соответствии с гармоничным порядком природы.

В учение стоицизма находит продолжение тенденция, сформировавшаяся в классической греческой философии. Как и Сократ, и его ученик Платон, стоики возвеличивают разум, утверждая, что человек достигает счастья только тогда, когда знает, в чем оно состоит. Путь к лучшей жизни всегда идет через познание самого себя. Самопознанию мешают аффекты, от которых человека следует излечить, как от тяжелых болезней. Только разум, свободный от любых эмоциональных потрясений, способен трезво смотреть на действительность и правильно руководить поведением человека. Именно это позволяет человеку выполнять свое предназначение, свой долг и сохранять внутреннюю свободу.

Взгляды Платона находит свое продолжение в учении Плотина. Философ отвергает материальность души, считая, что в основе всего сущего лежит духовное первоначало — Единое, которое, изливаясь из самого себя, образует разные уровни бытия. Истечение Единого называется эманацией. В результате эманации Единого появляется все сущее, в том числе и душа человека. Плотин выделяет три важных вектора на-

правленности человеческой души. Первый вектор — устремленность души к Единому, от которого она происходит. Второй и третий векторы направленности человеческой души — это стремление к чувственному миру и обращенность на содержание своего сознания. В философии Плотина познание самого себя образно сравнивается с трудом скульптора. Скульптор стремится придать каменной глыбе красивую форму, отражающую подлинную красоту, также и душа человека стремится придать себе самой духовную (подлинную) форму. Самопознание переживается в аксиологически окрашенном опыте причастности к божественной красоте, затмевающей все мнимые, иллюзорные качества и свойства наших привычных восприятий. Если человек, обратив свой взор внутрь себя, увидит в себе проблески этой красоты, ему следует далее поступать так, как поступает скульптор, придающий красоту статуе, — убирать все лишнее. Что же Плотин подразумевает под ненужным и лишним? Очищение (расширение) сознания предполагает освобождение души от власти тела. Для этого следует отказаться от привычки думать о себе как о сущем, с теми или иными индивидуальными особенностями, которые во многом случайны и никак не характеризуют подлинное сознание, «так как подобные мысли мешают воспарить до того, что выше нас самих» [1, с. 15].

В основу опыта самопознания Плотин положил принцип: «всякая душа является и становится тем, что она созерцает» [1, с. 16]. Человек сам выбирает, на что обращать внимание и чему придавать значение — внешнему, материальному или скрытому, сокровенному, духовному. Плотин отдает предпочтение последнему и предлагает духовное упражнение, с помощью которого душа «лепит» сама себя. Суть упражнения в том, чтобы стать недостижимым для внешнего мира. Для этого нужно добиться внутреннего сосредоточения, только в этом состоянии человеку может открыться его «божественная природа». Однако полностью освободиться от внешнего невозможно, поэтому Плотин предлагает воспринимать «я» как некую промежуточную область между двумя «теневыми зонами»: «жизнью в Боге» и «жизнью в теле». Человек обретает свою подлинность, когда «жизнь в Боге» полностью поглощает все поле сознания, и, таким образом, наше «я» сливается с бытием [5, с. 131].

В классический период античные мыслители раскрывают содержание сознания (разума) через знания, которые человек получает.

Душа (сознание) уподобляется восковой дощечке, на которой отпечатываются как буквы познаваемые объекты окружающей действительности. Важным свойством души (сознания) выступает интенциональность — направленность сознания на исследуемый объект. Однако нельзя отрицать, что уже некоторые философы античности начинают заострять свое внимание на способности души (сознания) сосредоточиваться на внутреннем мире человека.

Особенно четко это прослеживается в рассуждениях Плотина, который выделяет три уровня духовного опыта человека. Первый уровень — высший, где происходит отдохновение в Божественном. Этот уровень достигается, когда человек отрекается от мирского, подавляет потребности тела, становится недостижимым для внешнего мира. На этом уровне «Я» человека живет безмолвной, не сознающей себя жизнью в Едином (Боге). Однако человек не может все время находиться в этом состоянии. Он опускается на второй уровень — уровень рефлексии. Здесь происходит осмысление существования. Человека, находящегося на нем, одолевают многообразие мыслей, помыслов и чувств, которые индивид старается привести в порядок, достичь гармонии между внутренним миром и внешней действительностью. Третий уровень — низший. На этом уровне разумное начало человека подавляется инстинктами и страстями [7, с. 220]. Его «я» растворяется в молчаливой, бессознательной жизни тела.

Практики самопознания и духовного совершенствования в средневековой философии

Философия Плотина оказала существенное влияние на формирование религиозных представлений о том, как человек может познать и усовершенствовать самого себя. Заданная Платином трактовка сознания как медиатора, способного связать душу человека с божественным началом через отречение от внешнего мира, путем полного погружения в духовный опыт человека, подхватывается и развивается в средневековой философии.

Акцентируется внимание на необходимости постижения собственных душевных переживаний для обретения связи с трансцендентным Богом. При этом сознание человека выступает как нечто вторичное. Человек создан по образу Божьему, он должен раскрыть «божественное» в себе, стать тем,

кем он должен быть. Это достигается тогда, когда индивид переживает жизнь своего «я» в Боге. Однако тем самым человек обрекает себя на раздвоенную жизнь, ему постоянно приходится соотносить земное существование с жизнью в Боге.

Этот анализ приводит к пониманию собственной двойственности. Природное и духовное начало человека находятся в постоянном единоборстве. Борьба всегда оборачивается плохим исходом для человека. Победа природного начала приводит к осознанию греха и к чувству вины. Победа духовного начала никогда не является полной и ее достижение предполагает долгий путь сомнений, ограничений и страданий. На этом пути человек осознает груз ответственности за исполнение задач, заданных уже на сущностном уровне Богом. Он понимает необходимость отречения от мирских соблазнов для полного раскрытия духовного начала.

Впоследствии, в девятнадцатом веке, философ С. Кьеркегор раскроет одну из основных проблем религиозного сознания — невозможность в полной мере проявить свою духовность. Находясь в мире, человек живет в условиях греха, он осознает, что не может жить исключительно духовными ценностями, в соответствии с выбранными высокими идеалами. Он понимает, что не в силах одиночку преодолеть свою греховность, поэтому обращается к Богу, открывающему для человека истинный смысл существования [2, с. 710—711]. С одной стороны, сознание дает возможность человеку установить необходимую связь с Богом и спастись, с другой — оно является для человека наказанием, поскольку именно благодаря ему человек постигает свою греховность, испытывает чувство вины, поэтому религиозные мыслители воспринимают сознание как тяжелый крест, который человек всегда носит с собой. Сознание приводит к тому, что человек начинает стыдиться своих природно-телесных свойств и влечений к земным радостям. Он понимает тяжесть ответственности за выбор между духовным и телесным, возвышенным и низменным.

Являясь причиной разлада с естеством человека, сознание приводит к страданиям. Ни одно существо в мире не испытывает этого разлада. Животные, не имея самосознания, живут в гармонии с внешним миром, но человек благодаря сознанию выходит из животного царства, из первоначального единства с природой. Перед человеком открывается единственный путь — развитие собственного разума (сознания) для установ-

ления гармонии человеческих отношений вместо потерянной природной гармонии [10, с. 20]. В христианстве описывается способ достижения гармонии человеческих отношений через любовь к Богу и к каждому его творению. Однако редко, когда этот способ реализуется в полной мере. Как отмечает Л. Фейербах, для людей чувство любви проще и легче выразить в виде любви к Богу, так как предел совершенства легко любить, а человека с его достоинствами и недостатками любить трудно, но этому следует учиться. Любовь человека к человеку и есть религиозная чувство, которое должно лежать в основе нашей жизни [8, с. 244].

Таким образом, сознание для человека Средневековья — это не только дар, но и наказание. Это мысль передается в метафорической форме в библейском сказании о первородном грехе Адама и Евы, которое является неотъемлемой частью средневекового мировоззрения. Психолог Э. Фромм проводит современную интерпретацию сказания. После того как Адам и Ева вкусили плод с древа познания добра и зла, их глаза на мир открылись они стали знающими. Совершение первородного греха является символом перехода из первоначальной животной гармонии к осознанию самих себя и мира. С того момента, когда человек стал «знающим», в мир входит грех и зло. Они появляются потому, что Адам и Ева начинают мыслить в этических категориях добра и зла. Сознание дало возможность посмотреть на себя со стороны и дать себе оценку. Сорвав запретный плод, Адам устыдился, что наг. Его стыд является оповещением об отдалении человека от вечности и Бога, оповещением о сознании.

Посредством сознания Адам и Ева обнаруживают свою обособленность от мира и друг от друга, между ними устанавливается стена непонимания, они испытывают острое одиночество. Обнаружив свою отдельность и свое различие из-за принадлежности к разным полам, они становятся чужими, потому что еще не научились любить друг друга. Это видно по поведению Адама, который защищает себя перед Богом, обвиняя во всем Еву. Осознание человеческой отдельности без воссоединения в любви является источником стыда, вины и тревоги [10, с. 17].

Первородный грех, приведший к появлению сознания, есть отдаление от вечности. Раньше, находясь в единстве с природой, человек не осознавал необратимость времени, теперь же с помощью сознания он понимает, что прошлое не вернуть, его можно лишь воссоздать в акте мышления.

Сознание живет во времени и всегда отстает от его стремительного хода, так как оно познает мир и духовный опыт индивида с некоторым опозданием. События всегда происходят быстрее, чем включается сознание, настоящее постоянно убегает от человека. Настоящее становится эфемерным, мгновенно превращаясь в часть прошлого. Человек глубоко осознает трагизм временности, незримое присутствие смерти в каждом моменте жизни, конечность своего бытия и свою отделенность от вечности.

Мысли о конечности бытия заставляют человека задуматься о смысле своего существования. Человек эпохи Средневековья верил в существование Бога, который создал человека по образу и подобию своему и наделил его бессмертной душой. Земная жизнь представляется ему как приготовление к жизни небесной. Она является испытанием для человека, поскольку за время пребывания в мире он должен посвятить себя очищению души от всего греховного. Смысл земного пребывания сводится к тому, чтобы посеять в душе зерна вечности во имя спасения и обретения блаженства в загробном мире. Феофан Затворник отмечает, что вкладом в вечность является всякое доброе дело мирской жизни. Из всех таких вкладов составляется общий капитал, проценты с которого и будут определять содержание вкладчика во всю вечность. Кто больше пошлет туда вкладов, того содержание будет богаче; кто меньше, того и содержание будет менее богато. Господь всякому воздаст по делам его [9].

Таким образом, спасение для человека эпохи Средневековья заключается в духовном совершенстве. Образцом совершенства выступает Иисус Христос. Чтобы стать ближе к эталону совершенства средневековому человеку необходимо посвятить земное существование выполнению воли Божией, выраженной в заповедях. Путь спасения заключается не только в следовании предписаниям Бога, но и в осознании своей греховности, в желании искупить грехи, воспитать в себе добродетели, которые направят на совершение богоугодных дел. Религиозная установка на исправление греховной природы человека способствовала интенсивному развитию личностного самосознания человека.

Формируется интроспективная концепция сознания, в котором понятие внутреннего опыта становится основным. Это духовное измерение человеческого бытия Августин Аврелий называет «внутренним человеком», которого в себе открывает

индивид благодаря постоянной устремленности души к Богу [6, с. 301—303]. Душа человека для Августина Блаженного — это самобытная субстанция, которая не является свойством тела, поскольку она не содержит в себе ничего материального. Она способна к мышлению, волеизъявлению, запоминанию, но не имеет ничего общего с физиологическими функциями тела. От тела душа отличается бессмертием и совершенством. Это совершенство души человека происходит от Бога. Превосходство души над телом требует, чтобы человек заботился о душе, подвывая свои чувственные стремления.

В религиозных культурах становится актуальной практика внутреннего сосредоточения на себе, которая могла реализовываться через молитву и исповедь. Молитва помогала погрузиться во внутреннюю жизнь души, отключиться от потока чувственных восприятий и диктата тела, а в исповеди делался акцент на рефлексивной работе человека и духовной борьбе с низменными проявлениями человеческой природы. Через исповедь индивид прояснял свое внутреннее состояние, осознавал свои страсти, признавал прегрешения и разоблачал эгоистические желания перед Богом и перед другими людьми, но прежде всего перед собственной совестью, которая нередко выступает самым строгим судьей помыслов и поступков. В исповеди проявляется желание человека вырваться за пределы мучительных мыслей, очиститься от всего темного и зловредного разъедающего душу человека.

Кроме того, феномен исповеди отражал установку средневекового человека на «судебное мышление», согласно которому человек мыслил. Средневековый человек считал, что на протяжении всей его жизни против него накапливаются улики — совершенные им грехи, освободиться от которых можно только с помощью исповеди, раскаявшись о содеянном. Исповедь передавала раздвоенность мышления человека эпохи Средневековья. Исповедуясь, он выступал одновременно в двух ролях: в роли обвиняемого и обвинителя. Как обвинитель человек должен был вспомнить все свои грехи, как обвиняемый он обязан произвести анализ своего поведения перед лицом представителя Бога — исповедника — и покаяться.

М. Фуко отмечает, что в раннем христианстве покаяние имело демонстрационный характер, человек, прежде всего, должен был показать свою греховную суть людям. Исповедуясь, он обнажал свой стыд, доказывал страдания и являл смирение и раскаяние. Публичное покаяние позволяло восста-

новить чистоту, обретенную при крещении [11, с. 117]. Такая практика исповеди предполагала развитие умения расшифровывать собственные внутренние мысли, отличать благостные мысли, ведущие к Богу, от порочных, злых мыслей, уводящих от него. Цель покаяния — осознание душевных падений, которое необходимо для разрыва связи со своим прошлым «я» [11, с. 118].

Во времена Средневековья исповедь была представлена не только как часть религиозного образа жизни, но и как литературный жанр. «Исповедь» Августина Блаженного является примером такого вида искусства, в котором автор повествует не только о грехах, заблуждениях, сомнениях и о победах своего духа, но и раскрывает в целом сущность человека. В своем произведении Августин Аврелий проводит глубокое и тонкое философское осмысление внутренней жизни. С одной стороны, мы видим, как философ показывает мельчайшие движения своей души, с другой — жизнь религиозного мыслителя выступает как притча о человеке, в которой за индивидуальным скрывается всеобщее, роднящее всех людей. Все люди братья, так как являются детьми Господа Бога, который наделил людей одной и той же богоподобной природой. Поэтому судьба одного человека может быть поучением для другого, знакомство с жизненным опытом одного открывает возможность самопрояснения для другого [4, с. 5—6].

Исповедь приобретает черты личных дневников, в которых налаживается связь с душой через осмысление собственных поступков и жизни в целом. Если раньше исповедь могла освободить от тяжести вины за содеянный грех, когда через словесное признание человек получал облегчение и испытывал духовный подъем, то теперь исповедь стала выполнять не только роль спускающего клапана для выхода тяжелых переживаний, но и психотерапевтическую функцию. В исповеди человек пытался посмотреть на себя со стороны, обнаружить противоречие в мышлении, прояснить чувства и мотивы поступков, исключив незначительные утаивания. Все это приводило к осознанию и решению душевных проблем и способствовало исцелению. Человек духовно преображался, обретал цельность и полноту личности.

Заключение

В античной и средневековой философии можно обнаружить практики самопознания, которые имеют много общего. Первона-

чально в античной философии господствовало синкретичное представление о душе и теле, но уже в учении Пифагора и Платона душа перестает быть безличной, она становится индивидуальной. Изменяется само понятие души, оно сужается до отражения идеальных, метафизических и этических проблем существования человека.

Философы обнаруживают непосредственную связь между знанием самого себя (своей души) и счастьем, осознают необходимость изучения внутреннего мира человека. Сущность человека определяется через разумную деятельность души в мире, которая осуществляется в соответствии с этическими нормами. Сама разумная деятельность души неразрывно связана с процессом познания, так как знание добродетели дает возможность вести осмысленную правильную жизнь, быть счастливым человеком. Кроме того, разумная деятельность души должна быть согласованна с законами космоса (природы), которые человек должен познавать, проникаясь уважением.

Космосу придается образ изящного пропорционального сооружения, в котором каждая деталь находится на своем месте. Он неизменен, устойчив, совершенен благодаря своему порядку. Человек познает законы космоса, стремясь стать причастным ему, поскольку только человек, живущий в ладу с космическими законами и собственной природой, может обрести счастье. Следовательно, познание и самопознание были необходимыми интеллектуальными практиками, связанными с постижением гармонии космоса для привнесения гармонии в собственную жизнь. Постигание мира и самого себя давало возможность найти свое место в космосе, обрести душевное спокойствие.

Все это в целом заложило общую для западной философии тенденцию соотношения и даже отождествления разумной души (сознания) человека с процессом познания и самопознания. Разум (сознание) мыслится управляющим центром и является главным арбитром в вопросах истины познания и подлинности жизни. Такое понимание значения разума находит отражение в христианской культуре. Здесь человеческий разум рассматривается в качестве крохотной «искорки» всепроникающего божественного сознания. Сознание человека не мыслится отдельно от души, оно является ее частью. В душе человека всегда присутствует внутренняя напряженность и противоречивость, которые проявляются в спонтанной активности в виде актов своеволия, следования страстям и низменным желаниям.

Однако душа способна прислушаться к своему разумному началу, которое выводит личность из греховной инерции и тем самым «спасает» душу человека. Августин Блаженный отмечает, что для человеческого спасения темные бездны души должны наполниться божественной благодатью. Именно она направляет человека на путь самопознания. В опыте самоуглубления человек обретает связь с всевышним разумом и постигает знания, которые изначально заложены в него Богом.

В христианской культуре самопознание связано со спасением души человека. Человек должен сосредоточиться на своих душевных переживаниях. Сначала эта потребность аккумулировалась и поддерживалась необходимостью общения с Богом с помощью молитвы и исповеди. Практика исповеди стимулировала рефлексивную деятельность сознания, развивала умение совершать самоанализ, осуществлять нравственный самоотчет. Человек осознает в полной мере ценность духовных переживаний, которые он испытывает, молясь или исповедуясь. Если античные мыслители часто соотносили сознание со знанием о внешнем мире, то теперь средневековые философы трактуют сознание, прежде всего, как знание о содержании собственного духовного опыта. Переживания души становятся главным предметом внимания философов.

1. Адо П. Плотин, или Простота взгляда . М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 142 с.

2. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 1. М. : Мысль, 1969. 576 с.

3. Аристотель. О душе // Сочинения : в 4 . Т. 1. М. : Мысль, 1976. С. 371—448.

4. Блаженный Августин. Исповедь. СПб. : Наука, 2013. 376 с.

5. Богданова В. О. Практика феноменологической редукции в философском осмыслении сознания: компаративистский подход // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 128—133.

6. Мотрошилова Н. В. История философии: Запад — Россия — Восток. Кн. 1. Философия древности и Средневековья. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2000. 480 с.

7. Плотин. О благе или едином // Логос. 1992. № 3. С. 213—228.

8. Фейербах Л. Сущность христианства. М. : Мысль, 1965. 416 с.

9. Феофан Затворник. Дети в храме Божиим // Домашняя беседа. 1873. Вып. 10. С. 230—231.

10. Фромм Э. Искусство любить. М. : АСТ-Москва, 2010. 223 с.

11. Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 96—122.

12. Ямвлих. О Пифагоровой жизни. М. : Алетейа, 2002. 192 с.

References

1. Ado P. (1991) *Plotin, ili prostota vzglyada*. Moscow, Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina Publ., 142 p. [in Rus].
2. *Antologiya mirovoj filosofii* (1969). T. 1. Ch. 1. Moscow, Mysl' Publ., 576 p. [in Rus].
3. *Aristotel' (1976). O dushe // Sochineniya: v 4 t.* T. 1 Moscow, Mysl' Publ., pp. 371—448 [in Rus].
4. *Blazhennyj Avgustin* (2013). *Ispoved'*. St. Petersburg, Nauka Publ., 376 p. [in Rus].
5. Bogdanova V.O. (2017) *Socium i vlast'*, no. 5 (67), pp. 128—133 [in Rus].
6. Motroshilova N.V. (2000) *Istoriya filosofii: Zapad — Rossiya — Vostok. Kniga pervaya: Filosofiya drevnosti i Srednevekov'ya*. Moscow, Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina Publ., 480 p. [in Rus].
7. Plotin (1992). *Logos*, no. 3, pp. 213—228 [in Rus].
8. Fejerbakh L. (1965) *Sushhnost' khristianstva*. Moscow, Mysl' Publ., 416 p. [in Rus].
9. Feofan Zatvornik (1873). *Domashnyaya beseda*, vyp. 10, pp. 230—231 [in Rus].
10. Fromm E. (2010) *Iskusstvo lyubit'*. Moscow, AST-Moskva Publ., 223 p. [in Rus].
11. Fuko M. (2008) *Logos*, no. 2 (65), pp. 96—122 [in Rus].
12. Yamvlikh (2002). *O Pifagorovoj zhizni*. Moscow, Aleteja Publ., 192 p. [in Rus].

For citing: Bogdanova V.O. Practices of self-knowledge in ancient and medieval philosophy // *Socium i vlast'* 2019. № 3 (77). P. 85—94.

UDC 130.121

PRACTICES OF SELF-KNOWLEDGE IN ANCIENT AND MEDIEVAL PHILOSOPHY

Veronika O. Bogdanova,

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Associate Professor of the Department Chair of Philosophy and Cultural Studies, Cand.Sc. (Philosophy), The Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 69. E-mail:verovictory@mail.ru

Abstract

The subject of the study is philosophical practices of self-knowledge, which were used in ancient and medieval philosophy. Self-knowledge required a lot of effort and the ability to look at your experience in different perspectives. On the one hand, introspection had to be carried out simultaneously in the perceived mental state, on the other hand, the cognizing subject should not be dominated by this state at the moment of observation, therefore ancient and medieval thinkers carried out the process of self-knowledge by establishing control over soul affects through the activity of the mind. Both ancient and medieval thinkers saw the unity between the process of self-knowledge and the improvement of body and spirit (soul). Self-knowledge was experienced in the axiologically colored experience of participating in the transcendental (Logos, the One, God), which guides a person to spiritual perfection.

Key concepts:

self-knowledge
introspection,
philosophical practices
consciousness,
soul,
austerity,
confession.

Для цитирования: Дядык Н. Г., Конфедерат О. В. Концептуальный фильм как форма философствования (экзистенциальная проблематика фильмов В. Вендерса) // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 95—106.

УДК 140.8

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ КАК ФОРМА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ (ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ФИЛЬМОВ В. ВЕНДЕРСА)

Дядык Наталья Геннадьевна,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
кандидат философских наук,
старший преподаватель,
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 69.
E-mail: djadykng@cspu.ru

Конфедерат Ольга Владимировна,
Челябинский государственный университет,
доцент кафедры всеобщей истории,
кандидат культурологии,
Российская Федерация, 454001,
г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.
E-mail: olga.confederat@yandex.ru.

Аннотация

Введение. Философствование имеет разные виды и формы. Наряду с рационально-научным стилем философского мышления существует также художественно-эстетический стиль философствования, берущий свое начало от философии Ф. Ницше, С. Кьеркегора, экзистенциалистов и особенно характерный для постмодернистского философского дискурса. Философские идеи могут открываться не только философами-профессионалами, но также содержаться в произведениях искусства. Современная философия все больше тяготеет к дискурсу художественному, когда окольными путями философствования становятся литература, кинематограф, искусство. Искусство в целом и концептуальное кино в частности оказываются одним из художественных способов философствования, требующим философской рефлексии. Изучение концептуального фильма как формы философствования помогает прояснить сходство и различие между философией и искусством, оно имеет и педагогическое значение, поскольку позволяет продемонстрировать учащейся аудитории, что философия является делом не только

профессиональных мыслителей, но каждого мыслящего человека. Философские проблемы, облаченные в визуальные образы, становятся более доступными для осмысления современному человеку.

Цель. Провести философский анализ концептуального фильма как формы философствования на материале фильмов немецкого кинорежиссера В. Вендерса.

Методы. Общенаучные методы: анализ и синтез, индукция, дедукция, абстрагирование. При анализе концептуальных фильмов В. Вендерса мы использовали герменевтический и феноменологический методы, семиотический подход.

Научная новизна. Концептуальный фильм рассматривается не как киноведческий или культурологический феномен, как это принято традиционно, а как форма философствования автора-режиссера и реципиента, который его воспринимает. Концептуальный фильм является средством погружения реципиента в состояние философствования и актуализации его экзистенциального опыта.

Результаты. В ходе исследования был проведен философско-семиотический анализ фильмов В. Вендерса по следующим уровням смысла: событийный, культурно-исторический, мировоззренческий и философский.

Выводы. Концептуальное кино является художественной формой философского вопрошания, погружающего реципиента в состояние философской рефлексии. В силу своей смысловой неопределенности концептуальный фильм требует осмысления, а все, что требует осмысления, дает возможность мыслить и философствовать. Онтологическая неопределенность является одним из главных условий философствования в концептуальном кинематографе. Концептуальные фильмы В. Вендерса посвящены философскому анализу проблем идентичности, истины, феномена и явления, проблемы заброшенности и одиночества человека, бессмысленности и неопределенности человеческого существования, проблемы любви и свободы, проблемы альгодицеи, поэтому можно судить о творчестве В. Вендерса как о визуальном философствовании, а самого его определять как режиссера-экзистенциалиста.

Ключевые понятия:

концептуальный фильм,
экзистенциализм,
концепт,
экзистенциальная альгодицея,
идентичность.

Введение

Искусство в целом и кино в частности являются сходными с философской практикой постановки философских проблем, ориентированных на предельные состояния мышления в форме вопрошания, особенно это характерно для концептуального кино. Под концептуальным кино мы понимаем направление кинематографа, для которого целью искусства является передача идеи режиссера или концепта, имеющих философский характер. Концептуальное кино также часто называют интеллектуальным, авторским, артхаусным, поскольку оно обращается прежде всего не к эмоциональному восприятию, а к интеллектуальному осмыслению увиденного. Таковы фильмы А. Тарковского, М. Антониони, Я. Одзу, Д. Джармуша, В. Вендерса, Г. Ван Сента, Л. фон Триера, А. Сокурова и многих других философствующих режиссеров. В концептуальном кинематографе предметом наблюдения является духовная реальность персонажей, их ментальные состояния, что превращает его в способ философствования. По мнению Ж. Делеза, зрелище физического мира сменяется в новом послевоенном кино зрелищем мира ментального [4, с. 293]. По Делезу, кино имеет смысл для философии, позволяя окольным путем прийти к созерцанию истины и Единого [4, с. 293]. Концептуальное кино, таким образом, является художественной формой философского вопрошания, погружающего реципиента в состояние философской рефлексии, изучению концептуального фильма как формы философствования посвящена данная статья.

Сутью философии является работа с особыми метафизическими объектами, которые не могут быть даны в рамках физического опыта, являются мыслительными конструктами (концептами), образуют платоновский «мир идей» или попперовский «третий мир». Средством репрезентации предмета философских исследований является особый символический язык. Таким образом, философия работает с символами, то есть такими видами знаков, которые характеризуются минимумом денотативности и максимумом смысла. Философ, рассуждая на самом абстрактном уровне, мыслит о том, для чего трудно найти соответствующий знак в естественном предметном языке, поэтому он вынужден создавать собственный язык, фундамент которого составляют философские категории и концепты. Сутью философии, по мысли Делеза и Гваттари,

выступает расчленение образов вещей и явлений, до этого трактованных концептуально целостными. С точки зрения названных авторов, главное в философском творчестве — это нахождение понятийных средств, адекватно выражающих силовое многообразие и подвижность жизни [5, с. 87]. В этом смысле философия предстает как познание мира при помощи ментальных концептов, как искусство формировать, избирать, изготавливать концепты.

Искусство в целом и кино в частности — это также способ познания мира при помощи образов или концептов. Кино как способ познания мира оперирует кинематографическими образами, которые представляют собой сложные смысловые конструкции, подобные философскому концепту или афоризму, заключающему в себе эксплицитный и имплицитный смыслы, о чем мы писали ранее [6]. Концептуальное кино подобно афоризму, который расширяет простор мысли, оно заставляет нас мыслить, открывая нам иное. Афоризм как знак открывает пространство смысла, лежащее за пределами буквального понимания. Его означаемое принадлежит к порядку познаваемого, а познание в свою очередь «подчиняется закону поступательного движения, перехода с уровня на уровень, когда уровни надстраиваются друг над другом» [6, с. 75]. Смысл концептуального фильма, как и афоризма, быть понят только в результате интеллектуального усилия, в котором мы переходим от уровня буквального понимания к более глубокому уровню смысла: мировоззренческому и философскому. В силу своей смысловой многогранности концептуальный фильм, как и афоризм, требует осмысления, а все, что требует осмысления, дает возможность мыслить и философствовать. В концептуальном фильме, имеющем многоуровневую смысловую организацию, на визуальном пространстве означаемого создается сгущение смыслов, которые становятся доступны в результате самостоятельного размышления, актуализируя собственный экзистенциальный опыт интерпретатора. Смысл в концептуальном фильме балансирует на границе понимания и непонимания, что можно обозначить как онтологическую неопределенность, которая является условием, инициирующим акт философствования. Таким образом, кинематографическим образом это тоже своего рода афоризм или концепт, созданный средствами кинематографа и требующей философской рефлексии.

Концептуальный фильм как «окольный путь» философствования

Рефлексия, вызванная кинематографическим образом, погружает нас в состояние философской задумчивости, когда субъект отрешается от своего повседневного бытия и погружается в состояние, которое Хайдеггера называет «в-себе-самом-себя-нахождением» [15]. Если рассматривать экранный образ (фотографический, кинематографический, телевизионный, компьютерный) как инструмент и одновременно поле развертывания наличных и потенциальных, психофизических и метафизических свойств и качеств человека, то каждый элемент этого образа своим устройством сцепляется с определенным уровнем или областью нашего сознания и вовлекает их в заранее рассчитанное движение. Высокая степень жизнеподобия делает практически незаметным механизмы сцепления. Экран «втягивает» нас так же естественно, как реальность, но с большей силой, поскольку делает это преднамеренно, отбирая и komponуя наиболее attractive способы вовлечения. Коммерческий фильм делает это интенсивнее, ориентируясь на определенное количество наиболее простых и безотказных перцептивных зон зрителя, на основные модусы его метафизики: страх и смех. Фильм концептуальный заинтересован в целенаправленном поиске и выборе более тонких и глубоких материй нашего существа, либо, напротив, в обнаружении тех наших свойств, которые изолируются и умалчиваются по правилам культуры только лишь потому, что нет метода их «очеловечивания». Искусство по мере сил разрабатывает такие методы. По мнению М. Мерло-Понти, спецификой кинообраза является его способность «быть воспринятым спонтанно, в перцептивной целостности с которым мы соприкасаемся всей поверхностью нашего существа» [13]. Однако концептуальный фильм не ограничивается феноменологической отзывчивостью, к каким бы метафизическим открытиям ни приводил этот путь. Особенностью кино, на наш взгляд, является то, что оно способно создать чистую экзистенциальную ситуацию «устремленности к...», «наблюдения за...», «прислушивания к...», «отношения к...» без какой бы то ни было мыслимой определенности этого отношения и устремления. «Человек с его преднамеренным вниманием и осмысленным взглядом может быть вынесен кинематографом за пределы диалогической ситуации: функцию

наблюдения и отношения возьмет на себя аппарат, механически-оптическое приспособление. <...> Моделируя впервые возникновение отношения (миг, когда оживает до сих пор мертвый и безгласно-слепой механизм), кино тем самым позволяет нам пережить то, чего не хранит наше сознание — миг вступления в сознание, миг нашего возникновения на границе перехода из небытия в бытие, схваченный одновременно в этих двух состояниях», — пишет О. В. Конфедерат [9, с. 21]. Таким образом, концептуальное кино оказывается еще одним «окольным путем» философии, каким была, с точки зрения А. Бадью, поэзия для философской мысли XIX века [1, с. 17]. Рассмотрим, как концептуальный фильм становится формой философствования на материале фильмов признанного мэтра концептуального и архаусного кино, немецкого кинорежиссера-экзистенциалиста Вима Вендерса¹.

Онтологическая неопределенность как условие философствования в концептуальном кино. Концептуальный фильм как многоуровневая семиотическая система

При анализе фильмов В. Вендерса мы будем исходить из следующего теоретического положения: произведение искусства диалогично по своей сути, художественный текст, коим является и концептуальный фильм, обладает качествами послания, смысла, соотношенного со знаками письма, которое может быть прочитано в ситуации готовности к диалогу зрителя и автора. Однако, встречаясь с произведением концептуального искусства, мы вместо ожидания того, что к нам обратятся на понятном нам языке, испытываем противоположное чувство «непонятности», онтологической неопределенности², которое становится одним из главных условий философствования

¹ Вим Вендерс — немецкий режиссер, родившийся в 1945 году и продолжающий снимать по сегодняшний день. Его культовыми фильмами стала диалогия «Небо над Берлином» (1987) и «Так далеко, так близко» (1993). По своему смысловому содержанию фильмы Вендерса имеют философский характер.

² Об онтологической неопределенности подробнее можно прочитать в главе «Нерефлексивность — переходность — неопределенность. Антропологический и эстетический аспект неопределенности в философии XX века» книги Конфедерат О. В. Прозрачный кадр. Концептуальный фильм как опыт нерефлексивной антропологии. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 23—108.

в концептуальном кино, ибо зачем вопрошать, если и так все понятно. Под онтологической неопределенностью мы понимаем состояние философского вопрошания, характерное для антропологии Хайдеггера. Неопределенность у Хайдеггера есть элемент вопросительной ситуации. Вопрос задается о бытии, но задается он таким образом, что становится вопросом о человеке, обращенным человеком своему собственному бытийствующему существу [15, с. 398]. Концептуальный фильм, по нашему мнению, — это визуальный способ всматривания в бытие, форма философского вопрошания о бытии.

Онтологическая неопределенность может быть драматургически разработанной ситуацией персонажа. Но и сам фильм, его материя и устройство могут моделировать вопросительную неопределенность, которая становится в таком случае ситуацией зрителя, его философской проблемой, его вовлеченностью в акт «в-себе-самом-себя-нахождения». Фильмы В. Вендерса интересны своей драматической двойственностью. Они повествуют об актах философского вопрошания, совершаемых персонажем: фотографом («Алиса в городах»), кинорежиссером («Положение вещей»), бродягой («Париж, Техас»), писателем («Хэммет»), ангелом («Небо над Берлином»), — и одновременно сами становятся таким актом для режиссера и зрителя.

Особенностью искусства в целом и кинематографа в частности является многозначность. Истинное произведение искусства всегда многозначно. По Ю. М. Лотману, художественный текст «предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [12, с. 159]. Исходя из этого, концептуальный фильм как семиотический текст — это многоуровневое смысловое образование, одним из глубинных уровней смысла в нем является философский уровень, интерпретация которого возникает в ходе философской рефлексии. А. Кудрявцев предлагает использовать методику трехуровневого анализа для интерпретации художественного текста, заключающуюся в выделении событийного, социального и философского уровней смысла в тексте [10]. Мы предлагаем расширить данную методику также мировоззренческим уровнем смысла, поскольку произведение

искусства — это всегда отражение мировоззрения творца, нельзя творить в отрыве от мировоззрения и вопреки ему, предлагаем также заменить формулировку социальный уровень смысла на культурно-исторический, которая кажется нам более корректной. Итак, для того чтобы понять, почему концептуальный фильм является формой философствования, проведем философско-семиотический анализ фильмов В. Вендерса по следующим уровням смысла: событийный, культурно-исторический, мировоззренческий и философский¹.

Проблема идентичности в фильмах В. Вендерса

Героями Вендерса часто являются путешественники и странники, которые колесят по дорогам в поисках какой-то недостижимой для них цели, пытаются обрести самих себя и смысл своего существования. Одним из ранних фильмов В. Вендерса является фильм «Алиса в городах» (1973). Событийный уровень фильма состоит в том, что журналист Филипп Винтер получил задание от газеты — написать статью об американской природе. С этой целью он отправляется путешествовать по Америке, захватив свой «Полароид», чтобы делать идилические карточки размеренных урбанистических пейзажей. Однако, герой никак не может закончить задание, очевидно, что он переживает какой-то внутренний кризис, связанный с утратой чувства самости. На время он забывает журналистику в заботах о случайной маленькой спутнице девочке Алисе, которую надо из Америки доставить к бабушке в Германию. Герой не просто путешествует по Европе с маленькой девочкой Алисой, имя которой тоже неслучайно и отсылает нас к другой Алисе — героине сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес», тоже совершающей необычное путешествие, не лишённое философского смысла. Он не столько совершает реальное физическое путешествие, сколько путешествие духовное, к своему внутреннему «я», путешествие в поисках идентичности.

Итак, второй уровень смысла В. Вендерса — культурно-исторический — это западная Европа 1980-х гг. Видно, что уклад американской жизни раздражает немца, телевидение и радио раздражают засильем назойли-

¹ Заранее оговорим, что в некоторых фильмах философский и мировоззренческий уровни смысла будут совпадать, поэтому мы будем использовать формулировку философско-мировоззренческий уровень смысла.

вой рекламы. Скучные виды, автозаправки и придорожные кафе, которые демонстрирует Вендерс из окна автомобиля вместо привычных красот, — очень рифмуются с состоянием журналиста Филиппа Винтера и девочки Алисы. Каждый из них переживает чувство экзистенциальной заброшенности и одиночества, которые вдруг синхронизируются совершенно иррациональным способом. Взрослый мужчина переживает свою «заброшенность», потому что он одинок и не понят, потому что находится в поиске смысла своей жизни. Этим философом чувством объясняется стремление Филиппа Винтера «завершить» себя в акте идентификации посредством постоянного фотографирования того, что он видит, в его стремлении к сообществу с миром как собранием всевозможных ответов на вопрос «что есть я?». Девочка Алиса ощущает свою «заброшенность», потому что ее бросила мать в незнакомой стране с незнакомым человеком.

Исходя из идеи о диалогичности художественного текста М. Бахтина, можно заключить, что если зритель входит в резонанс с внутренним состоянием героев фильма, то он может интерпретировать и смысл концептуального фильма, погружившись в состояние философствования. А если зритель не попадает в состояние героев фильма, сначала очень далеких, а затем сближающихся и снова расходящихся, то кино может показаться просто бессвязным и скучным. Так что вопрос интерпретации концептуального фильма зависит от внутреннего состояния зрителя, которое проявляется на экране так же, как кинообразы проявляют свое «послание» в сознании воспринимающего. Здесь уместно вспомнить М. Бахтина, для которого текст есть «ноэма», смысл которой возникает во встрече двух интенций субъекта-автора и субъекта-интерпретатора: «Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [2, с. 477].

С точки зрения мировоззренческого уровня смысла, главный герой отражает некоторые особенности самого Вендерса, — его нелюбовь к написанию сценария, разрушение сюжета и при этом постоянное желание снимать. Филипп Винтер снимает не потому, что невротик, дело в другом: эти полароидные фотокарточки удостоверяют, что он вообще где-то есть, они являются свидетельством того, что он действительно живой. Здесь возникает экзистенциальная проблема поиска идентичности, характерная для фильмов Вендерса. Филипп Винтер

фотографирует, как дышит. Моментальный снимок — продолжение его взгляда, что-то такое специальное, единственное, на что он способен. Так снимок, где Филипп Винтер и Алиса вместе снимаются, кривляясь в фотобудке, остается с ними как свидетельство их душевной близости в общем кризисе экзистенциальной заброшенности.

От мировоззренческого уровня смысла мы переходим к уровню философскому. Алиса — это тот самый внутренний ребенок Филиппа Винтера и зрителя, который есть в каждом из нас. Научиться видеть мир таким, каков он есть, пережить мгновение чистой бытийности как истины, увидеть в окружающем нечто подлинное, не заданное, не искаженное интерпретациями — вот цель главного героя и режиссера, которую, надо сказать, он прорабатывает из фильма в фильм. Такой чистый взгляд на мир, с точки зрения В. Вендерса, присущ ребенку. Постепенно Филипп Винтер научается у Алисы чистому детскому взгляду и в финале вместе с нею беспечно созерцает просторы сельского ландшафта, высунувшись из окна скорого поезда.

На философском уровне в фильме, исходя из вышесказанного, поднимается проблема познаваемости мира, соответствия того, что мы видим или отображаем, реальному миру, проблема феномена, видимости и явления. Видим ли мы мир таким, каков он есть на самом деле (феномен), или эта всего лишь наша проекция, как в случае с фотоаппаратом (явление и видимость). Здесь возникает аллюзия из мифа Платона о пещере, где реальность — всего лишь тени на стене пещеры, а зрители находятся в оковах своей телесно-перцептивной способности. Лишь философу, ребенку и творцу дано освободиться от оков и увидеть мир в его подлинном виде, в его феноменальном «себя-в-себе-самом-показывании», как сказал бы Хайдеггер [15]. Фильм Вендерса «Алиса в городах» провоцирует зрителя поставить перед собой те же экзистенциальные вопросы, что стоят перед его героем: как я воспринимаю окружающую действительность, отличается ли мое восприятие жизни чистой и новизной мироощущения ребенка, что я могу сделать для того, чтобы это было так, кто такой вообще я и для чего я живу.

Истинно знать и истинно быть для Вендерса являются взаимодополняющими состояниями, определяющими идентичность субъекта. Уместно было бы здесь обратиться к П. Рикеру, выделяющему два уровня идентичности: 1) «идентичность» — тождественность (*idem*) и 2) самость (*ipse*) [14].

Несмотря на то что тождественность вроде бы легко передается кинематографически и фотографическими изображениями, самость все время ускользает, погоня за ней становится лейтмотивом творчества Вендерса и его стимулом¹. Творческое кредо В. Вендерса звучит следующим образом: «я хотел бы снимать фильмы, как будто открываешь глаза и просто смотришь на мир, не стараясь ничего доказать» (из саундтрека к фильму В. Вендерса «Токио-Га»). Жизненный мир, несмотря на все попытки режиссера передать его при помощи технических средств, все время ускользает от него. Здесь можно провести параллель с творчеством бельгийского художника-сюрреалиста Р. Магритта, который считал, что никакая виртуозность кисти и точность наблюдения не способны отобразить на полотне реальный физический объект. Целью Вендерса, как и Магритта, является визуализация незримого, каждый из них при помощи своего арсенала средств пытается сделать мысли видимыми, и в этом отношении концептуальный фильм становится формой философствования.

Концептуальный фильм как способ всматривания в бытие

Поиск идентичности и другие экзистенциальные проблемы находят дальнейшее развитие в фильме В. Вендерса «Положение вещей» (1982). На событийном уровне речь идет о фильме в фильме: съемочная группа прерывает съемки фильма «Выжившие» из-за пропажи продюсера и прекращения финансирования картины. Режиссер фильма Фридрих Мунро стоически терпит вынужденное бездействие, а в финале отправляется в Голливуд на поиски продюсера, где погибает от пули киллера. На культурно-историческом уровне фильм отражает будни съемочной группы, оказавшейся в ситуации вынужденного бездействия и тяготившейся им, в состоянии неопределенности. Вендерсу как философствующему режиссеру важно показать экзистенциальное состояние персонажей. Для персонажей фильма внезапная утрата смысла и связи событий тягостна, просто мучительна. Прозрачные ненужные ленты фотопленок колышет сквозняк, полароидные снимки опадают, как листья, пустые бездейственные сцены и пустые ди-

алоги сцепляются случайным образом. Все это напоминают театр абсурда, а именно пьесу ирландского драматурга С. Беккета «В ожидании Годо», герои которого, как и герои «Положения вещей», словно завязли во времени, ожидая некоего Годо (Гордон у Вендерса), встреча с которым должна внести смысл в их существование. «Все сказки — о смерти», — безнадежное и стоическое резюме Фридриха Мунро. Однако, даже падая как подкошенный, от пули убийцы, он не выпускает из рук работающую кинокамеру. «В неумолимое мгновение, когда человек оборачивается и бросает взгляд на прожитую жизнь, Сизифу, вернувшись к камню, созерцает бессвязную последовательность действий, ставшую его судьбой», — пишет А. Камю о бессмысленности человеческого существования [7, с. 92]. Абсурд понятен вендеровским персонажам, также переживающим, подобно Сизифу, ощущение западни и бессмысленности своих действий. Но, как и Сизифу, им присуща твердость, готовность стоически принять и претерпеть абсурд жизни. «Я вижу этого человека, спускающегося тяжелым, но ровным шагом, к страданиям, которым нет конца. В это время вместе с дыханием к нему возвращается сознание, неотвратимое, как его бедствия. И в каждое мгновение, спускаясь с вершины в логово богов, он выше своей судьбы. Он тверже своего камня» [7, с. 91], — пишет Камю о Сизифе, оценивая его как положительного героя.

В какой-то момент состояние раздражения и даже истерики, возникшее в съемочной группе, внезапно выпавшей из логики кинопроизводства, передается и зрителю, тоже с трудом выдерживающему затяжную паузу. Однако Вендерс намеренно вводит зрителя в состояние неопределенности и напряженного ожидания. Он делает это, чтобы показать абсурдность социальной жизни, мелочность ее финансовых и производственных проблем в сравнении со стихией — океаном, на берегу которого разворачивается действие фильма. Вендерс делает это и для того, чтобы дать нам опыт переживания, претерпевания неопределенности как экзистенциальной ценности. Ожидание, по Хайдеггеру, — это напряжение удержания себя в просвете бытия [15]. Ожидание в фильме Вендерса демонстрирует экзистенциальную концепцию времени Хайдеггера. Время в «Положение вещей» как будто растягивается, соответствуя состоянию напряженного и неопределенного ожидания, в котором находятся персонажи. Переживание времени глубоко субъективно. Находясь в состоянии

¹ Подробнее с проблемой идентичности в фильмах В. Вендерса можно ознакомиться в книге: Конфедерат О. В. Прозрачный кадр. Концептуальный фильм как опыт нерелективной антропологии. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 182—193.

ожидания, как следует из концепции Хайдеггера, мы наиболее интенсивно переживаем свое бытие, впадаем в «открытость», в то состояние сознания, которое в восточной философии достигается благодаря сложным ментальным практикам [15]. Если в обыденной жизни для того чтобы «впасть в открытость» нам нужно пережить особые экзистенциальные состояния (переживание смерти, вины), то концептуальный фильм создает систему приспособлений, позволяющих любому мыслящему человеку с той или иной мерой успеха преднамеренно «впасть в открытость». Указывающая способность кинематографа позволяет впасть в само по себе время-бытие, или настоящее, которое является в экзистенциальной концепции времени Хайдеггера категорией истинного.

На философско-мировоззренческом уровне смысла фильм представляет собой выражение творческого кредо Вендерса, его убежденности в том, как надо снимать кино, его философии искусства. Согласно Вендерсу, кино должно быть способом всматривания в бытие, способом вопрошания о бытии. Моменты, когда мы наиболее готовы к тому, чтобы вопрошать о бытии — это экзистенциальные моменты, связанные с переживанием любви, смерти, мучительного ожидания и неопределенности. В этом отношении важен заключительный диалог Фридриха Мунро со своим продюсером, когда он говорит: «Всякий раз, когда я снимаю сказку, из фильма уходит жизнь». Так в фильме еще раз поднимается философская проблема истины и видимости. «Жизнь цветная, но в черно-белых тонах она реалистичнее», — говорит один из персонажей фильма, объясняя, почему в эпоху цветного кино Фридрих Мунро и сам Вендерс снимают черно-белые фильмы, намеренно игнорирующие коммерческий успех. Кинематографический взгляд, по Вендерсу, следует понимать как внимание к миру и его истине. Таким образом, на философском уровне фильм «Положение вещей» представляет собой философское размышление над двумя проблемами: проблемой экзистенциальной неопределенности как модуса человеческого существования и проблемой идентичности.

В документальном фильме Вендерса «Токио-Га» (1985), который является своеобразным рубежом между «старым» и «новым» Вендерсом и отражает творческий кризис самого кинорежиссера, поводом для философствования становится путешествие автора в современный Токио в поисках примет того города и той Японии,

которую он помнит по фильмам японского режиссера Ясудзиро Одзу, обладавшего удивительным свойством запечатлевать мир таким, каков он есть на самом деле. Вендерса восхищает способность японского режиссера приводить зрителя к являющему себя онтологическому истоку. Это художественный идеал, к которому стремится и сам Вендерс. Он очарован умением японского режиссера видеть мир в его самости, бросать на мир чистый непредвзятый взгляд, предшествующий мысли о мире. При таком порядке кинематографической работы возможно приближение к истине. В «Токио-Га» Вендерс дает образ современного Токио, совсем непохожего на город из фильмов Одзу 1950-х гг. Однако тревожит Вендерса не разница между Токио времен Одзу и Токио 1985 г. «Уникальность фильмов Одзу, особенно поздних, состоит в том, что все в них — истина, от первого до последнего кадра. Его фильмы — сама жизнь», — говорит Вендерс за кадром «Токио-Га». Почти весь образный ряд современного Токио построен на обратном — на симуляции, на искусственности кино, спорта, игры, достопримечательностей, развлечений, танца и еды. Несоответствие между истиной в фильме Одзу и утратой национальной самобытности в современном Токио погружает реципиента в состояние философской рефлексии, в результате которой раскрывается философско-мировоззренческий уровень смысла данного фильма.

Для европейца, сделавшего методом познания логику и аналитику, дедукцию и аналогию простота взгляда Я. Одзу невозможна. Способность мыслить у режиссера-Вендерса предшествует его способности смотреть. Он передает сущность города в виде ощущений, настроений, шумового пространства, скорости течения времени, каких-то случайных деталей, попадающих в кадр, но простота и истина вещей то и дело ускользают от камеры, подменяясь символами, знаками, предубеждениями. Таким образом, социо-философский аспект фильма, связанный с культурными мутациями 1980—1990-х гг., дополняется и укрепляется в философско-эпистемологическом плане сомнением режиссера в действенности европейской рационально-логической, оптико-вербальной модели познания. О какой утрате печалится Вендерс в «Токио-Га»? Об утрате старого Токио? Или об утрате чистого прямого видения мира, составлявшего суть эпистемологического и художественного метода Одзу?

Путешествие в Токио по следам японского режиссера заставило Вендерса, так много

и убедительно писавшего и говорившего о «реальности», признать, что это «самое пустое и бессмысленное понятие, когда речь заходит о кинематографе». По мысли Вендерса, подлинное искусство должно запечатлеть мир таким, каков он есть на самом деле, подлинный творец — это философ, видящий мир в его идентичности и умеющий передать это в своих произведениях, обладающий чистотой и прозрачностью взгляда. Истина утверждается в момент здесь и сейчас как событие восприятия, событие присутствия, открывающее непосредственность бытия-в-мире. Истинного Токио уже нельзя уловить на киноплёнку, потому что современная цивилизация лишена аутентичных объектов, не перегруженных и не искаженных ассоциациями и интерпретациями. Таким образом, на философском уровне в фильме «Токио-Га» вновь поднимается философская проблема истины, идентичности и самости, характерная для творчества В.Вендерса и характеризующая его как режиссера-экзистенциалиста.

Проблема смысла жизни и «заброшенности» в фильмах В. Вендерса

Проблема идентичности наряду с другими экзистенциальными проблемами находит дальнейшее развитие в фильме «Небо над Берлином» (1987), вышедшим в прокат незадолго до падения стены, разделявшей Германию, а с ней и весь мир, на две части. В преддверии разрушения Берлинской стены улицы двух разделенных Республик — Демократической и Федеративной — были наполнены оборванными судьбами страждущих немцев, которые живут ожиданием перемен, словно грядущего апокалипсиса, как никогда близко подошедшего к баррикадам обеих сторон. В этом пространстве бродят ангелы-хранители Даниэль и Кассиэль, наблюдая и слушая мысли простых смертных, которые представлены в виде несвязного потока сознания. Ангелы обитают в своем измерении, где нет физических ощущений, ощущения времени, разнообразия цветов, что режиссер передает черно-белой съемкой. Мир ангелов — это сухой рациональный мир, в котором есть лишь бесконечность. Ангелы, читая мысли людей, мечтают о простых человеческих радостях: о чашке кофе, о том, чтобы «снять ботинки под столом и помахать ногами вот так», о том, чтоб радоваться и говорить «ой, ай, ух ты» вместо «аминь». Один из ангелов — ангел Даниэль — становится человеком, влю-

бившись в девушку-циркачку. И это его победа, потому что, согласно Вендерсу, быть человеком лучше, чем быть ангелом. Люди страдают, болят, умирают, но они чувствуют и любят. Даниэль оставляет крылья ангела ради земной любви, наполненной красками и детской наивностью. Устами падшего ангела Даниэля произносится один из самых красивых монологов фильма «Когда ребенок был ребенком» об искренней любви ко всему человеческому.

На культурно-историческом уровне фильм «Небо над Берлином» — это рефлексия режиссера-немца по поводу утраченного чувства национальной идентичности, выражение ощущения эпохи и умонастроения послевоенного поколения, которое не получило от своих предков ничего, кроме развалин. Для Вендерса важны образы стариков и детей в этом фильме. Старики метафорически воплощают собой прошлое, бывшие времена, а дети — будущее и настоящее. Образ ребенка часто присутствует в фильмах Вендерса: девочка Алиса в «Алисе в городах», две девочки в «Положение вещей», девочку спасает ангел Кассиэль в «Так далеко, так близко». Режиссера вдохновляет детская наивность, чистота и полнота восприятия жизни, которой, по мысли Вендерса, должен обладать и творец. Ребенок как наивный философ, впервые открывая для себя мир, задает философские вопросы, как, например, что было до меня и кем я стану, когда меня не будет?

На философско-мировоззренческом уровне «Небо над Берлином» есть размышления режиссера о любви, чувстве национальной идентичности и творчестве. Любовь Вендерс понимает в экзистенциальном ключе как способ преодоления одиночества. Чувство национальной идентичности связано с проблемой свободы и грядущих перемен. Как следует из сюжета фильма, на земле много бывших ангелов, некоторые из них попали на землю из любви к искусству, из желания узнать, что значит быть человеком. Вендерс посвятил свой фильм трем великим «ангелам»-режиссерам: Я. Одзу, Ф. Трюффо и А. Тарковскому. Проблема творчества решается им через размышления над вопросом, кто такой творец. Творец Вендерса обладает наивностью ребенка, он умеет радоваться мелочам жизни. Как бывший ангел он также способен проникать в тайны мироздания и здесь вспоминается пушкинский «Пророк»: «И внял я неба содроганье, // И горний ангелов полет, // И гад морских подводный ход, // И дольней лозы прозябанье». Вендеровский творец, как и

пророк Пушкина, способен вслушиваться в голос бытия и слышать его, способен подняться над мирской рутинной, словно над черно-белым Берлином, и передавать явления в их аутентичном виде.

Фильм «Так далеко, так близко» (1993) продолжает размышления Вендерса о смысле человеческой жизни, начатые в «Небо над Берлином». Здесь снова два мира: мир людей и мир ангелов. «Как бы мне хотелось быть одним из них, узнать тайну их восприятия жизни, стать еще одним вестником света в это темное время», — произносит ангел Кассиэль, глядя на мир людей. Он становится человеком, спасая девочку, за которой наблюдал. Кассиэль оказался буквально заброшенным в этот мир без близких людей, дома, денег, работы — так Вендерс моделирует экзистенциальную ситуацию заброшенности. Кассиэль начинает буквально с чистого листа, намеренный помочь человечеству уменьшить груз грехов. Но самые благие намерения не спасают человека в отсутствии любви. Кассиэль гибнет и возвращается в свою ангельскую вечность, быть может, для того, чтобы однажды совершить вторую попытку.

Люди очень одиноки, «они верят только видимому, каждый создает мир из слуха и зрения, и это камера, из которой видна камера другого» (из саундтрека к фильму «Так далеко, так близко»). Время в мире людей течет удивительно быстро: день как взмах ресниц, неделя как поворот головы ангела. В данном фильме Вендерс понимает время исходя из бергоновской концепции «темпоральной организации сознания». А. Бергсон в «Творческой эволюции» пишет об организации сознания, при которой прошлое благодаря памяти непрерывно сплавляется с настоящим и в каждом элементе отражает целое. «Наша личность, строящаяся каждое мгновение из накопленного опыта, постоянно меняется. Изменяясь, она не дает возможности тому или иному состоянию когда-либо повториться в глубине, даже если оно на поверхности и тождественно самому себе. Вот почему наша длительность необратима. Мы не смогли бы вновь пережить ни одной ее частицы, ибо для этого, прежде всего, нужно было бы стереть воспоминания обо всем, что последовало затем», — пишет Бергсон [3, с. 151]. Вообще тема времени в фильмах Вендерса заслуживает того, чтобы стать отдельным объектом изучения¹.

¹ Особо хочется сказать о темпоральности фильмов Вендерса. Неподготовленному зрителю они могут показаться длинными, скучными, а порой и бессвязными, как «Небо над Берлином». Фильмы Вендерса («Алиса в городах», «Положение

Здесь скажем лишь, что хронотоп «Так далеко, так близко» служит иллюстрацией бергоновской концепции времени. Так, одна деталь — молочный зуб, найденный Кассиэлем в коробке с киноплёнкой, отсылает зрителя в военное прошлое, где один из героев был водителем, глазами которого мы видим семью, бегущую из военного Берлина. У девочки из этой семьи и выпадает молочный зуб, который она прячет в коробку с киноплёнкой. Дети из этой семьи — брат и сестра — в силу обстоятельств выросли порознь, и много лет спустя в послевоенном Берлине брат с помощью детектива ищет свою сестру Ханну. Так из одной незначительной детали оживает и разрастается минувшее время в сознании Конрада, водителя в прошлом, а ныне дряхлого старика. И границы между минувшим и настоящим, между временем человеческой судьбы и временем нации размываются.

На философском уровне смысла здесь также решается проблема идентичности, характерная для творчества Вендерса. Кассиэль проверяет свою предметную идентичности — зеркальные отражения «плоти», фундаментальные для европейской гносеологии и антропологии, и с этой целью оказывается в кабинки фотоаппарата: «Идентичность. Что же это такое? Об этом много говорят. <...> Фамилия, имя, дата рождения. Я должен все это иметь. Если у тебя здесь нет своего изображения, то ты никто. Только при наличии полагающейся картинке ты становишься кем-то» (из саундтрека к фильму «Так далеко, так близко»). Существенно важно, что для Вендерса не только социальные предикаты человека не могут быть инструментами его идентификации, но и фотографический оттиск — кинематографический в случае самого режиссера — еще не гарантия истины, если сам взгляд на человека и мир не является сущностно экзистенциальным актом — непреднамеренным и чистым.

В относительно позднем фильме «Все будет хорошо» (2015) Вендерс моделирует вещей», «Небо над Берлином») характеризуются чистой длительностью с отложенным моментом возникновения смысла. Время как бы специально растягивается режиссером, что в «Алисе в городах» передается описанием дороги, в «Положение вещей» — погружением зрителя в состояние напряженного ожидания, в котором оказываются персонажи фильма, в «Небо над Берлином» время растягивается за счет замедления действия посредством демонстрации мыслей простых смертных, которые читают ангелы. Усилие самосознания зритель может испытать лишь во время состояния неопределенности, в паузах, многоточиях и пробелах повествования.

экзистенциальную ситуацию вины и страдания. На сюжетном уровне это фильм о писателе Томасе Элдане, который становится причиной гибели ребенка и в течение последующих 12 лет переживает эту трагедию своей жизни. Герой, как это часто бывает у Вендерса, находится в творческом и личном кризисе. Вместе с ним в кризисной ситуации оказывается мать погибшего ребенка и его подростковый брат, на глазах которого произошла авария. Ни один герой фильма не может ни простить, ни изжить испытанную в прошлом боль. Однако, боль, по В. Лехциеру, — это специфический модус бытия, переходящего в небытие [11]. Положительное значение боли, ее фундаментальную человекообразующую функцию на философском языке можно определить как экзистенциальную альгодицею. «Страдать означает быть от начала и до конца собой, находиться в состоянии неслиянности с миром, ибо страдание — генератор дистанций; и когда оно терзает нас, мы ни с чем не идентифицируем себя, даже с ним; а это значит, что сознавая собственное сознание, мы неустанно наблюдаем за собственным бодрствованием», — пишет В. Лехциер в работе «Боль и переходность: набросок экзистенциальной альгодицеи» [11, с. 556]. Герои Вендерса страдают и претерпевают свою боль, подобно древнегреческим стоикам. Страдание неизбежно в жизни каждого человека, и сентенция о том, что «все будет хорошо» на самом деле утешительная ложь, как полагает Вендерс. Раны не заживают, грехи не прощаются, жизнь — это боль. Разумеется, ситуация героя намеренно демонстративная, но она нужна Вендерсу для того, чтобы отчетливее прояснить свою мысль: наслаждение жизнью ненадежно, не потому что рискует прерваться кризисом, смертью, катастрофой. Оно лишает человека экзистенциальной мудрости, готовности вслушиваться в голос бытия, способности к непрерывному и трудному «себя-в-себе-самом-нахождению».

Подводя итог философско-семиотическому анализу фильмов В. Вендерса, мы можем заключить, что концептуальный фильм является одной из визуальных форм философствования. В случае Вендерса это экзистенциальное философствование о предельных человеческих ситуациях: вины, одиночества, ожидания, страдания, поисков идентичности. Концептуальные фильмы Вендерса стимулируют в зрителе интеллектуальную работу, поскольку нарративная, зрелищная и эмоциональная составляющая в них заметно ослаблена. Они требуют герме-

невтического анализа в каждом отдельном случае, поскольку творчество Вендерса — целостный единый текст, генезис которого восходит к философским концептам истины и бытия. В сюжетах фильмов они принимают форму поиска идентичности в плане онтологической проблематики и поисков идеальной эпистемологической модели. Философски тематизированные и философски устроенные фильмы Вендерса стимулируют функцию общения зрителя с самим собой, актуализируют эмоционально-экспрессивные, интеллектуальные и экзистенциальные стороны личности самого адресата, выступая в роли медиума, помогающего перестройке личности адресата, изменению ее структурной самоориентации, связывая его обыденное сознание с метакультурными конструкциями. Концептуальное кино, по нашему мнению, следует рассматривать как особый тип философствования, оперирующего оптическими образами в отличие от философии вербальной. Фильмы В. Вендерса — пример такого визуального философствования.

1. Бадью А. Манифест философии. СПб. : МАСНИНА, 2003. 182 с.

2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М. : Художественная литература, 1986. С. 473—500.

3. Бергсон А. Творческая эволюция. М. : Терра — Книжный клуб, 2001. 384 с.

4. Делез Ж. Кино. М. : Ad Marginem, 2004. 622 с.

5. Делез Г. Что такое философия? М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 288 с.

6. Дядик Н. Г. Афоризм как способ философствования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 3 (57). С. 4—7.

7. Камю А. Миф о Сизифе // А. Камю. Бунтующий человек. М. : Издательство политической литературы, 1990. 415 с.

8. Конфедерат О. В. Непонимание как онтологическая необходимость. Предельная интерпретация в условиях технического отражения реальности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9, вып. 3. С. 26—29.

9. Конфедерат О. В. Прозрачный кадр. Концептуальный фильм как опыт нерелективной антропологии. Челябинск : Энциклопедия, 2009. 312 с.

10. Кудрявцев Ю. Г. Трехуровневый анализ художественного творчества // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1988. № 5. С. 34—45.

11. Лехциер В. Боль и переходность: набросок экзистенциальной альгодицеи // Мир философии — мир человека: приложение к журналу

«Философские науки». М. : Гуманитарий, 2007. С. 551—561.

12. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятия текста // Ю. М. Лотман. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство — СПб, 2002. С. 158—162.

13. Мерло-Понти М. Кино и новая психология. Париж : Nagel, 1948. С. 97—122. URL: <http://slovoideolo.narod.ru/neomarxism/cinema.htm> (дата обращения: 17.05.2019).

14. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Academia-Центр : Медиум, 2008. 695 с.

15. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 447 с.

16. Хоружий С. С. Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 75—85.

17. Юнг К. Г., Кереньи К. Введение в сущность мифологии // К. Г. Юнг. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.

18. Bert O. Postmodern cinema and postmodern culture: information-communication, otherness and history in Wenders's *Himmel über Berlin* (Wings of Desire) // *Literator*. 1992. № 13. 3 Nov. URL: <https://literator.org.za/index.php/literator/article/view/754> (дата обращения: 17.05.2019).

19. Carrol F. Angels in the Metroplex: Hegel, the Apocrypha, and Intertextuality in *Der Himmel über Berlin* (Wings of Desire) // *Journal of Religion & Film*. 2011. Vol. 15, iss. 2. Oct. URL: <https://digitalcommons.unomaha.edu/jrf/vol15/iss2/2/> (дата обращения: 17.05.2019).

20. Forbey S.D. Through the [image]inary door: Lyotard, Baudrillard, Jameson and postmodernism in film: a Senior Honors Thesis. Texas : Texas A&M University, 2000. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/6085924.pdf> (дата обращения: 17.05.2019).

References

1. Bad'yu A. (2003) Manifest filosofii. St. Petersburg, MACHINA Publ., 182 p. [in Rus].

2. Baxtin M.M. (1986) Problema teksta v lingvistike, filologii i drugix gumanitarny'x nauках // M.M. Baxtin. Literaturno-kriticheskie stat'i. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., pp. 473—500 [in Rus].

3. Bergson A. (2001) *Tvorcheskaya e'voluciya*. Moscow, Terra — Knizhnyj klub Publ., 384 p. [in Rus].

4. Delez Zh. (2004) *Kino*. Moscow, Ad Marginem Publ., 622 p. [in Rus].

5. Delez, Gvattari. (1998) *Chto takoe filosofiya?* Moscow, Institut e'ksperimental'noj sociologii Publ., St. Peterburg, Aleteya Publ., 288 p. [in Rus].

6. Dyadyk N. G. (2011) *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 3 (57), pp. 4—7 [in Rus].

7. Kamyu A. (1990) *Mif o Sizife* // A. Kamyu. *Buntuyushhij chelovek*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 415 p. [in Rus].

8. Konfederat O. V. (2011) *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, vol. 9, iss. 3, pp. 26—29 [in Rus].

9. Konfederat O.V. (2009) *Prozrachny'j kadr. Konceptual'ny'j fil'm kak opyt nerefektivnoj antropologii*. Chelyabinsk, Enciklopediya Publ., 312 p. [in Rus].

10. Kudryavcev Yu.G. (1988) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, no. 5, pp. 34—45 [in Rus].

11. Lexcier V. (2007) *Bol' i perexodnost': nabrosok e'kzistencial'noj al'godicej* // *Mir filosofii — mir cheloveka: prilozhenie k zhurnalu "Filosofskie nauki"*. Moscow, Gumanitarij Publ., pp. 551—561 [in Rus].

12. Lotman Yu.M. (2002) *Semiotika kul'tury' i ponyatie teksta* // Yu.M. Lotman. *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury'*. St. Peterburg, Iskusstvo — SPb Publ., pp. 158—162 [in Rus].

13. Merlo-Ponti M. (1948) *Kino i novaya psixologiya*. Paris, Nagel Publ., pp. 97—122. Available at: <http://slovoideolo.narod.ru/neomarxism/cinema.htm>, accessed 17.05.2019 [in Rus].

14. Riker P. (2008) *Konflikt interpretacij. Oчерки o germenevtike*. Moscow, Academia-Centr Publ., Medium Publ., 695 p. [in Rus].

15. Hajdegger M. (2003) *Bytie i vremya*. Xar'kov, Folio Publ., 447 p. [in Rus].

16. Xoruzhij S.S. (2007) *Voprosy' filosofii*, no. 1, pp. 75_85 [in Rus].

17. Yung K.G., Keren'i K. (1996) *Vvedenie v sushhnost' mifologii* // K.G. Yung. *Dusha i mif. Shest' arxetipov*. Kiev, Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya yunoshestva Publ., 384 p. [in Rus].

18. Bert O. (1992) *Literator*, no. 13, November 3. Available at: <https://literator.org.za/index.php/literator/article/view/754>, accessed 17.05.2019 [in Eng].

19. Carrol F. (2011) *Journal of Religion & Film*, vol. 15, iss. 2, October. Available at: <https://digitalcommons.unomaha.edu/jrf/vol15/iss2/2/>, accessed 17.05.2019 [in Eng].

20. Forbey Sarah D. (2000) *Through the [image]inary door: Lyotard, Baudrillard, Jameson and postmodernism in film*. Texas, Texas A&M University Publ. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/6085924.pdf>, accessed 17.05.2019 [in Eng].

For citing: Dyadyk N.G., Confederat O.V.
Conceptual film as a form of philosophizing
(existential perspective of W. Wenders's films) //
Socium i vlast' 2019. № 3 (77). P. 95—106.

UDC 140.8

CONCEPTUAL FILM AS A FORM OF PHILOSOPHIZING (EXISTENTIAL PERSPECTIVE OF W. WENDERS'S FILMS)

Natalya G. Dyadyk,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Cand.Sc. (Philosophy), Senior Lecturer.
The Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: djadykng@cspu.ru

Olga V. Confederat,

Chelyabinsk State University,
Associate Professor of the Department Chair
of General History,
Cand.SC. (Cultural Studies),
The Russian Federation,
454001, Chelyabinsk, ulitsa Brat'yev Kashirinykh, 129.
E-mail: olga.confederat@yandex.ru.

Abstract

Introduction. Philosophizing has different types and forms. Along with the rational-scientific style of philosophical thinking, there is also an artistic-aesthetic style of philosophizing, originating from the philosophy of F. Nietzsche, S. Kierkegaard, existentialists and especially characteristic of post-modern philosophical discourse. Philosophical ideas can be discovered not only by professional philosophers, but also contained in works of art.

Modern philosophy is increasingly a discourse to the art, when literature, cinema, art become devious ways of philosophizing. Art in general and conceptual cinema in particular turn out to be one of the artistic ways of philosophizing, requiring philosophical reflection. Studying conceptual cinematography as a form of philosophizing helps clarify the similarities and differences between philosophy and art, it also has pedagogical significance, because it allows the students

to demonstrate that philosophy is a matter not only of professional thinkers, but of every thinking person. Philosophical problems presented in visual images are becoming more accessible for comprehension to a modern man.

The aim of the study is to conduct a philosophical analysis of the conceptual film as a form of philosophizing as exemplified by the films of the German film director W.Wenders.

Methods: General scientific methods: analysis and synthesis, induction, deduction, abstraction. In analyzing W.Wenders's conceptual films, we used the hermeneutic and phenomenological methods, a semiotic approach.

Scientific novelty of the research: A conceptual film is viewed not as a film critic or cultural phenomenon, as it is traditionally accepted, but as a form of philosophizing of the director and recipient who perceives it. A conceptual film is a means of immersing the recipient in a state of philosophizing and actualizing his existential experience.

Results: In the course of the study, a philosophical and semiotic analysis of W.Wenders's films was conducted on the following levels of meaning: event-based, cultural-historical, worldview and philosophical.

Conclusion: Conceptual cinematography is an artistic form of philosophical questioning, immersing the recipient in a state of philosophical reflection. By virtue of its semantic ambiguity, a conceptual film requires reflection, and everything that requires reflection enables one to think and philosophize. Ontological uncertainty is one of the main conditions for philosophizing in conceptual cinema. W.Wenders's conceptual films are devoted to the philosophical analysis of the problems of identity, truth, phenomenon, the problems of a person's abandonment and loneliness, the meaninglessness and uncertainty of human existence, the problems of love and freedom, the problems of algodice, therefore one can judge the creativity of W.Wenders as a visual philosophizing, and to define him as an existentialist director.

Key concepts:
conceptual film,
existentialism,
concept,
existential algodice,
identity.

Для цитирования: Тиллманнс М., Креспо В. Философская практика и апория в тюрьме // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 107—119.

УДК 101.8 + 101.9

ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА И АПОРИЯ В ТЮРЬМЕ¹

**Тиллманнс Мария да Венза
(Tillmanns Maria daVenza),**

Калифорнийский университет (Сан-Диего, США),
доктор философии,
UC San Diego 9500 Gilman Dr. La Jolla, CA 92093
E-mail: davenza@sbcglobal.net

**Креспо Вильфредо (Вилли)
(Crespo Wilfredo (Willy)),**

Епископальная церковь св. Тимофея
(Индианаполис, США),
преподобный доктор,
2601 East Thompson Road Indianapolis IN 46227
E-mail: frcrespo92@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются результаты работы двух-недельных тренингов сократического диалога, которые проводились с заключенными исправительного центра Сан-Диего, с акцентом на ситуации апорий или безвыходных положений мысли. Диалог помог не только раскрыть предпосылки их мышления, так сказать, ключевые точки, но и помог связать эти точки воедино, дал возможность участникам взглянуть на мир в новой перспективе. Это позволило им пересмотреть свою жизнь в условиях безопасной и непредвзятой обстановки. В результате этих диалогов участники открыли в себе способность самостоятельно оценивать свою жизнь, освободившись от угнетения, связанного с внешним осуждением.

Ключевые понятия:

апория,
недоумение,
сократический диалог,
работа с заключенными,
верность,
юмор,
философия с детьми.

¹ Перевод выполнен С. В. Борисовым по изданию: Tillmanns Maria daVenza, Crespo Wilfredo (2018). Philosophical Practice and Aporia in Prison. *Journal of Humanities Therapy*, no. 9 (2), pp. 37—61.

Перевод подготовлен в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021-ОГН «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Интуиция — это священный дар, а разум — верный слуга. Однако мы создали общество, которое больше чтит слугу и предаёт забвению священный дар.

Альберт Эйнштейн

1. Апория

Когда рациональность нас подводит, мы попадаем в затруднительную ситуацию апории (*απορία*), которая означает безвыходное положение мысли, удивление. Мы «потеряны», озадачены. Многие диалоги Платона заканчиваются подобной ситуацией. Мы думали, что узнали нечто, но в итоге мы должны признать, что не можем выразить это рациональным способом. Однако, с другой стороны, возможно, у нас появилось более глубокое понимание того, что означают понятия «любовь» или «мужество», о чем говорилось в диалоге.

В наших философских дискуссиях с заключенными мы использовали вопросы не только для того, чтобы понять скрытые предпосылки их мышления, для достижения ясности, но и чтобы создать ситуацию апории — безвыходного положения мысли, «незнания». Философия — это не только стремление к истине посредством ясности мысли (рациональности), это также стремление к мудрости, более глубокой истине (интуиции, которую Эйнштейн называл священным даром). Философия — это постижение мира, его понимание и способность ориентироваться в нем.

2. Границы рациональности

Восточная философия дает нам более глубокое понимание реальности, выводя нас за границу рациональности. Знаменитый коан дзен-буддизма о звуке хлопка одной ладони направляет учеников к просветлению. Там, где разум сталкивается с непреодолимым препятствием, может появиться более глубокое понимание реальности.

Зачастую мы пытаемся подменить эту глубину мысли знаниями. Чем больше я знаю, тем меньше мне нужно думать. У меня есть ответы, поэтому мне не нужно жить в неопределенности, двусмысленности, растерянности или «потерянности». Однако именно с такой ситуации «потерянности» начинается настоящая мыслительная работа: что же делать дальше? Когда мы «потеряны», мы склонны искать совет у «эксперта». Кажется, что наше собственное мышление подводит нас. Но в философской практике

апория придает нам силы переосмыслить все то, в чем мы были уверены раньше.

2.1. Айсберг

Наша способность объяснять мир, в котором мы живем, напоминает верхушку айсберга. Однако то, что мы понимаем, но не можем выразить в словах — это основание айсберга, скрытое в глубине.

То, что внизу, безусловно, так же реально, как и то, что существует на поверхности, но мы не можем объяснить это. Поэтому для постижения скрытого мы используем метафоры, аллегории, поэзию, музыку, научные концепты наподобие пространственно-временного континуума или бозона Хиггса, а также философию. Кроме того, мы можем понять, что такое любовь, читая «Песнь Песней» Соломона, а что есть мужество, читая о храбрости Гектора в «Илиаде» Гомера.

2.2. Внутренний компас

Это глубинное понимание помогает нам настроить своего рода внутренний компас, руководствуясь которым мы можем научиться распознавать ценность чего-либо (ведь не все то золото, что блестит), потенциальную опасность чего-либо (те ситуации, где нам жизнь расставляет «красные флажки») и ориентироваться в мире. Этот компас помогает нам в принятии решений, чтобы выжить в сложном и опасном мире. Обучаться ориентироваться по внутреннему компасу нужно так же, как это делал Сократ в отношении своих собеседников на Агоре, или дзен-буддисты в отношении своих учеников.

2.3. Обучение ориентироваться по внутреннему компасу

Компас, который мы используем для навигации по жизни, нужно возвращать с раннего детства. Он не дает нам прямых, рационально выверенных ответов о том, что хорошо, а что плохо. Все не так просто. Нужно помнить, что звезды, ориентируясь на которые мы держим путь, также меняют свое местоположение относительно нашего движения. Поэтому нам нужно развивать понимание того, что может быть правильным или нет в той или иной конкретной ситуации. У нас может быть главный смысл, но нам нужно научиться применять этот смысл в конкретных ситуациях, которые всегда уникальны. В каждой новой ситуации мы должны заново определиться с верной

дорогой (это только кажется, что существует лишь один правильный путь).

2.4. Навигация нашего корабля

Конечно, для навигации нашего корабля в этом мире нам нужны определенные навыки. Какой смысл в наших знаниях о плавании по звездам, если мы не знаем, как управлять кораблем. Однако все технические навыки управления судном нам тоже ни к чему, если, не зная как ориентировать наш корабль, мы потерялись в открытом море. Кажется, мы придаем слишком большое значение приобретению конкретных знаний и слишком мало самому нашему умению плыть, ориентируясь по звездам.

Тем не менее, с верным компасом мы могли бы лучше распознавать все «красные флажки», возникающие в реальной жизни, и не искать способы рационализации, оправдания или игнорирования действительности, открывающейся нашему взору. Чем раньше мы получим такие навыки навигации, тем проще и эффективнее мы будем их использовать. Холмы и пригорки легче преодолевать, чем высокие горы. А чтобы избавиться от некоторых преград, возможно, придется их взорвать, применив силу.

2.5. Игнорирование «красных флажков»

Почему власти штата Мичиган не смогли заблаговременно отреагировать на жалобы и прочие «красные флажки» прежде чем доктора Ларри Нассара наконец-то арестовали за сексуальные домогательства?¹ О чем они думали? Они боялись о поставленной на карту репутации университета и «предпочитали» просто игнорировать многочисленные сигналы, надеясь, что эти инциденты никак не связаны и рано или поздно «разрешатся» сами собой?

Как часто мы «упускаем из вида» важные знаки и потом задаемся вопросом: почему мы раньше не замечали эти «красные флажки», идет ли речь о стрельбе в школах

¹ Лоуренс Джерард Нассар (р. 1963) — американский серийный растлитель, врач национальной сборной США по спортивной гимнастике, бывший врач-остеопат в Университете штата Мичиган. Совокупные преступные акты, совершенные Нассаром, послужили основой скандала о сексуальном насилии в спортивной гимнастике США. Выяснилось, что жертвами его домогательств стали 250 девушек. В 2018 г. Нассар признал десять обвинений, первое из которых датируется 1992 г. 5 февраля 2018 г. по совокупности преступлений он был приговорен к лишению свободы на срок от 40 до 125 лет. (Прим. переводчика).

(*school shooting*), насилии, издевательствах, доводящих подростков до самоубийства и т. д.

Как часто те, кто оказались на скамье подсудимых, сами «упускали из вида» или «игнорировали» эти «красные флажки» в своей жизни. По поводу чего многие из них впоследствии задавали себе горький вопрос: «О чем же я думал?»

3. Философское консультирование для настройки внутреннего компаса

Во время наших философских дискуссий мы стараемся сосредоточиться на поиске этого внутреннего компаса. У компаса есть главные направления, но он также имеет и промежуточные деления между ними. И каждое деление, тоже задающее направление, может иметь огромное значение для управления вашим кораблем.

Например, если для некоторых случаев страх может играть положительную роль, то для других — наоборот. В некоторых случаях и ложь будет «во спасение», а в другой ситуации она будет вредна. Так какое решение нам принять? Именно здесь нам пригодятся навигационные навыки. То, что в некоторых случаях было нам на пользу, в других случаях окажется совершенно неприемлемым. Так что на это можно ответить? Нам нужно научиться реагировать на сложные ситуации, а не сводить их к якобы существующему единственно верному решению.

Когда в 1979 г. я сказала своему профессору на семинаре по Платону, что хотела бы адаптировать для детей некоторые из диалогов, он предложил мне переложить название моего философского доклада, с которым я выступала, на язык, понятный детям. Тогда я и моя 12-летняя племянница Стелла после долгого обсуждения сочинили следующее название: «Как получается, что суждение, противоположное тому, которое я считала правдой, обычно потом и оказывается правдой?»

Наша статья также фокусирует внимание на том, что часто помехой мышлению служит страх. Нередко мы делаем вещи, которые считаем необходимыми, просто потому, что страх не позволяет нам думать иначе, что потом вызывает у нас чувство сожаления: о чем же я тогда думал?

Нам следует понимать свой страх интуитивно, опираясь на реальные случаи, а не рационально, ведь страх не может быть объяснен рационально. Как, например, я узнаю, когда мое мышление находится под влиянием страха, а когда обусловлено бла-

городным чувством справедливости? Не оправдываю ли я рационально свое мстительное чувство, показывая себя «поборником справедливости»?

Если мы не можем сами регулировать свое мышление, используя собственный компас, мы зависим от других. Эта зависимость лишает нас способности вступать в полноценные взаимоотношения с другим человеком, с нашим внутренним компасом, а также с миром в целом.

Как нам может помочь философский опыт, что могут нам открыть философские дискуссии? Философы — это эксперты в незнании, эксперты в ситуациях апорий. Практикуя искусство философствования, мы инициируем друг у друга совместное мышление, чтобы прояснить для себя те идеи, которые мы понимаем лишь смутно. Совместное мышление не только объединяет нас, но и позволяет нам исследовать неизвестные и, возможно, даже непостижимые территории с радостью, любопытством и доверием.

4. Сократический диалог с заключенными в исправительном центре Metropolitan Correctional Center (MCC)

Интеллектуальная атмосфера MCC, как и большинства других тюрем, как правило, весьма ограничена. Качество книг, доступных в библиотеках, оставляет желать лучшего с точки зрения их содержания. В тюрьме царит властная атмосфера, которая разъедает, омрачает и разрушает способность заключенных мыслить ясно, критически и ответственно. То, что происходит в тюрьмах — это возвращение жизни сообществ на уровень базовых инстинктов, поведенческое проявление которых регулируется национальностью, цветом кожи, полом и авторитетом (если вспомнить классификацию уровней нравственного развития Л. Колберга, то это второй уровень). Тюрьма — это не то место, где друг другу доверяют и свободно высказывают свои идеи, не чувствуя страха или угрозы. На самом деле, тюрьма — это место, где вы учитесь играть по тем правилам, которые здесь установлены, и хранить при себе свои чувства и мысли. Тюрьма создает питательную среду для ухода от персональной ответственности, поскольку все здесь жертвы системы, и никто не отвечает за свою жизнь. За относительно короткое время заключенные усваивают тот «психологический язык», с помощью

которого они получают лекарство от депрессии и / или тревоги, и при этом устанавливают для себя тот «диагноз», с которым будут жить до конца своих дней.

Осенью 2002 г. мы обсуждали саму возможность создания группы сократического диалога в тюрьме. Мы оба создали весьма успешное сократическое кафе в книжном магазине *Barnes & Noble* и подумали, не попробовать ли создать подобный клуб в среде заключенных. Мы верили, что сможем создать подлинное «сообщество исследователей» (*community of inquiry*), если предложим заключенным альтернативу тем психологическим и мыслительным установкам, которые для них не подвергались сомнению, чтобы они смогли по-другому взглянуть на себя и на мир в целом. Мы надеялись поделиться с ними радостью свободного критического мышления.

Один из нас (Вилли) представил другого (Марию), в соответствии с должностью, как преподавателя Калифорнийского университета Сан-Диего (UCSD), не упоминая при этом, что мы женаты. Мы хотели, чтобы заключенные не испытывали неловкости перед нами, зная, что Мария жена тюремного капеллана (Вилли). Мы дали краткий обзор способов философствования, которыми будем заниматься, и обрисовали в общих чертах некоторые философские концепции и темы, которые будем использовать для углубления наших дискуссий. Нашей целью было представить философию как образ жизни. Мы начали работу группы с философов-экзистенциалистов, а затем перешли к древним грекам. Именно древнегреческие философы открывают понимание жизни посредством духовных упражнений, философских практик для достижения обоснованного жизненного выбора, с акцентом на свободу от страданий (эпикурейцы), моральные добродетели (стоики), «благую жизнь» (платоники) и т. д.

Мы дали заключенным для чтения философские сюжеты, которые потом обсуждали с ними в течение двух недель. Опять-таки тексты подбирались с расчетом стимулировать их собственное мышление. В своем философском кафе, которое функционирует уже четыре года, мы использовали для чтения выдержки из книг «Конечные и бесконечные игры» Д. П. Карса (*Finite and Infinite Games* by J. P. Carse), «Человек в поисках смысла» В. Франкла (*Man's Search for Meaning* by V. Frankl), «Смысл кризиса» С. Сегала (*Meaning Crisis* by S. Segal), «Воспитание характера» М. Бубера (*The Education of Character* by M. Buber). Мы также читали

отрывки из книги П. Адо «Философия как образ жизни» (*Philosophy as a Way of Life*) и полностью его книгу «Что такое античная философия?» (*What is Ancient Philosophy?*) Еще одна книга, которую мы прочли полностью, была книга А. Конт-Спонвиля «Малый трактат о великих добродетелях» (*A Small Treatise on the Great Virtues* by A. Comte-Sponville) (Мы транскрибировали три наших дискуссии по главам книги Конт-Спонвиля. В этой статье мы подробно обсудим нашу дискуссию, посвященную теме верности). Кроме того, мы читали статьи из журналов «Американский психолог» (*The American Psychologist*) и «Сетевой психотерапевт» (*The Psychotherapy Networker*). В программу нашего чтения мы включили также компонент «Философия для детей», так как у нескольких заключенных из нашей группы были дети. Мы читали детские истории и говорили о том, как заключенные могут использовать эти сюжеты для обсуждения жизненных проблем со своими детьми. Например, мы читали и обсуждали такие книги для детей, как «Майло и волшебные камни» М. Пфистера (*Milo and the Magical Stones* by M. Pfister), «Доктор Де Сото» У. Стайга (*Doctor De Soto* by W. Steig) и «Александр и заводная мышь» Л. Леонни (*Alexander and the Wind-Up Mouse* by L. Leonna).

В начале каждой сессии мы задавали правила, которым следовали в наших дискуссиях. Суть их проста: ждите, пока говорит другой, не перебивайте его; не стремитесь опровергнуть позицию другого, но стремитесь ее понять. Вопросы, которые мы задаем друг другу, должны быть открытыми; их следует задавать только для уточнения позиции другого. Мы нацелены на поиск общей картины понимания, и взгляды каждого участника будут приниматься как вклад для построения этой картины. Никто не может доминировать в обсуждении. Если возникает период молчания, мы должны просто учесть те идеи, которые прозвучали в обсуждении, за которыми последовала пауза для осмысления сказанного. В эти моменты мы часто слушали музыку, чтобы обогатить свои впечатления. Мы выбрали самую разнообразную музыку: это была и классика, и джаз, и блюз, и фольклорные композиции. Для прослушивания музыки (как правило, в конце сессии) участникам можно было расположиться где угодно в пространстве часовни (где проходили беседы) в любом удобном для прослушивания положении. Мы считаем, что философия не обладает монополией на рефлексию, нам хотелось поделиться с участниками опытом размышления без слов. После того как музыка заканчива-

лась, мы медленно выходили из часовни, и лифты доставляли заключенных обратно в их камеры.

Интересный поворот в работе группы намечился тогда, когда Вилли пригласил в ней участвовать тех заключенных, которые, что называется, не входили в категорию «белых воротничков». Это были люди, которые не умели четко формулировать мысль, не так хорошо читали, не были искушенными в культуре, плюс ко всему имели другие недостатки. Для некоторых из них английский не был главным языком общения. Мы отдавали себе отчет, что организуя общение людей не равных друг другу, развитие событий могло пойти по двум сценариям: (а) или «новичок» покидает группу, потому что чувствует, что не может идти в ногу со всеми; кроме того, уже сформировавшееся группа будет воспринимать его враждебно; (б) или групповая работа, наоборот, даст стимул «новичку», и он приложит максимум усилий, чтобы остаться в группе; и, в свою очередь, группа будет настолько поглощена общением, что в этой среде «новичок» быстро найдет свое место и будет интегрирован в групповую работу. То, что произошло на самом деле между группой и «новичками» оказалось гораздо более масштабным и продуктивным, чем мыслилось вначале. Группа не только приняла «новичков», но и запустила процесс их самотрансформации, научила их быть более открытыми, честными, усердно работать и, в конечном итоге, почувствовать себя частью этого общества пытливых умов, чем они очень гордились.

Постепенно начало создаваться «сообщество исследователей», сообщество взаимного доверия, которое позволило его участникам пересмотреть свой конкретный жизненный опыт. По словам М. Бубера, мы становились «сообществом исцеления» (*community of healing*). В группе было создано «свободное пространство», в котором могут быть выражены вопросы сердца и где видится целостная картина жизни. Эта картина была нарисована реальными жизненными красками, была соткана из реального опыта и открывала всем нам целую палитру состояний человека, что, в свою очередь, помогало каждому из нас лучше понять, как оценить и проанализировать свой собственный фрагмент этого полотна. Как известно, целостная картина улучшает, углубляет наше понимание, поскольку задает новую перспективу обзора для критического пересмотра, анализа и переосмысления собственного жизненного опыта. Чтобы осу-

ществить это, нужно чувство личной безопасности, поскольку можно воспользоваться знаниями о нас с целью манипулирования и искажения реальности нашего опыта. Но если понимание реальности глубоко проникло в нашу психику, то нас не так-то легко обмануть и мы менее склонны к самообману. Наша честность становится путеводной нитью для выхода из трясины суеверий, лжи и предвзятых мнений о реальности. Тот, кто не просто заинтересован в защите своего существования, но также заинтересован в том, чтобы честно подвергать свое существование критической проверке, должен обладать способностью открыто размышлять о своей жизни, готовностью работать с тем, что возникает из скрытых душевных глубин. В ходе дискуссий мы пытались пробудить живой интерес участников к тому, что значит жизнь, и какова наша роль в ней. *Кто мы в жизни и чего мы хотим от жизни?*

Это те вопросы, которыми интересуется любой философ, живет ли он за тюремными решетками, за «ментальными решетками» (*mental bars*) или за любыми другими видами «решеток», ограничивающих наше видение мира. По этой причине философствование — это опыт освобождения для любого человека независимо от того, по какую сторону тюремной стены он проводит свою жизнь. Философия способна разрушить тюремные стены, открыть новый взгляд на мир, более сложный и разветвленный, простирающийся за пределы тех маленьких миров, которые мы создали для себя.

Философия помогает открыть (тюремные) двери и показать нам, какими глубокими мыслителями мы можем стать, мыслителями, которые могут адаптировать свои умы к различным взглядам на мир и достичь своим живым разумом самых сложных форм мышления. Философия помогает нам стать «танцорами универсума» (*dancers of the universe*) вместо того, чтобы застыть лишь в одной статичной позе существования. Мир не бывает черным или белым, он и не серый. Он красочен и многомерен, изумителен и привлекателен. Философия помогает людям понять свой мир и свой образ жизни в этом мире, а также формирует способность принимать решения о том, как прожить свою жизнь, чувствуя при этом, что отвечают за это решение не Бог, не начальник, не ближний, не жизненные обстоятельства, а он сам. Философия учит тому, что все, что вы думаете и делаете, действительно имеет значение и прямые следствия для всей оставшейся жизни. Приобщение к философии дает преобразующий опыт,

осознание того, что жизнь никогда больше не будет прежней, потому что то, что вы считали своей жизнью и воспринимали это как само собой разумеющееся, теперь поставлено под сомнение. В жизни открывается целый спектр возможностей, которые уже нельзя игнорировать. Есть такая поговорка: «священник скажет вам, что вы грешны, психолог скажет вам, что вы больны, а философ скажет вам, что вы глупы», так что выбирайте!

В подавляющем большинстве случаев заключенные проявляли все возрастающий интерес к предложенному им типу философского дискурса. Они почувствовали себя ответственными перед собой, своими собственными судьями, а не жертвами внешнего осуждения. Теперь им не нужно было выдумывать причины или оправдания для себя и для других, они могли открыто задаться вопросом о том, почему их прежняя жизнь привела их в тюрьму. Они начали подвергать критической проверке свое мышление: почему они поступали именно так, а не иначе. Как можно было бы изменить свое поведение? Что нужно было бы сделать, чтобы осознать это изменение? Сократический диалог привел их к ситуациям апорий, удивлению, побуждая их переосмыслить все то, что они всегда принимали как должное и никогда не подвергали сомнению. Сократический диалог открыл для них возможность мыслить свободно и ответственно.

В результате работы нашей философской группы открылись новые способы мышления, которые оказались привлекательными и значимыми для заключенных. Уже не было необходимости заниматься проповедями и пустыми увещеваниями о том, как им следовало жить. Они почувствовали себя уполномоченными делать то, что, по их мнению, было необходимо, чтобы исправить свою жизнь. Мы считаем, что наша сократическая группа помогла всем участникам обнаружить и проявить свою свободную волю.

Мы пытались поддерживать в наших групповых дискуссиях атмосферу живой философии. Мы хотели, чтобы этот новый опыт смог стать частью собственного жизненного опыта участников. Мысль — это только абстракция, она не может сама по себе открыть человеку другой способ видения и существования. Эйнштейн ведь не просто выводил абстракции; в своем воображении он видел себя летящим вместе со световым лучом, чтобы по-настоящему понять все возможные следствия своей теории. Точно так же мы обращались к воображению за-

ключенных, чтобы они могли испытать свои мысли, а не просто иметь их у себя в голове. Разные мысли на самом деле заставляют человека и чувствовать себя по-разному. Мысли должны пробуждать воображение, как живопись, как музыка, как театр, когда мы сами чувствуем себя участниками представления. Философия должна быть осязаемой. Нужно уметь видеть, чувствовать, пробовать на вкус и обонять мысли. Только тогда это станет опытом самотрансформации, как полагали древнегреческие философы. Стоики, киники, платоники — все верили, что занятие философией открывает перед нами путь благой жизни. Просто думать о благе — мало. Вот почему философия для них — это духовные упражнения и формы медитации. Они должны войти в нашу плоть и кровь. Мы должны переродиться. Абстрактная мысль, оторванная от повседневной жизни, — это совсем не то, что достойно называться философией.

Теперь мы более подробно рассмотрим одно из наших обсуждений. Оно было посвящено такой моральной добродетели как верность. Заключенные читали главу о верности из книги А. Конт-Спонвиля «Малый трактат о великих добродетелях». Цель чтения состояла в том, чтобы побудить участников задуматься над данной темой и предложить для группы свои собственные идеи. Обсуждался не столько сам текст этой книги, сколько конкретные проблемы, затронутые в предложенном отрывке.

Позвольте кратко изложить некоторые основные моменты данной главы, чтобы стал ясен контекст нашего диалога¹. Конт-Спонвиль начинает рассуждение о верности и определяет ее, как способность противостоять забывчивости, так разум — это верность истине, а «забывчивая» мысль остается мыслью, но мыслью неумной. Автор утверждает, что человек является существом мыслящим лишь постольку, поскольку обладает памятью, и существом человеческим лишь постольку, поскольку способен к верности. Он противопоставляет верность неверности, которая является проявлением легкомыслия или корыстного непостоянства, отречения, коварства, измены. Конт-Спонвиль рассматривает три области верности: мышление, мораль, су-

¹ Здесь и далее переложение авторами статьи мыслей А. Конт-Спонвиля было несколько скорректировано в соответствии с русским переводом его книги (см.: Конт-Спонвиль А. Малый трактат о великих добродетелях, или Как пользоваться философией в повседневной жизни. М.: Этерна, 2012. 320 с.) (прим. переводчика).

прудество. Верность мысли проявляется в попытке сохранить ее, бороться с собственной забывчивостью; это стимулирует желание помнить. Он указывает, что первым делом должна быть соблюдена верность правде, затем — верность воспоминанию о правде (хранимой *истине*). Быть верным своим мыслям в ущерб правде значит проявлять неверность мысли как таковой, что приводит к фанатизму и догматизму. Автор добавляет также, что философия является верностью мысли в своем крайнем проявлении. У морали, согласно Конт-Спонвиллю, нет и не может быть основания, его роль играет верность. Благодаря верности мы подчиняемся не вневременному характеру универсального нравственного закона, но историчности ценности, присутствию в себе прошлого, идет ли речь о прошлом человечества вообще (культура, цивилизация) или о нашем частном прошлом или прошлом наших близких. Супружеская верность, по мысли автора, не требует исключительности. Верность здесь — смесь доверия и благодарности за полученную и принятую любовь. Пусть любовь угаснет или утратит пылкость, что чаще всего и происходит, и жалеть о ней бессмысленно, но, расставаясь или продолжая жить вместе, пара остается парой лишь до тех пор, пока хранит верность любви, полученной и подаренной, разделенной любви, как и память — сознательной и благодарной — об этой любви.

Теперь перейдем к самому обсуждению.

Вилли: «Думаю, мы могли бы начать с определения верности. Я имею в виду то, что после прочтения текста у кого-нибудь возникли мысли по поводу того, что же означает верность для него лично». Один участник ответил: «Я думаю, что верность — это то, во что ты веришь. Я никогда не был слишком верным, поэтому я не особо об этом задумывался...»

Другой голос: «Я не читал текст, но первое, что приходит мне на ум, если говорить о верности, — это моя жена...»

Отозвался еще кто-то: «...Я тоже представляю супружество... и эту верность, обязательство, преданность, это как клей, если хотите, который удерживает людей вместе».

Еще один голос: «...Из восьми или десяти разных мыслей, которые я отметил, мне понравилась эта — “не предавать самое лучшее”. Это подойдет и для твоей жены, и для идеалов, и для друзей, и для чего угодно...»

Кто-то поддержал: «Правильно! Включая понятие чести или чего-то в этом роде. Я имею в виду, когда ты оказываешься од-

нажды с кем-то “в одной лодке”. По поводу этого многое сказано».

Далее мы представим развитие обсуждения. Комментарии взяты из стенограммы. Мы записали с разрешения группы около двенадцати обсуждений. Но когда однажды один участник попросил не снимать, мы, естественно, воздержались от этого.

В наших дискуссиях мы подчеркиваем важность установления связи между высказанными идеями и конкретными примерами. Верность означает: быть верным своей жене → верность ценностям → конкретно, это обязательство, скажем, в институте брака или перед кем-то лично → конкретно, обязательство — это как клей, который скрепляет вещи. Это подразумевает не предавать → конкретно, не предавать то, что вам дорого, например, ваши ценности, ваших друзей, честь, идеалы и т. д. → существует связь между честью, верностью и творчеством → быть верным не только тогда, когда все хорошо, но особенно перед лицом угрозы → конкретно, не предавать, когда находишься под сильным давлением и угрозой → вы верны клятве и помните об этом → конкретно, вы верны памяти клятвы → предательство, это то, что подразумевает забвение этой памяти.

Память о божественном (*epiphanies*), нечто, что по-настоящему впечатлило → конкретно, жизненный опыт, который я испытал и хочу, чтобы он вел меня дальше как горящий факел → чтобы сохранить жизнь → конкретно, чтобы сохранить это переживание реальности, чтобы этот опыт, эта истина или эти отношения жили дальше → верность поддерживает горящее пламя → это отношение к жизни → то, на чем основаны все остальные добродетели → верность как образ жизни → поддержание горящего пламени как способ жить → следовать за пламенем → не придерживаясь предвзятых идей → быть верным основополагающим принципам → конкретно, скажем, принципам образования, таким как исследование, самодисциплина, самоконтроль и т. д.

Оставаться верным, несмотря на напряженность между неуверенностью в себе и верностью своим принципам → проблемная ситуация, требующая принятия решения → конкретно, сохранять верность другому человеку в среде, которая разъединяет, не принимает и клеветает → возвышаясь над угрозой, исходящей из среды → в верности истине, живущей в личности, например, педагога, капеллана или вегетарианца → например, я предпочел бы голодать, чем есть мясо → верность личной идентичности →

серьезно относится ко всему, чему вы решили оставаться верным.

Здесь мы возвращаемся к идее супружеской верности → ваша личность переплетена с тем, чему вы верны → когда вы не знаете ради чего жить, вы живете только от момента к моменту → конкретно, осознание себя чужим подрывает вашу личность → когда отношения, окружение, обстоятельства сильнее, чем я, то не чувствуешь себя личностью → например, когда вы чувствуете себя чужим как в «новой» стране (США), так и в своей «старой» стране (Мексика) → я чувствую себя верным своей «старой» стране (Мексика), но больше не могу там оставаться → это как маленькая девочка, которая отправилась из деревни в город → верность человеку, представшему перед судом → напряжение между верностью человеку, которым ты являешься, и верностью системе правосудия → верность себе и своей честности → становится проблемой всегда оставаться верным системе правосудия → конфликт между верностью самому себе и верностью институтам, например институту брака, образования, религии, культурным стереотипам (питания), чтобы осознать себя чужим в чужой стране, системе правосудия (несправедливости).

Резюме

Конфликт или напряжение между личностью и «системой» → испытание личности, чтобы не предавать память о том, что дорого → не предавать свою идентичность → верность «горящему факелу» перед лицом угрозы → бороться за сохранение и выживание или бороться за создание «нового» себя, новой идентичности, не ставя под угрозу свою жизнь, ценности, которые дороги, честь, идеалы и т. д. → если в верности истине заключается суть личной идентичности, мы должны все время исследовать то, чему мы верны → неосознанная жизнь не стоит того, чтобы жить!

Как видно из вышеприведенного плана обсуждения, мы всегда стремились установить связь между высказанными идеями и конкретными примерами (обратите внимание, что везде, где написано «конкретно», следует конкретный пример, иллюстрирующий ту или иную идею). Например, когда кто-то говорил о памяти о божественном, выясняется, что он имел в виду память о конкретном опыте, который он, так сказать, запечатлел в себе. Мы подчеркивали важность прислушиваться к идеям и примерам друг друга, поскольку все они являются ча-

стью картины целого, которую мы пытались создавать. Наше обсуждение было сосредоточено не столько на том, чтобы выразить согласие или несогласие с чьей-либо позицией, сколько на том, чтобы лучше понять, прояснить эту позицию. У всех нас есть идеи о том, что означает верность, но мы знаем это лучше «изнутри», а не посредством того или иного определения. Ведь часто определения, которые давали собеседники Сократу, служили ему для того, чтобы показать им, что они на самом деле не знают, о чем говорят. Да, мы всегда можем сказать, кто вел себя смело, а кто трусливо. Никто не сомневается, что Сократ и два полководца Лахет и Никий в диалоге «Лахет» Платона были мужественными людьми. Тем не менее, они так и не смогли точно описать и определить что же такое мужество.

В наших дискуссиях мы подчеркивали важность работы с идеями друг друга. Мы говорили, что хотели бы быть уверенными, что произнесенные слова являются живыми, основанными на конкретном жизненном опыте, а не абстракциями, окутанными неопределенностью или «позаимствованными» у кого-то. Мы также хотели, чтобы дискуссия была открытой, поэтому не задумывались о том, куда она может привести, сознательно не направляли ее к определенной цели. Итог дискуссии всегда был сюрпризом, поскольку каждый новый пример был еще одним притоком в реку идей, по которому раньше еще никто не плывал. Никогда течение реки нашего разговора не было одинаковым, потому что это течение всегда зависело от участников группы. Когда мы плыли по этой реке, мы ориентировались только на попутный ветер наших идей, чтобы лучше изучить природу реки, по которой мы путешествовали. Мы никогда не знали, куда мы движемся, но в этом движении мы все зависели друг от друга. Это держало нас всех в напряжении, что является непременным условием правильно организованного процесса философствования.

Один из самых запоминающихся моментов был связан с дискуссией на тему юмора. Опять-таки мы начали разговор с чтения главы Спонвиля о юморе. Там Спонвиль обращает внимание на разницу между юмором и иронией, где юмор — это смех над самим собой, он исцеляет и умиротворяет, ирония (хотя сарказм, кажется, был бы лучшим переводом с французского), как известно, ранит, отталкивает и осуждает. Ирония не знает сочувствия. В заключение он говорит, что юмор предполагает добротельность, в то время как ирония — ско-

рее наоборот. Он также указывает на связь между правдивостью и юмором.

В ходе этого диалога мы вышли на различие между стороной обвинения и стороной защиты на суде, где адвокат всегда использует юмор, а прокурор — иронию.

Один из участников сказал: «Я думаю, что то, что объединяет юмор и правдивость, так это то, что для того, чтобы был хоть какой-то юмор, должна быть, скажем, универсальность шутки. Универсальность открывает что-то правдивое. Если бы этого не было, то юмор был бы неэффективен, его бы не разделяли слушатели».

Кто-то еще добавил: «То, что создает этот эффект, как правило, присуще всем людям...» После паузы он продолжил: «Самообман, или просто притворство, которые есть у некоторых людей, юмор хорошо изобличает, и это мы понимаем, вот где юмор пересекается с правдивостью. Без этого элемента правдивости юмор не работает».

Вилли сказал: «Конечно, юмор включает в себя также и смирение. А смирение — это открытость истине, или, по крайней мере, это система взглядов в отношении жизни, которая делает истину для нас более доступной. Смиранный человек — это такой человек, который готов слышать, слушать, сопереживать, понимать. Высокомерный человек на это не способен. Он уже все знает заранее, он замкнут и самоуверен. Итак, юмор предполагает смирение, которое также связано с истиной».

Далее в ходе обсуждения один участник сказал, что не доверяет тому, кто не улыбается. Обвинителей в суде выводит из себя, когда кто-то начинает шутить. «Когда вы приводите реальный подходящий пример, вы даете мало поводов для улыбок. Фактически, обвинители в некоторой степени оскорблены тем фактом, что обвиняемые относятся к своей ситуации с большей долей юмора или иронии, чем они сами...»

Тогда Мария спросила: «Означает ли, что чем больше юмора будет у защиты, тем больше будет правдивости?» Один собеседник заявляет: «Именно так! Хочется нам этого или нет, но это правда». «Аминь!» — слышится в ответ, сопровождаемое громким смехом всех собравшихся.

Один участник продолжает: «Версия обвинителя базируется на множестве объективных фактов, я не спорю, но сама эта версия не обязательно приближается к истине. Версия соответствует представленной им истории, в которой факты, перенесенные на множество обстоятельств, делают версию убедительной для других. Поэтому обвини-

тели не могут подойти к ней каким-то юмористическим образом, потому что это четко выверенная конструкция». Кто-то подхватывает: «Именно в этой четкости, на которой выстраивается обвинение, и заключается недостаток правдивости. Если бы данная правдивость предполагалась, идет ли речь о сборе информации или о ее группировке, юмор был бы уместен».

Мария спрашивает: «Разве не было бы больше правды в системе правосудия, если бы обе стороны смогли бы увидеть ситуацию с юмористической точки зрения?» По мере продолжения диалога выяснялось, что обвинители могут бояться того, что говорят другие, «потому что они должны поддерживать свой высокий рейтинг», заключает один из участников. Примерно через неделю Вилли показывает заключенным, многие из которых являлись участниками группы сократического диалога, фильм PBS¹ «Иск». Там ясно показано, как истина может быть принесена в жертву ради сохранения имиджа, так как система правосудия стремится сохранить свой авторитет любой ценой.

Во время этих групповых встреч мы замечали растущую готовность участников поделиться личными примерами и жизненными историями с целью понимания своего собственного личного опыта для прояснения сути обсуждаемых проблем. Каждый человек все больше чувствовал себя собственным судьей, так как он научился более внимательно относиться к своему собственному опыту и мыслям. Участники также стали более охотно прислушиваться к мнениям других, не становясь в привычную оборонительную позицию. Доверие становилось тем клеем, который объединил группу. Критика теперь служила в основном для прояснения своих собственных взглядов, чтобы более четко видеть свое состояние и свою жизнь в целом. Критика больше не рассматривалась как личное оскорбление. Многие участники, возвращаясь в свои камеры, продолжали осмысливать происходящее или обсуждать это с другими.

Их стало больше интересоваться, имеют ли многие вещи смысл или нет, они стали более ориентированы на мир и поиск своего места в нем, они перестали замыкаться только на своей судьбе. Они получили мощные рычаги для душевного роста, почувствовали себя способными стать хозяевами своей судьбы. Винить во всех своих бедах других людей и мир — это только одна

¹ Public Broadcasting Service — американская некоммерческая общественная служба телевизионного вещания (прим. переводчика).

и не самая лучшая мировоззренческая позиция, но способность принимать реальность во всей ее сложности — это гораздо более открытая позиция, хотя, возможно, в условиях тюремного заключения она может показаться абсурдной или наивной. Однако вопрошание открывает новые способы видения и восприятия мира и своего места в нем. Вопрошание показывает пути выхода их трясины беспочвенности и жизненных тупиков. Философия дала им возможность снова почувствовать себя живыми, дала им глоток свежего воздуха. Собрания группы сократического диалога стало для всех них событием, которого они с нетерпением ожидали. Внезапно мир снова стал полон богатых возможностей. Конечно, философия не стала панацеей от всех бед, но она дала надежду и открыла возможности тем, кто уже, казалось бы, совсем разочаровался в жизни, считая окружающий мир жестоким, грубым и несправедливым.

Вот примеры некоторых тем, которые также обсуждались нами. Когда мы анализировали книгу В. Франкла «Человек в поисках смысла», особенно ту ее часть, которая посвящена поиску смысла в нацистских концлагерях во время Второй мировой войны, один из участников, еврей по национальности, сказал, что поиск смысла в самых худших обстоятельствах может вселить надежду и он понимает, почему мы решили обсудить эту книгу в нашей группе сократического диалога. Однако, по его словам, при всей важности содержания этой книги, было одно обстоятельство, которое снижает актуальность этой книги для обсуждения в нашей конкретной группе: евреи в концлагерях были невиновны, а он сам и все здесь сидящие — виновны. После этого комментария последовала гробовая тишина. Интересно отметить, что этот заключенный, выйдя из тюрьмы, позже стал раввином. Другой пример был связан с утверждением, что «мужчина должен защищать свою семью». Один из участников рассказал, что отец говорил ему, что ради защиты своей семьи допустимо убийство. Этого ожидали и от него. После нашего обсуждения он нашел в себе мужество по-новому взглянуть на то, что значит «защищать» кого-то. Разве это оправдывает убийство? Это повлекло за собой вопрос, можно ли убивать в целях самообороны и что считается самообороной? Когда оправданная самооборона приводит к неоправданному убийству? Третий пример был связан с обсуждением такого человеческого свойства как жадность. Мы обсуждали забавную уловку, которую используют для

того, чтобы поймать обезьяну. Мы посмотрели видео сюжет, в котором охотник из Калахари искал воду.

Обезьяны в пустыне знают, где находится вода, и поэтому, если хочешь получить доступ к источнику воды — «следуй за обезьяной». Обезьяны любят соль. Но это вызывает у них жажду, поэтому охотник после того, как поймает обезьяну, привязывает ее и дает ей большой кусок соли, который та облизывает, и после того, как она начинает испытывать жажду, отпускает ее и бежит по ее следам к источнику воды. Так охотник обнаруживает воду. Но как ему удастся сначала поймать обезьяну? В узкую щель между камнями охотник кладет что-нибудь вкусное, и обезьяна не может устоять от соблазна. Вскоре она сует лапу в отверстие, чтобы схватить лакомство, оставленное охотником. Как только это происходит, охотник спокойно направляется к обезьяне, чтобы поймать ее, зная, что она ни за что не отпустит лакомство, держа его в кулаке, а сжатый кулак не позволяет ей вытащить лапу из узкого отверстия. Обезьяне достаточно только разжать кулак, чтобы высвободить лапу и убежать, но жадность оказывается сильнее благоразумия. Данная история вызвала смех у одного из участников группы, который рассказал о том, как его поймала полиция. Он попался точно так же, как эта жадная обезьяна тогда, когда загрузив в машину пару украденных компьютеров, он обнаружил, что уронил по дороге клавиатуру. И в то время, которое он потратил на поиск этой незначительной детали, раздались полицейские сирены, и он был схвачен. Теперь он в тюрьме. История достойная размышлений, хотя и весьма комичная.

Мы считаем, что такого рода философский диалог может существенно повысить эффективность пенитенциарных практик. Как известно, в США насчитывается самое большое количество заключенных и тюрем. Почти ежедневно мы читаем в газетах о том, сколько заключенных, вышедших на свободу, через короткое время вновь оказываются в тюрьме. Мы считаем, что эти люди становятся рецидивистами только потому, что, находясь в тюрьме, они не только не изменили своего мировоззрения, но стали еще более изолированными от себя и от мира. Мы считаем, что агрессивная тюремная среда не может никого «перевоспитать», и ожидать, что после освобождения эти люди автоматически станут законопослушными полноправными гражданами в высшей степени наивно.

Опыт использования философского диалога в тюрьмах вселяет в нас надежду, что

можно хоть как-то повлиять на снижение уровня рецидивизма и насилия в тюрьмах. Если вести систематическую работу в этом направлении, число заключенных может уменьшиться, а также может быть снижено количество повторных преступлений, что существенно сократит расходы налогоплательщиков. В 2007 г. проводилось исследование, которое показало, что среди заключенных, которым была предоставлена возможность получить в тюрьме образование, существенно снизился уровень рецидивизма.

Философский диалог способствует развитию человеческого потенциала. Он формирует исследовательские навыки, способность к саморефлексии, критическому мышлению, что в конечном итоге дает людям душевные силы и уверенность в решении жизненных проблем. Человек учится управлять собой и открывает для себя новые возможности самореализации. Философский диалог вселяет в человека уверенность, что он может измениться к лучшему, научиться преодолевать чувство собственной неполноценности. Это восстанавливает интерес к жизни, качество, без которого жизнь была бы скучной и однообразной. Философский диалог раскрывает уникальность каждого человека, возвращает ему во владение его собственное существование. Философский диалог наполняет личность духовной силой, силой дающей возможность свидетельствовать правду о себе и о мире, что является бесценным вкладом в общую картину мира, которую мы все пытаемся прояснить в ходе диалога. Чтобы понять влияние этих групповых занятий на заключенных, мы разработали небольшую анкету, в которой спрашивалось, как опыт групповой работы повлиял на их духовную жизнь, их мышление и личностную позицию.

5. Приложение

5.1. Ответы на вопрос, как групповая работа повлияла на духовную жизнь

Вот некоторые ответы на вопрос о том, как групповая работа повлияла на духовную жизнь:

- это помогло мне лучше понять слаботи и иллюзии человеческого разума, который заикливается на себе, считает себя завершенным и самодостаточным;
- я смог найти свое место в жизни, ответственное моей вере;

- я думаю, что этот опыт поможет мне в моей повседневной жизни;
- поскольку моя религия — это та же философия, я понял, что вера и разум идут рука об руку.

5.2. Выход за свои пределы — понимание состояний человека

Некоторые ответы на вопрос, как групповая работа повлияла на мышление:

- это помогло мне понять, что мои философские концепции отличаются от представлений других людей, так и должно быть; это помогло мне принять непохожие на мои мысли и чувства других людей;
- я стал больше думать о том, что я пытаюсь высказать; я понял, что всегда есть несколько способов взглянуть на одни и те же вещи;
- теперь я знаю, что следует уважать мнения других людей, потому что все мы воспитаны по-разному;
- я погрузился в целый поток мнений, и это заставило меня взглянуть на самого себя со стороны; люди, которые меня окружают, гораздо глубже и интереснее, чем может показаться на первый взгляд;
- человечество, все мы и я сам являемся примерами забвения истины, живя во лжи;
- я думаю, что групповая работа научила меня критически осмысливать события и мир вокруг меня.

5.3. Открытость миру, улучшающая способность понимать, разбираться в себе и т. д. — понимание разных точек зрения

Некоторые ответы на вопрос, как групповая работа повлияла на личностную позицию:

- это научило меня замечать вещи, которые могли бы сделать меня счастливее благодаря тем, кто вокруг меня;
- группа научила меня быть честным с собой; если я правдив, я могу видеть себя таким, каким меня видят другие;
- это помогло мне понять, что важно для моей семьи, для моих друзей, а также лучше узнать, кто есть я сам;
- кажется, я стал понимать точку зрения других людей, а это помогло мне взглянуть на свою жизнь иначе, менее изолированно;

- в группе я почувствовал себя в безопасности, и это мотивирует меня не бояться жизни;
- я стал уважать чувства других людей.

5.4. Осознание других и окружающего мира — путь к самопознанию

Мы считаем, что в любых тюрьмах можно практиковать группы сократического диалога, которые помогут участникам понять, как мы думаем и рассуждаем, и кто мы есть. Эти группы могут открыть альтернативные способы видения мира и бытия в мире, давать решения многим жизненным проблемам. Заключение могут научиться разговаривать друг с другом, преодолевать барьеры, которые существуют между ними, барьеры, которые чаще служат целям властей, чем их собственным. Они могут научиться переходить от сознания жертвы к ответственной позиции в отношении своего жизненного опыта, действительно извлекать жизненные уроки, постепенно становясь поистине мудрыми людьми.

Например, во время применения компонента «Философия для детей» Мария прочла собравшимся книгу «Александр и заводная мышь» Л. Леонни, чтобы побудить участников задавать вопросы по поводу этого сюжета, вопросы, которые можно было бы адресовать самому себе, чтобы лучше понять сюжет. Это история о настоящей мыши, которая завелась в доме и которую пытаются истребить, потому что само ее присутствие представляет большую неприятность. Однажды ребенок получает в подарок заводную мышь и в результате сказочного превращения заводная мышь постепенно становится настоящей мышью. Вот некоторые вопросы и ответы на них, которые возникли после прослушивания рассказа:

- как так получается, что когда люди у себя дома, они пытаются истребить определенные виды животных и насекомых, которые, в принципе, безобидны? Как будто только находясь вне дома, мы чувствуем себя частью природы, когда же мы внутри дома — мы властвуем над природой. Мы толерантны только к искусственной копии природы;
- почему когда мы сильно хотим чего-то, мы видим только недостатки того, что у нас есть, хотя и очень похожего на предмет наших желаний? Как был бы прекрасен мир, если бы все были такими альтруистами, как Александр;

- почему мы хотим, чтобы все нас любили, иногда даже себе во вред?
- почему иногда мы хотим быть кем-то другим, а не сами собой? Мы недовольные собой просто потому, что не знаем себя;
- почему люди ценят копию реальности больше, чем саму реальность? Всегда ли трансформация происходит под воздействием внешней силы или объекта?
- не нужно надеяться на чудо — изменись сам!
- почему мы пренебрегаем чем-то, хотя говорим, что любим это?

Наивная детская история вызвала у этих суровых мужчин столько чувств, столько мыслей о жизни вообще и их собственной жизни, в частности.

Философский диалог помогает заключенным поработать над осознанием своего жизненного опыта, а ясное мышление помогает им решать проблемы, которые преследуют их всю жизнь. Они получают возможность обсуждать модели социального поведения, проблемы расизма, экономики, политики, добродетели, здоровья, смысла жизни.

Философский диалог способствует созданию исследовательских сообществ, в которых заключенные учатся вести дискуссию, понимать и преодолевать предрассудки, ненависть, страхи и ложь, которые делали их внутренне несвободными. В этом процессе заключенные «исцеляют» свои душевные недуги посредством диалога, учатся доверять другим и самим себе. Для многих заключенных сообщество исследователей станет альтернативой рецидивизму, будет способствовать росту интереса к семье, общению, гражданской позиции.

Заключенные, которые участвовали в философском диалоге, открыли для себя возможность контролировать свою жизнь, но не с помощью своего «психологического диагноза», который освобождает их от ответственности перед жизнью, но с помощью мобилизации своей творческой энергии на поиск ее лучшего, более продуктивного применения. Неосознанная жизнь действительно не стоит того, чтобы быть прожитой. Благодаря философскому диалогу заключенные возвращаются к своей подлинной жизни, и пользу от этого извлечет все общество, благодаря доброй энергии и глубокому пониманию, которое обретается в ходе диалога.

Мы хотели бы закончить статью цитатой из одной из наших любимых книг Финна «Здравствуйте, мистер Бог, это Анна»: «И так далее, и тому подобное... Час за часом, день

за днем, год за годом. Разговор сверкал и вспыхивал, будто летние молнии, рассеивая тьму, переплавляя философию, теологию, жизненный опыт во что-то такое, с чем можно было жить. Именно до этого была так жадна Анна. Звучит, пожалуй, не очень, но именно из этой руды появлялось золото»¹.

1. Buber M. The Education of Character // M. Buber. Between Man and Man. New York : Macmillan Publishing Co., 1965.

2. Carse J. P. Finite and Infinite Games. New York : Ballantine Books, 1986.

3. Comte-Sponville A. A Small Treatise on the Great Virtues. New York : Holt Paperbacks, 1996.

4. Frankl V. Man's Search for Meaning. Boston : Beacon Press, 1959.

5. Hadot P. Philosophy as a Way of Life. Oxford : Blackwell, 1995.

6. Hadot P. What is Ancient Philosophy? Cambridge : Harvard University Press, 2002.

7. Kohlberg L. The Philosophy of Moral Development Moral Stages and the Idea of Justice. Boston : Harper & Row, 1981.

8. Leoni L. Alexander and the Wind-Up Mouse. New York : Dragonfly Books, 1969.

9. Pfister M. Milo and the Magical Stones. New York : North-South Books, 1997.

10. Segal S. Meaning Crisis // Essays on Philosophical Counseling / ed. R. Lahav, M. da Venza Tillmanns. Lanham : University Press of America, 1995.

11. Steig W. Doctor De Soto. New York : Farrar, Strauss and Giroux, 1982.

References

1. Buber M. (1965) The Education of Character // M. Buber. Between Man and Man. New York, Macmillan Publishing Co. Publ. [in Eng].

2. Carse J.P. (1986) Finite and Infinite Games. New York : Ballantine Books Publ. [in Eng].

3. Comte-Sponville A. (1996) A Small Treatise on the Great Virtues. New York, Holt Paperbacks Publ. [in Eng].

4. Frankl V. (1959) Man's Search for Meaning. Boston, Beacon Press Publ. [in Eng].

5. Hadot P. (1995) Philosophy as a Way of Life. Oxford, Blackwell Publ. [in Eng].

6. Hadot P. (2002) What is Ancient Philosophy? Cambridge, Harvard University Press Publ. [in Eng].

7. Kohlberg L. (1981) The Philosophy of Moral Development Moral Stages and the Idea of Justice. Boston, Harper & Row Publ. [in Eng].

8. Leoni L. (1969) Alexander and the Wind-Up Mouse. New York, Dragonfly Books Publ. [in Eng].

9. Pfister M. (1997) Milo and the Magical Stones. New York, North-South Books Publ. [in Eng].

10. Segal S. (1995) Meaning Crisis // Essays on Philosophical Counseling. Lanham, University Press of America Publ. [in Eng].

11. Steig W. (1982) Doctor De Soto. New York, Farrar, Strauss and Giroux Publ. [in Eng].

¹ Финн. Здравствуйте, мистер Бог, это Анна. М. : РИПОЛ-классик, 2015. С. 114.

For citing: Tillmanns M., Crespo W. Philosophical practice and aporia in prison // Socium i vlast' 2019. № 3 (77). P. 107—119.

UDC 101.8 + 101.9

PHILOSOPHICAL PRACTICE AND APORIA IN PRISON

Tillmanns Maria daVenza,

University of California, San Diego, USA, PhD,
UC San Diego 9500 Gilman Dr. La Jolla, CA 92093
E-mail: davenza@sbcglobal.net

Crespo Wilfredo (Willy),

St. Timothy Episcopal Church (Indianapolis, USA),
Reverend Doctor,
2601 East Thompson Road Indianapolis IN 46227
E-mail: frcrespo92@gmail.com

Abstract

In this paper we discuss how through our bi-weekly Socratic dialogue groups with inmates at the Metropolitan Correctional Center downtown San Diego, we were able to bring the inmates to a sense of aporia or puzzlement. Not only did the dialogues help to uncover assumptions, uncovering the dots, so to speak, but also to help reconnect the dots and see their world from a different perspective. It allowed them to question their lives in a safe and non-judgmental environment. They felt empowered by these dialogues to become their own life's judges, freeing themselves from feeling oppressed by the judgments of others.

Key words:

aporia,
puzzlement,
Socratic dialogue,
working with inmates,
fidelity,
humor,
philosophy with children.

Для цитирования: Борисов С. В. Как нужно понимать философию? (по материалам семинара Лидии Амир «Принимая философию всерьез», 23—27 мая 2019 г., Челябинск — санаторий-курорт «Кисегач») // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 120—127.

УДК 1(091) + 101.1 + 101.9

КАК НУЖНО ПОНИМАТЬ ФИЛОСОФИЮ? (по материалам семинара Лидии Амир «Принимая философию всерьез», 23—27 мая 2019 г., Челябинск — санаторий- курорт «Кисегач»)¹

Борисов Сергей Валентинович,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский
университет),
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация,
454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой обзор работы философского семинара «Принимая философию всерьез», который проходил 23—27 мая 2019 г. в санатории-курорте «Кисегач» (Челябинская область), руководителем которого была философ из Израиля Лидия Амир. В ходе семинара обсуждались темы «серьезного» и «несерьезного» отношения к философии, ответственности философа в современном мире, а также практические и прикладные аспекты философии, наиболее актуальные сегодня, способные открыть путь в эту область знания «широкой публике».

Ключевые понятия:

философия,
философское консультирование,
философская практика,
преподавание философии,
перфекционизм,
мелиоризм.

¹ Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021-ОГН «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Лидия Амир — известный израильский философ, приглашенный профессор Университета Тафтса (Бостон, США), знакома широкой публике своими научно-популярными книгами, посвященными историко-философской проблематике, а также различным аспектам философской практики и философского консультирования. Наиболее известные из них: «Юмор и благая жизнь в философии Нового времени», «Переосмысление ответственности философа», «Принимая философию всерьез»². Благодаря публикациям в журнале «Социум и власть» ряд концептуальных работ Лидии Амир стал известен российскому читателю³. По инициативе Российской ассоциации философов-практиков и при финансовой поддержке Южно-Уральского государственного университета, Лидия Амир провела выездной семинар с российскими философами и гостями из Казахстана в уральском санатории-курорте «Кисегач». Темой семинара стало название одной из ее книг «Принимая философию всерьез».

Перед началом семинара все участники собрались вместе, чтобы подумать над тем, что они ожидают от этого мероприятия. Ставить такой вопрос всегда целесообразно, поскольку ответ на него создает необходимый исследовательский настрой, осознанное отношение к происходящему, вдумчивое слушание и активную заинтересованность в результате. Участники совещания, поделившись своими ожиданиями, сформулировали три главных вопроса, вызвавшие у всех собравшихся наибольший интерес:

1. Что означает это загадочное словосочетание «серьезное отношение к философии»?
2. Какова ответственность философа в современном мире?
3. Каковы практические и прикладные аспекты философии, наиболее акту-

² Amir L. B. *Humor and the Good Life in Modern Philosophy*: Shaftesbury, Hamann, Kierkegaard. Albany, New York : State University of New York Press, 2014; Amir L. *Rethinking Philosophers' Responsibility*. London : Cambridge Scholars Publishing, 2017; Amir L. *Taking Philosophy Seriously*. London : Cambridge Scholars Publishing, 2018.

³ Амир Л. Принимая философию всерьез: перфекционизм versus мелиоризм. Часть 1 // Социум и власть. 2017. № 3 (65). С. 106—111; Амир Л. Принимая философию всерьез: перфекционизм versus мелиоризм. Часть 2 // Социум и власть. 2017. № 4 (66). С. 86—95; Борисов С. В. Энциклопедия философской практики (рецензия на книгу: Amir L. *Taking Philosophy Seriously*, Cambridge Scholars Publishing, 2018) // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 132—137.

альные сегодня, способные открыть путь в эту область знания «широкой публике»?

Все эти вопросы стали главными темами семинара и именно от них отталкивалась Лидия Амир, организуя нашу совместную интеллектуальную работу.

**День первый.
О серьезном отношении
к философии**

Если философия используется в помогающих практиках, то главное — сохранить в этих практиках все основные философские составляющие, чтобы любой философ-профессионал, наблюдая за нами или анализируя наши методы, мог с уверенностью сказать: «Да, это философия». Разговор о помогающих практиках здесь не случаен, поскольку, по словам Лидии Амир, между академической и практической философией нет существенной разницы. При этом, о практической философии речь идет опять-таки не в ее академическом (например, кантовском) смысле, а в смысле философской практики — распространенной в странах Европы и Америки форме терапии и «популярной философии». По мысли Лидии, теория и практика в философии предполагают и дополняют друг друга. Иначе философия будет областью чистых абстракций, оторванных от жизни. Если от всего богатства философии остается только теория — это, по меткому замечанию Лидии, свидетельство «несерьезного» отношения к философии, ибо вместо того, чтобы быть рефлексией о жизни, дабы прояснять ее основные проблемы, такая «несерьезная» философия будет или запутывать (дезориентировать в жизни), или уводить от жизни в заоблачный мир «чистого разума».

Университетскому профессору, который безупречно выстроил свою философскую теорию как систему, кажется странным, что большинству студентов она чужда и непонятна. Как правило, реакцией на это непонимание является упрощение (вульгаризация) теории в угоду «нерадивому» слушателю. Вот тут-то, по мысли Лидии Амир, и начинается «халтура», «несерьезное» отношение к философии. Не упрощать нужно, а прояснять, выстраивая «карту идей», по которой мысль слушателя может двигаться дальше. Для движения необходим простор, пустоты в теории, которые студент может заполнить своими рассуждениями. Герметичная теория во всей своей тотальности предназначена только для запоминания;

это, несомненно, разовьет память студента, но его разум при этом может так и не проснуться. Пробуждение мысли всегда связано с проблемой, которая находится не в самой философии, а вовне, в жизни. Эту проблему философия, собственно, и пытается прояснить и разрешить.

Нужно начинать философствование с конкретной наличной проблемы, поясняет Лидия Амир. Например, для Канта было важно с помощью философии разрешить противоречие между научным мировоззрением, дающим объяснение мирозданию (Ньютон), и скептицизмом, определяющим границы нашего познания и опыта (Юм). Это реальная мировоззренческая проблема может волновать любого человека (не обязательно философа). И именно эта проблема является ключом к пониманию философии Канта.

Именно через жизненную проблему каждый открывает для себя философию. Следовательно, философию необходимо понимать личностно, ее нельзя усвоить, сохраняя почтительную дистанцию между теорией и жизнью. Те философы, кто в процессе преподавания пытаются эту дистанцию сохранить, по словам Лидии, попросту боятся заниматься философией всерьез, рассказывают доверчивым слушателям красивые сказочки о философии. При этом не важно, какой философский курс нам, как преподавателям, поручено вести. В основе нашего философствования должна лежать та или иная экзистенциальная проблема и наше личностное философское отношение к ней. Постановка проблемы влечет за собой выбор путей ее решения. Ситуация выбора — тоже свидетельство нашего личного участия в философствовании. Именно этот личностный, экзистенциальный аспект обеспечивает актуальность философии. Философская мудрость заключается в том, чтобы всякий раз становился личностью в процессе философствования. Если этого нет, то излагаемые нами философские теории никак нельзя квалифицировать как мудрость. Парадоксально то, с горечью отмечает Лидия, что большинство преподавателей философии вовсе не связывают свой предмет с мудростью. Они что-то твердят об «общем развитии» или о навыках критического мышления, об умении аргументировать и задавать вопросы. Но ведь все это не может быть важно само по себе, если не сформулирован конечный и самый важный «вопрос всех вопросов» — вопрос о ценностях. Причем этот вопрос, как правило, «прилетает» из аудитории, правда, звучит он не столь лестно, как хотелось бы преподавателю: «А зачем вообще нам это знать?»

Между прочим, отмечает Лидия, это настоящий философский вопрос, который свидетельствует о личной позиции и интересе слушателя. Этот вопрос продиктован философской по духу «заботой о себе». Нет иной отправной точки философствования, кроме личного интереса, подчеркивает Лидия. Конечно, задача состоит не в том, чтобы тут же удовлетворить этот интерес каким-то исчерпывающим ответом. Философское вопрошание — это не игра в угадывание и не катехизис «правильных» ответов. Удовлетворение интереса заключается в его расширении от частных, бытовых, рутинных проблем к пониманию сути общечеловеческих проблем. Мастерство преподавателя заключается в том, чтобы частный вопрос поднять на уровень философского вопроса, совершить его восхождение в сферу духа, в сферу подлинной человечности. Там в этой сфере мы найдем множество философских решений, поскольку философские проблемы вечны, они повторяют себя в каждый новый исторический момент, следовательно, они содержат множество полезных решений, применимых к нашей конкретной исторической ситуации. Вот тут-то опять важно искусство преподавателя, способного из всего этого многообразия выбрать именно такую теорию, которая прояснит нашу конкретную историческую ситуацию.

(Тут Лидия вытягивает вперед руку, как бы держа что-то двумя пальцами, и трясет этим перед собой.) Наша личная незаинтересованность и безразличие подобно дохлой крысе, которой мы трясем перед слушателем. Однако в душе слушателя нужно породить сомнение через вопрос, чтобы он ощутил, что внутри него поселилась живая ненасытная крыса, которая не дает покоя и может сожрать его изнутри. Конечно, и то и другое — крайности. Философ — это всегда борец за рациональность. Этим средством нужно умело пользоваться. Ведь рациональность может увести нас на самый высокий уровень абстракции, не удержавшись на котором, мы неизбежно «скатимся» до схематизма или банальности, теряя связь с живой реальностью. Именно этот принцип живого реализма должен удерживать нас от отстраненной позиции в процессе философствования. Преподаватель, упражняясь со студентами в рациональности, должен уметь сочетать мыслительное напряжение, необходимое для усвоения той или иной теоретической схемы, и расслабление, связанное с переключением внимания на человеческие свойства и характеристики, которые наполняют эти абстрактные схемы жизнен-

ным содержанием. Преподавание философии — это искусство совершать плавные переходы от конкретного к абстрактному и наоборот, поясняет Лидия Амир.

Философское консультирование — это философская практика, открывающая для любого человека возможность персонального общения с философом. Философствование осуществляется в границах персонального пространства. Главное условие работы — вопрошание. «Задавайте вопросы», провозглашает Лидия Амир, именно с этого призыва начинается философская консультация. Конечно, вопросы могут быть самыми разными и большинство из них касаются тех или иных сторон частной жизни человека. Но я как философ могу помочь с ответом только на философские вопросы, когда в своем вопрошании клиент выйдет на уровень ценностных, фундаментальных проблем бытия. Следовательно, на первых порах мне нужно помочь клиенту с формулировкой вопроса. Любой частный вопрос базируется на тех или иных мировоззренческих предпосылках, которые делают для человека эту область частной жизни предметом повышенного интереса. Выявление этих мировоззренческих предпосылок поможет совершить первый переход от конкретного к абстрактному. Итак, сначала вопрос, затем прояснение скрытых мировоззренческих предпосылок вопроса (для одной консультации, как правило, достаточно двух предпосылок), далее выход на уровень собственно философского вопроса и затем несколько вариантов философских ответов. Каждый подобный цикл завершается выходом на формулировку нового философского вопроса, и данный процесс запускается вновь и вновь, переходя на более высокий уровень философской абстракции.

Философ пользуется абстракцией как средством. Каждая философская теория — это не догма, а набор способов прояснения сути тех или иных жизненных проблем. Философ-консультант учит человека владеть этими способами. Метод философа-консультанта должен быть полностью прозрачным для клиента. Лидия отмечает, что в ходе встречи необходимо постоянно пояснять важность, личную значимость того или иного смыслового перехода в разговоре. В философской коммуникации философ и клиент равноправны. Не один поучает другого или дает «мудрые» советы, а оба говорят о том, почему та или иная мысль так важна и ценна для него лично. Мы должны делать то, в чем мы хороши, поясняет Лидия, если это получается у нас, то тот, кого я обучаю, усво-

ит мои средства и научится их применять к своей ситуации. Дело в том, что ответ на философский вопрос, который научится формулировать клиент, необходимо отыскать ему самому. Чувствуя назревание ответа, человеку трудно найти для этого подходящие слова, так как он вступил в область весьма специфических философских понятий, точное значение которых ему пока не известно. Начинается, иногда весьма болезненный, процесс поиска нужных слов и выражения тех мыслей, которые могут служить ответом на философский вопрос. Это очень важный момент консультирования, ибо человеку нужно не просто найти ответ, но и критически оценить его. Как правило, полученный результат никогда не удовлетворяет в полной мере. Человек, несомненно, чувствует облегчение, разрешившись от «бремени» вопроса, но на первых порах результат этой работы имеет весьма жалкий вид. Поэтому философ-консультант побуждает снова и снова искать иные варианты ответа, делая высказанные мысли более жизнеспособными. На этом этапе работы на помощь приходят фрагменты философских текстов.

Клиенту всегда нужно знать, подчеркивает Лидия Амир, в какой точке «карты идей» он находится, совершая свое философское путешествие. От этого зависит выбор «правильного» пути. Речь идет о формулировке действительно значимого вопроса, который определит дальнейший ход рассуждений. Здесь, как и раньше, человека направляет его интерес, поначалу смутный, а потом все более и более ясный и определенный.

Для того чтобы научиться философствовать, человеку необходим наставник, утверждает Лидия, то есть персональный лектор, персональный консультант, персональный учитель. Только тогда философия станет поистине жизненной потребностью и занятия ей принесут свои плоды. Философская коммуникация возможна только в момент встречи. Этот момент освобождает нас от привязки к привычным схематизмам мысли и действия и дает шанс увидеть что-то новое, посмотреть на мир и на себя в нем в иной перспективе. Только в условиях истинной коммуникации (встречи), самотрансформация личности проходит естественно, без внешних травмирующих усилий. Все люди разные, и это обстоятельство не только разъединяет, но и сближает людей, поскольку в условиях открытости и свободы непохожесть притягивает, вызывает интерес, создает ситуацию близости. Стоит изменить условия, близость станет невозможной, единый мир распадется на

множество противопоставленных друг другу проекций, как некогда единое зеркало, отражающее общую картину, распадается на множество осколков, каждый из которых по-своему отражает мир. Настоящий диалог организовать очень трудно, рассуждает Лидия, так как мы никогда по-настоящему и до конца не можем принять позицию другого. Поэтому то, что обычно называют диалогом, это либо несколько монологов, звучащих поочередно (дискуссия), либо несколько монологов, звучащих одновременно (спор). С этим необходимо мириться как с неизбежным злом, поэтому диалог следует организовывать не ради поиска ответов на вопросы, а только тогда, когда все ответы уже найдены.

Таким образом, серьезное отношение к философии, как это определяет Лидия Амир, — это, прежде всего, преданность ее основным целям, а именно: во-первых, истине, даже если она неудобна, ибо настоящий философ, выбирая между счастьем и истиной, все же предпочтет истину; во-вторых, свободе, ибо настоящий философ стремится к освобождению от привычных стереотипов мышления; в-третьих, мудрости, направляемой любовью к истине и поиском путей освобождения. Все эти главные цели философии Лидия именует перфекционизмом. Этот путь доступен немногим, но практиковать философию могут все, и такая практическая форма философии (в терминологии Лидии — мелиоризм) — это широкий путь философской практики, продиктованный целями перфекционизма. Это извечный переход «от мифа к логосу», который совершается в любую эпоху любым мыслящим человеком. Наиболее приемлемой формой такого философского праксиса для Лидии является «эпистемология добродетелей», т. е. осмысление всего того, что является благом для человека.

День второй. Об ответственности философа

Итак, какова же ответственность философа в современном обществе? Считают ли философы, что они вообще за что-то отвечают или должны отвечать? Если да, то в чем специфика этой ответственности? Данные вопросы стали предметом нашей групповой работы, которую, после небольшого теоретического вступления, организовала Лидия Амир. Сначала группам участников было предложено после краткого обсуждения дать ответ на следующий вопрос: есть ли что-то, что может делать только философ?

По замыслу Лидии, если каждая из групп определится с тем специфичным и уникальным, что лежит в основе философии, это и прояснит особое место философа в обществе и его персональную ответственность перед ним. Поскольку философия персональна, каждому из нас в своем философском самосознании следовало задуматься над тем, что ему, как философу, удастся лучше всего. Первая группа участников специфичность философии усмотрела в ее диалогичности:

- ведение сократического диалога, направленного на поиск истины, разоблачение явной или скрытой лжи;
- умение задавать «неудобные» вопросы, инициируемые моим незнанием, отсутствие каких-либо предзаданных теоретических схем, ограничивающих рассуждение;
- неотделимость образа мысли от образа жизни, поэтому я и веду диалог, т. к. сам диалогический процесс и его результат есть форма моей жизни, «мыследеятельности».

Вторая группа специфику философии обнаружила в особом качестве абстракций, которые применяются в философском рассуждении:

- философские абстракции качественно отличаются от тех абстракций, которыми пользуется наука;
- для философа абстракции — это его рабочий инструмент; то, что неискушенным в философии человеком может восприниматься как откровение и истина в последней инстанции, для философа — отправная точка рассуждений.

По поводу этого суждения Лидией был задан уточняющий вопрос о том, может ли философия быть профессией со всеми вытекающими характеристиками профессионального статуса философа? На утвердительный ответ группы, Лидия осторожно поинтересовалась: «А обязательно ли профессионализм связан с получением денег?» Здесь мнения членов группы разошлись, и вопрос об ответственности философа опять проявил себя во всей остроте. По мнению одного из участников группы, философия нужна обществу, поскольку она выполняет определенный социальный заказ, связанный с выражением общественной идеологии, которую необходимо адаптировать к мировоззрению простых людей. Лидия прокомментировала этот ответ, напомнив, что философия в общественном сознании до сих пор выступает в образе «царицы

наук», задающей те или иные парадигмы мышления.

Третья группа специфику философии увидела в публичной рациональной критике господствующих идей. Именно философия задает рациональные основы морали и политики, поэтому философы несут ответственность за углубление и распространение критического мышления в обществе. Необходимо «поймать» в мысли запрос общества, даже если он еще не сформулирован. Философ должен владеть стратегией, вырабатывать собственные оригинальные инструменты для того чтобы сформулировать запрос общества. «Философом всегда быть нелегко, — сказала одна из участниц группы, — ему всегда нужно “ловить” человеческие души и даже “причинять” людям добро, потому что людям все время некогда подумать о самом важном». «Так всегда было с философами?» — спросила Лидия. «Да, потому что во все времена общество оказывается не готовым к восприятию философских идей».

Для четвертой группы центральной темой аутентичности философии стала ее экзистенциальная основа:

- философия есть путь освобождения от фатальных данностей мира (смерти, одиночества, абсурда) посредством радости, которую доставляет процесс мышления;
- философия может сделать меня счастливым в любой сфере деятельности, в которую «забросила» меня жизнь;
- философ всегда имеет свою собственную личностную позицию, которой он придерживается даже тогда, когда общество его не понимает, и в этом как раз и заключается его персональная ответственность перед ним, он показывает на собственном примере, что общечеловеческие ценности выше любых корпоративных интересов.

После того, как группы определились со спецификой философии, Лидия Амир поставила перед участниками два других вопроса, которые явились следствием и углублением предыдущего:

- 1) почему то, что вы сейчас назвали, так важно и ценно для вас?
- 2) что из того, что о чем вы сейчас говорили, может быть реализовано в России и как это сделать?

Поскольку данные вопросы Лидии прозвучали в завершении второй части семинара, их обсуждение проходило в свободной и стихийной форме. До глубокой ночи

продолжались дискуссии в разных группах и группках, которые образовывались то здесь, то там. Живая мысль возобновляла свое кружение, интеллектуальное напряжение не спадало ни на минуту, воспроизводя форматы старого доброго сократического диалога, где участники имеют для обсуждения столько досуга, сколько они сами захотят себе предоставить, двигаясь по причудливым тропинкам идей, переживая множество инсайтов, пока эти тропинки не выведут их к положительному решению проблем или, как часто бывает, к осознанию невозможности их решения.

**День третий.
О «смеющихся»
и «плачущих» философах**

Те, кому открылась возможность самотрансформации, таящаяся в философии, чувствуют в себе ее громадную силу. Однако реакцией на это может быть страх, ведь изменение наших мыслей может повлечь за собой изменение образа жизни, но к этому мы можем быть совсем не готовы. Изменения всегда желательны, но изменяться крайне трудно. Если же изменения не происходят, то вся предшествующая философская работа теряет смысл. В этот ключевой момент, поясняет Лидия Амир, обнаруживается «трагизм» философии. Однако Лидия предлагает выход из этого трагичного тупика, связанный с использованием юмора. Юмор в этих обстоятельствах становится спасительным и очень серьезным делом, поскольку он организует диалог между разными и порой противоречивыми позициями «персонажей», населяющих наш внутренний мир. Как известно, Аристотель для определения моральных добродетелей использовал принцип «золотой середины». Именно юмор открывает это «срединное пространство», пробуждает к жизни многие нравственные качества, которые способны предотвратить нарастающий внутренний конфликт. Например, юмор позволяет мне сочувственно, с состраданием взглянуть на менее зрелые качества моей личности с позиции более зрелых качеств. С помощью юмора я обретаю средства и развиваю способности к самопознанию, поскольку начинаю лучше понимать себя и принимаю себя таким, каков я есть. Только юмор в состоянии проникнуть в те области бессознательного, в которые путь разуму закрыт. С помощью юмора можно научиться умело «выуживать» бессознательные побуждения для предъявления их на суд разума. Юмор

чудесным образом организует во внутреннем пространстве человека встречу тех личностных качеств, которые его «трагичный» разум старательно разъединяет и противопоставляет. Юмор, по словам Лидии Амир, может открыть нам новое знание о себе и делать нашу самотрансформацию менее болезненной.

Обращаясь в процессе философствования к примерам из собственной жизни, мы можем анализировать со слушателями весьма «комичные» случаи. Однако сама способность осознавать этот «комичный» образ себя — это отнюдь не свидетельство легкомыслия, это результат трудного и «трагичного» по сути пути самотрансформации. Ответственность философа всегда персональна, отмечает Лидия. Как минимум, это открытость философа людям, как максимум, это возможность запустить процесс их собственной самотрансформации.

К сожалению, констатирует Лидия Амир, из современной философии практически исчезли традиционные метафизические и этические проблемы. Философию, как и современную науку, постигла «болезнь» узкой специализации. Эта болезнь увела философию из жизненного мира и загнала ее в узкие рамки научных исследований. Необходимо вернуть философию простым людям, сделать ее более открытой для всех сфер духовной жизни, из которых разум черпает свой ресурс, например, для религии. Ведь если мы изучаем этику и говорим о ценностях, мы прекрасно понимаем, что к единой этике общечеловеческих ценностей ведет множество извилистых дорог моральных установлений, продиктованных религией и традицией. И все эти дороги «вымощены» различными мировоззренческими основаниями, следовательно, если мы хотим, чтобы нашу философию понимали, мы должны помогать людям опираться в своих философских рассуждениях на основания, которые соответствуют их специфическим религиозным представлениям или традиционному укладу их жизни.

То же самое касается абстрактных философских теорий. Например, многих слушателей в философии Шопенгауэра отталкивает его туманная и малопонятная «воля к жизни». Однако каждому ясно, что есть такое нравственное чувство как сострадание. Это основное условие человеческого существования среди людей, базовое нравственное чувство, которое прекрасно соотносится с жизненным опытом любого человека, с религиозными сюжетами или сюжетами мировой литературы. Вот теперь появляется

повод подумать о том, как всем понятное нравственное чувство сострадания связано с метафизикой Шопенгауэра. Разные области философского знания объединяет единая проблема. Поиск, прояснение и формулировка этой проблемы — путь в философию. Философские проблемы не имеют окончательного решения, их нужно совместно проживать. Именно этот опыт проживания выводит человека на более высокий уровень понимания жизни.

По меткому замечанию Монтеня, всех философов можно поделить на две категории: «смеющиеся» философы и «плачущие» философы¹. К первой категории философов Монтень отнес Демокрита, а ко второй — Гераклита. Смех Демокрита, поясняет Лидия Амир, имеет глубокий философский смысл, ведь в обычной жизни мы часто смеемся над другими, но не над собой. Умение посмеяться над собой — вот подлинная мудрость. Конечно, мы можем предаваться страданию и плакать по поводу того, что «все течет, все изменяется» и нас самих неумолимо влечет река метаморфоз, владающая в океан забвения. Однако пока мы осознаем себя как человеческое существо, мир и мы сами в нем могут быть смешными, ибо, по словам Бергсона, «человек всегда смеется только о человеческом».²

На этот раз Лидия предложила группам охарактеризовать главные условия человеческого существования, найти ту «формулу», которая наиболее полно передает человеческую сущность. Появилось множество вариантов:

- экзистенциальный ужас перед необытием;
- символический язык для познания, общения и самовыражения;
- свобода, обреченность выбирать;
- осознание противоречий и поиск гармонии;
- балансирование между низким и возвышенным и т. д.

Следующий вопрос Лидии призывал членов групп взглянуть на характеристики человеческого существования с позиции трагичности: является ли человеческое существование трагичным? Большинство участников согласилось с тем, что человеческое существование поистине трагично:

- с момента рождения человек вынужден выживать, бороться за жизнь: сначала за жизнь биологическую,

потом за общественное признание, а затем за собственную индивидуальность; этой борьбой пронизано все его существование;

- трагизм человеческого существования обусловлен постоянными столкновениями с «пограничными ситуациями»; осознание и преодоление любых границ трагично и болезненно;
- все живое обречено на смерть, а это трагично;
- любой выбор, который делает человек, всегда трагичен, поскольку он не знает наверняка, что его ждет в будущем; неопределенность трагична;
- неудовлетворенность желаний ведет к неудовлетворенности жизнью; хотя это и банально, трагизм заключается в том, что в условиях земного существования никогда не достигнешь полноты счастья.

При всем трагизме данного анализа многие участники отметили, что рядом с «человеком плачущим» всегда находится «человек смеющийся», причем иногда это могут быть ипостаси одной и той же личности. На самом дне осознания собственной трагедии мы вдруг внезапно обретаем силу и надежду, чтобы всплыть на поверхность жизни, на нас накатывает «смех сквозь слезы». В мире полном трагичной борьбы за жизнь, бессмертный человек — самое нелепое и смешное существо. Возвышаясь мыслью до мира трансцендентного, человек даже на самые трагичные периоды своей жизни может смотреть со снисходительной улыбкой.

Юмор очень глубок, резюмирует Лидия Амир. Он не противоречит ни одному из человеческих качеств, потому что он может все их примирить. Человеческие качества постигаются нами в синтезе на разных уровнях своей иерархии. Реализуются они посредством нашего отношения к жизни. Разум говорит нам о неполноте этой реализации и в этом проявляется его трагичность. Однако сама жизнь учит нас, что наше отношение к ней создает то силовое поле напряжения, которое мы и называем тем или иным качеством. Философия сохраняет это напряжение, она сопротивляется нашему «ленивому» желанию избавиться от него, забыться приятным сном повседневности. Философия учит нас жить с этим напряжением. Мы в состоянии даже непримиримые оппозиции, которые трагичный разум привел к противоречию, воспринимать как комичное, когда с помощью юмора мы сводим их вместе. Нам смешна сама их несов-

¹ Монтень М. О Демокрите и Гераклите // М. Монтень. Опыты : в 3 кн. Кн. 1. СПб. : Кристалл : Респекс, 1998. С. 359—363.

² Бергсон А. Смех. М. : Искусство, 1992. С. 11.

местимость. Трагичное и комичное в философии существуют вместе, как и трагичное и комичное в жизни. Это и обеспечивает их полноту, яркость и уникальность.

«Принимая философию всерьез»... Именно так назывался наш семинар, гостьей и ведущей которого была Лидия Амир. Те, кто воспринимает философию только как учебную дисциплину или абстрактную науку, относятся к философии несерьезно, утверждает Лидия. Конечно, у этих людей при этом жутко серьезный вид, но, как говорил Мюнхгаузен-Янковский из известного фильма, «все самые большие глупости делаются именно с этим выражением лица». Если я всерьез отношусь к философии, я понимаю, что она невозможна без моего личностного отношения к ней, как образу моей жизни. Это я выражаю в диалоге, вопрошании, заинтересованном слушании, принимающей интерпретации, во всем том, что является важным не только для меня, но и для других людей, с кем я налаживаю коммуникацию. Я должен серьезно относиться к своему делу (философии), быть всецело преданным ему, при этом, как это прекрасно показала Лидия, я могу с юмором относиться к себе. Удивительная «алхимия» юмора помогает мне справиться со своими внутренними противоречиями и выразить глубину своих мыслей и чувств, не теряя доброго отношения к жизни. Многими путями люди идут в философию, главное, чтобы эти пути вели к одному «храму» истины, самопознания, мудрости. И на фронтоне этого «храма» всех людей должна приветствовать надпись «Добро пожаловать!»

For citing: Borisov S.V.

How should we interpret philosophy?
(as exemplified by the materials of Lydia Amir's seminar "Taking philosophy seriously", May, 23—27, 2019, Chelyabinsk, "Kisegach" resort) // Socium i vlast' 2019. № 3 (77). P. 120—127.

UDC 1(091) + 101.1 + 101.9

**HOW SHOULD WE INTERPRET PHILOSOPHY?
(as exemplified by the materials of Lydia Amir's seminar "Taking philosophy seriously", May, 23—27, 2019, Chelyabinsk, "Kisegach" resort)**

Sergey V. Borisov,

South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
South Ural State University
(National Research University),
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation,
454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Abstract

The article is a review of the activity of the philosophical seminar "Taking philosophy seriously", which took place on May 23-27, 2019 in the "Kisegach" resort (Chelyabinsk region) headed by the philosopher from Israel Lydia Amir. During the seminar the following topics were discussed: the issues of "serious" and "not serious" attitude to philosophy, the philosopher's responsibility in the modern world, as well as practical and applied aspects of philosophy which are most relevant today and can open the way to this area of knowledge for the "general public".

Key concepts:

philosophy,
philosophical counseling,
philosophical practice,
philosophy teaching,
perfectionism,
meliorism.

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельный файл в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. key concepts (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru